

**ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО**

**ЛАВРЕНТИЯ
БЕРИИ**

СИГИЗМУНД МИРОНИН

Сигизмунд Миронин

Последнее дело Лаврентия Бери

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-94
ББК 63.3

Миронин С. С.

Последнее дело Лаврентия Берии / С. С. Миронин — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-115-6

Книга «Последнее дело Лаврентия Берии» продолжает традиции Ю.С. Семенова, являясь основанным на документах историческим детективом, где художественный вымысел минимален. В основе повествования небольшой, но значимый отрезок истории СССР (113 дней от смерти Сталина до убийства Берии), к которому регулярно обращаются исследователи. В литературе этот период заметно политизирован и давно превратился в поле, где сломано немало идеологических копий. В книге рассказано, как весной и летом 1953 года Л.П. Берия вел секретное дело об обстоятельствах смерти Сталина и утечки за рубеж информации о литиевой бомбе. Факты, которые приводит автор, на 180 градусов поворачивают расхожие представления о ранней послевоенной истории СССР. Для широкого круга читателей, которые любят захватывающие сюжеты и подлинную историю России.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00170-115-6

© Миронин С. С., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сигизмунд Миронин

Последнее дело Лаврентия Бери

© Миронин С., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

Предисловие

Настало время создавать документально-художественные произведения, основанные на достоверных фактах, а не на мифах. И этот роман – один из них.

Я собрал все воспоминания и всю документалистику. Поэтому это не просто и не только детектив. Это своеобразное историческое расследование, где методом анализа является изучение логики и вероятности поступков героев. Соединив все факты, я попытался построить логически непротиворечивую модель истории. Я преподношу факты в художественной аранжировке, показываю события без прикрас, и дело читателя – составить свое собственное мнение о том, кто был «кротом». При этом данный текст не является обвинением кого-либо. Просто здесь я попытался проанализировать имеющиеся исторические сведения и свести их в логическую цепочку. Некоторые персонажи и незначимые события являются частью художественного вымысла. События даются в интерпретации Берии. Я писал не по заказу кого-то или против кого-то. Стране не нужны кровавые революции, а нужна правдивая история. Я считаю, что правда – в исторических документах и логике поступков исторических деятелей, исследованных научным образом, а не в резолюциях Госдумы, Совета Безопасности или Ассамблеи ООН. Не их дело – выносить суждения по историческим вопросам. Это компетенция экспертов-историков, и она не терпит политической ангажированности.

В истории есть личности, которые, по некоторым данным, в том числе по свидетельствам современников, принимали участие в криминальных событиях того времени. Однако их вина так и не была доказана в суде. Признать человека преступником может только суд. Во избежание судебных издержек и обвинений в клевете я заявляю, что все намеки на их отношение к тем или иным событиям в тексте основаны на измышлениях моих героев и не подтверждены судебными разбирательствами, что все совпадения имен и событий случайны. Любые совпадения фамилий, текстов в целом, дубляжи или повторения (кроме отмеченных цитат) являются случайными. Материалы взяты исключительно из открытых источников в интернете.

Пролог

26 июня, 11 часов 13 минут. Москва, Марьино Роша

Стоял жаркий, но не изнуряющий своим солнцепеком 26-й по счету летний июньский день 1953 года. Армейский ЗИС с крытым верхом и номерными знаками Ярославской области выехал из ворот двора с двухэтажным деревянным домом внутри на 6-м проезде Марьино Роши. Он ничем не выделялся среди множества себе подобных (а таких машин в те годы было много). В крытом кузове сидел человек в старой гимнастерке, в углу, под тряпьем, были замаскированы новый, пока еще редкий в войсках автомат Калашникова с глушителем и крупнокалиберный пулемет. Доехав до площади перед Рижским вокзалом, грузовик остановился. Водитель вышел, закрыл кабину, а ключ незаметно положил в щель под резиновым ковриком на подножке. Через 10 минут к грузовику подошли два крепких мужика с военной выправкой. Они практически ничем не выделялись из толпы. Один из них, высокий и сухощавый, который звался Штырем (в быту – замредактора Гусев), оглянулся пару раз, затем наклонился и быстро извлек ключ зажигания из-под коврика. Второй назвался Молотом (они встретились лишь несколько дней назад и, по правилам конспирации, не имели права называть свои настоящие имена). Они сели в кабину. Машина медленно, с причмокиванием завелась и сообщила, что готова к их командам. Прогрев мотор и одновременно еще раз внимательно осмотревшись и тщательно проверив, не следит ли кто за ними, новые водители заставили грузовик тронуться и медленно выехали с площади по направлению к центру. Доехав по улице Горького до площади Маяковского, грузовик свернул направо и покатил по Садовому кольцу.

26 июня, 12 часов 13 минут. Москва, улица Качалова

Достигнув площади Восстания, где справа виднелась достраиваемая сталинская высотка, грузовик развернулся и медленно поехал по внутренней стороне Садового кольца в сторону поворота на улицу Качалова. Здесь грузовик резко свернул направо и въехал на улицу Качалова. Он притормозил перед воротами первого после небольшой огороженной рощицы и крошечного хозяйственного строения дома по левой стороне улицы. За домом начинался Вспольный переулочек. За переулочком высилось многоэтажное здание Дома звукозаписи фирмы «Мелодия».

Грузовик сделал резкий поворот налево и с ходу бампером вышиб из креплений в кирпичных стенах створки железных ворот, у которых наверху торчали острые металлические колья. Ворота, как карточный домик, упали перед грузовиком. При въезде во двор грузовик задел кузовом кирпичную стенку. Посыпалась штукатурка, и машину сильно трянуло. Несмотря на это, грузовик смог проскочить узкий проезд между особняком и небольшим хозяйственным строением и въехал во двор особняка.

На огороженный балясинами полубалкон, который оказался справа, вдруг выскочил невысокий лысый человек кавказской наружности. Только что, проглотив последнюю ложку супа харчо, человек сидел за столом в гостиной, откинувшись на спинку стула и сладко потягиваясь. «Нет, все-таки хорошо готовит Ирина», – подумал он о своем поваре. Подавальщица уже несла к столу котлеты по-киевски, и в этот момент внимание лысого привлек странный шум во дворе: как будто что-то обрушилось. Одновременно послышался шум мощного мотора, затем до ушей лысого человека долетел грохот. Этот шум во дворе отвлек его от еды. «Что за чертовщина? Что случилось?» – удивился лысый и взглянул на окно кухни, но занавеска мешала ему рассмотреть, что происходит во дворе. Тогда он вышел на полубалкон и увидел крытую грузовую машину и направленный на него из-под тента ствол крупнокалиберного пулемета. Ударил пулеметная очередь; крупнокалиберный пулемет звучал громко и призывно. Стекла вылетели. Лысый человек тихо ойкнул и завалился набок, упав за балясины, которые прикрыли

его. В комнату была брошена граната. Это вызвало яркую вспышку на конце длинного обеденного ствола. Пули били по окнам, ударялись в стены. Упавший коротко содрогнулся, выгнулся и замер. Его широко открытые глаза были устремлены в небо. Из живота стала вытекать кровь. Но очень скоро ее пульсация прекратилась, и она стала сочиться все медленнее и медленнее, пока кровотечение не остановилось совсем.

Охранники, остававшиеся около легковой машины, стоявшей на улице Качалова, немедленно вбежали во двор, но были уложены очередью из того же пулемета. Один из них был убит сразу наповал. Другой охранник, худощавый и высокий, получил лишь небольшое ранение. Он бросился на Штыря, ногой выбил у него сумку, игравшую роль щита, и ударил рукой в горло. В ответ Штырь полоснул его ножом по предплечью, в свою очередь получив сильный пинок в пах. Боль в боку мешала худощавому включить все тело в удары, но даже в таком состоянии раненый охранник был опасен. И только выскочивший из кабины напарник Штыря выстрелом из ТТ заставил охранника уgomониться. У Штыря вдруг сильно заныли поврежденные ударом яички, но времени сидеть жалеть себя и разбираться не было, нужно было уходить, чтобы успеть скрыться. Они наугад выстрелили пару раз из пистолетов и бросились к выходу со двора особняка, оставив грузовик во дворе.

Скорее всего, это конец, подумал Лаврентий (так звали нашего героя), но кто это мог организовать? Только вчера они вроде бы по-дружески расстались с Никитой и Егором. Нет, они не могли. Но кто? Да! Самонадеянность – мать всех провалов. Он с трудом сумел выдавить из себя только два слова и прохрипел: «Но что?» Скупая мужская слеза выкатилась из-под века. Мысли мелькали в голове как в калейдоскопе. Ему было жалко не себя, а того дела, которое он делал все эти годы, делал с усердием, считая это важнейшим в своей жизни. Всю жизнь он рисковал, лавировал среди разных идейных и коррумпированных идиотов, находя пути решения проблем с минимальными жертвами и рисками. Ему было жалко страну, за сохранение которой он воевал в войну, на алтарь которой положили свои жизни более 10 миллионов советских солдат. Ему стало ясно, что воры, окопавшиеся в номенклатуре, его обыграли. Он понял, что эта шантрапа потом погубит страну, как уже погубила ее вождя. Оставляя за собой блестящую дорожку, слеза скатилась вниз к самому уху. Очень скоро раненый потерял сознание и почти перестал дышать.

Хи-Со Квеон, прибывший в Москву из воюющей Кореи, шел по улице Качалова. У него было прекрасное настроение. Он прилетел по приглашению всесильного ныне вождя СССР Лаврентия Берии. Москва ему понравилась, но Квеон никак не мог понять, как можно есть мертвую рыбу – в магазинах на прилавках лежала мертвая рыба, причем лежала целыми днями. У них в Корее едят либо только что убитую живую рыбу, либо консервы, сделанные из свежельвленной рыбы, которая сразу после улова была превращена в консервы. «Странные эти русские», – думал Квеон. Но пребывать в прекрасном и неразрушенном городе для Хи-Со было праздником. Он вспомнил Пхеньян, полностью разрушенный американскими империалистами. Эх, как бы много он дал, чтобы убить того главного империалиста, который приказал бомбить прекрасные северо-корейские города.

Вдруг впереди послышались странные звуки, и он увидел, как грузовик пробил бампером стальные ворота и въехал во двор особняка. Оттуда раздалась очередь пулемета, а потом глухо грохнул взрыв гранаты. Он сразу понял, что звук вызван взрывом гранаты РГД-33. Квеон хорошо отличал звуки, которые издают разные виды стрелкового оружия и которые возникают при взрывах гранат. Не медля ни минуты, кореец побежал к источнику звука, направившись к особняку. Через открытые ворота он попал во двор, из которого были слышны взрыв гранаты и очередь крупнокалиберного пулемета. Там он увидел грузовик ЗИС и следы от пуль на штукатурке стены дома. Взлетев по лесенке с ограждением, Квеон обнаружил истекающего кровью лысого человека. Это был маршал Берия. Квеон давеча встречался с ним на Лубянке.

Следователь по особым поручениям Главного управления госбезопасности МВД СССР подполковник Миров направлялся по правой стороне Садового кольца в сторону Сухаревской площади. Они должны были встретиться с прибывшим из Кореи лейтенантом корейской армии Квеоном около особняка на улице Качалова. И когда начальник приедет к себе на обед, быстро во дворе обсудить с ним все накопившиеся вопросы. Проходя поворот на улицу Качалова, он увидел, как крытый ЗИС резко свернул налево и, выбив железные ворота, въехал во двор особняка. Перед особняком стоял ЗИС начальника. Раздались выстрелы. Миров рванул к дому, заглянул в проем ворот, навстречу по кирпичной кладке ворот ударила пуля. Миров показал себя отличным профессионалом: мгновенно отпрыгнув за остатки ворот, он уже на лету развернулся, выхватил свой ТТ и зашарил стволом в поисках мишени. Но движения не было. Он проскочил во двор и спрятался за машиной. Одна из выпущенных Штырем пуль настигла Мирова, пронзив по касательной мышцу левого плеча. Он упал, ударился головой о бампер и на короткое время потерял сознание.

Когда Миров очнулся, во дворе уже никого не было. Он быстро поднялся по лестнице и увидел тяжело раненного абсолютно лысого человека на верхних ступеньках лестницы. Около него находился человек в форме Корейской народной армии. Это был кореец Квеон. Он пытался остановить кровь, сочащуюся из живота лысого. Квеон знал этого человека – это был министр, с которым они беседовали о перебежчике. Они с Мировым быстро подняли лысого человека и потащили к дыре в заборе, который отделял двор от небольшой рощицы, смотрящей на Садовое кольцо. С большим трудом они с корейцем дотащили раненого до дыры в этом заборе. Медленно протискивая тяжелое тело толстяка через дыру в заборе, Миров вдруг подумал про раненого: «И зачем так обжираться?», но сразу же устыдился такой мысли. Они спрятали умирающего в этом соседнем садике, так как сразу поняли, что Берию хотели убить.

Действовать следовало очень быстро, иначе скоро должны были приехать милиционеры и гбэшники. Было ясно, что покушение на Берию – результат игр наверху, игр высоких элитных материй. Миров знал, что вторжение в секреты вождей чревато. Он боялся, что скоро появятся милиционеры. Нужно было как-то замаскировать следы.

Один из убитых охранников, затихших на дворе, с изуродованным лицом, был похож на лысого и одет в сходный костюм. В свое время его, очень похожего на своего шефа, специально подбирали на роль охранника, чтобы избежать покушения. Он оказался раздавлен грузовиком. Стальную нагрудную пластину, которую лысый носил на улице, но дома снимал, кое-как надели на охранника, которого с трудом втащили на кухню. Около этого убитого коротконового охранника с полностью разбитой и обезображенной лысой головой (видимо, ее переехало колесо ЗИСа) они оставили пенсне и наградные часы министра. Опознать труп было невозможно. Затем они замаскировали следы. Кореец тщательно размазал и засыпал оставшийся от волочения кровавый след на дворе землей.

После этого Миров, понимая, что убийцы рядом и если милиция обнаружит его в этом дворе, то его и обвинят в убийстве, быстро покинул двор вместе с Квеоном. Когда они выходили, в окне соседнего дома показалось лицо молодой женщины. Увидев Мирова, она мгновенно нагнулась, спрятавшись за подоконник. Миров побежал налево по ходу улицы Качалова, но впереди никого не было. Тогда он свернул налево в переулок, справа начиналась улица, параллельная Качалова. По ней быстро шли двое. Один из них обернулся и выстрелил. Практически сразу сзади прозвучали гулкие выстрелы из «снайперки», и те двое упали. Было ясно, что работал опытный снайпер. Миров мгновенно прильнул к забору и стал оглядывать крыши окружающих домов. Сзади послышался вой милицейских сирен. Нужно было немедленно исчезать. Квеон побежал в противоположную сторону, и тут его тоже настигла снайперская пуля. Кореец понял, что погибнет вдали от родины, вдали от великого вождя Ким Ир Сена. Он испытал раскаяние, из-за того что не смог отдать свою жизнь за великое дело освобождения Кореи.

1 марта, 5 часов 15 минут. Корея, город Йонан

После окончания ночной атаки, которая позволила Квеону уничтожить не менее пяти американцев, Хи-Со сидел в окопе и отдыхал. Под утро, когда они возвращались в свое расположение, Квеон увидел солдата в американской форме защитного цвета. Он поднял руки и что-то говорил по-иностранному. Группа на всякий случай его связала и взяла с собой. Так, рано утром 1 марта в Корею (в Москве совсем недавно часы пробили полночь) на линии соприкосновения оккупационных войск ООН и армии Северной Кореи и китайских добровольцев недалеко от Йонана (Yonan), где воевал Квеон, был захвачен перебежчик. Перебежчик оказался американским коммунистом, попавшим под молх маккартизма и призванным в армию. Он был ранен. Пока Квеон волок, а потом тащил его на себе через условную линию фронта, они несколько раз попали под массивный обстрел, и язык получил новое ранение. Перебежчик боялся, что не выживет, и, пока они сидели в окопе, начал все рассказывать Квеону. Понимая, что скоро умрет, американский коммунист сообщил Квеону о том, что подслушал разговор двух своих особистов (они тоже были в американской армии), которые обсуждали вопрос о готовящемся убийстве в Кремле.

В подразделении Квеона его оформили как захваченного языка. Затем Квеон и его подразделение передали его корейским особистам. Оказалось, что под покровом ночи он переплыл реку Хан (Han). Перебежчик потребовал встречи с представителями СССР и в особенности просил его обязательно связать с советским представителем госбезопасности. Когда его доставили к одному из таких советников, американский перебежчик назвал себя Джоном Хардом и сообщил, что в Москве готовится убийство одного из вождей, скорее всего – самого главного советского вождя. По словам перебежчика, он подслушал разговор двух офицеров войсковой разведки, которые сказали, что после ликвидации советских лидеров (вроде бы они говорили о некоем дядюшке Джо) начнется генеральное наступление на Кима и Пэна. Покушение готовится таким образом, чтобы создалось впечатление, что вождь заболел естественной болезнью. О полученной информации было сообщено наверх по инстанциям. Она попала в руки министра государственной безопасности Игнатьева, а потом на стол куратора силовых структур по линии Совета Министров СССР, первого заместителя председателя Совета Министров СССР Сталина Булганина, который заявил, что это чепуха, так как вождь железно защищен, а болезнь подделать нельзя. Наконец после долгих обсуждений военные советники СССР, находившиеся в Корею, вечером по местному времени 1 марта решили сообщить о перебежчике маршалу госбезопасности Берии, куратору советского атомного проекта. Решение было принято потому, что Берия, хотя и не курировал силовиков, попал в список рассылок по Корею, поскольку занимался вопросами, связанными с усовершенствованием самолетов МиГ-15. Дело в том, что, будучи ответственным за создание атомной бомбы, Берия курировал также вопросы доставки создаваемых атомных бомб, кроме того, в его ведении находилась противовоздушная ракетная оборона. В создании последней принимал участие его сын Серго. Информация о перебежчике, которая поступила утром 1 марта 1953 года, была направлена Берии еще и потому, что в ней говорилось и о подготовке атомной атаки на СССР.

28 февраля, 22 часа 39 минут. Москва, улица Грановского

Человек сибаритского вида в бархатном халате сидел дома перед телевизором КВН и размышлял, догадался ли Берия об утечке. «До чего же он скрытный, – подумал сибарит о Берии, – и если бы не растяпа Маленков, то так бы он и не узнал о новой бомбе». А это главное, что от него требовали там. Пока все шло по плану, скоро можно будет занять кабинет в Кремле...

1 марта, 7 часов 23 минуты. Челябинск

Маршал госбезопасности Лаврентий Павлович Берия сидел в гостиной большого номера красивого загородного дома, который служил гостиницей для особо важных гостей, приезжающих в Челябинскую область. Берия, 53 лет от роду, был грузным толстоватым человеком чуть ниже среднего роста, с нездоровым цветом лица. Он сидел за столом на загородной даче Челябинского обкома КПСС и смотрел в окно. До этого довольно узкое лицо Лаврентия в последнее время расплелось. Появился второй подбородок. Щеки как бы лежали на плечах. Спинка носа была плоская, большая и хорошо уравновешена обоими крыльями носа. Нависающий над губами кончик носа («висячий галл») указывал на личность, занимающую прочное положение в обществе. Мочки ушей были выражены плохо. Пухлые чувственные губы и раздвоенный подбородок, придававший лицу интеллигентность, довершали картину.

Будучи близоруким, Берия носил пенсне без оправы, что иногда делало его похожим на скромного совслужащего. Пенсне надевал так, что нижние края стекол торчали немного вперед, и постоянно протирал его, когда волновался. Из-за своего пенсне Лаврентий Павлович чем-то напоминал ученого. Его лысый череп вмещал в себе мозг необыкновенного свойства. Лаврентий обладал почти абсолютной памятью. Он любил смотреть собеседнику прямо в глаза, чуть-чуть прищуриваясь. Рука Берии была пухлая, влажная и многим при рукопожатии казалась мертвенно холодной. Голос был чуть ворчливый, бурчащий, фраза небрежная, короткая. Его русская речь была правильная, без ошибок, хотя слова он произносил с небольшим грузинским акцентом. Было лишь слышно, что в слове «трудно» он растягивает звук «у», вместо слова «партию» произносит «партю», вместо слова «новым» – «новим». Берия заразительно смеялся, как ребенок. Когда он улыбался создавалось впечатление, что растянутые уголки губ – всего лишь отвлекающий маневр. Берия всегда держался прямо и не сутулился, хотя было видно, что выправка его не военная. Жизнь изрядно потрепала его тело. Поэтому ныне различные желания юности уступили банальному «больше сна». Он любил держать руки в карманах брюк, но погружал туда только большие пальцы, ладонь же оставалась снаружи. Приветствуя народ, он поднимал правую руку, сгибая ее в локте и поднимая на уровень шляпы, ладонью вперед, но не козырял, как Маленков или Молотов. Походка Берии тоже была своеобразной, он резко поднимался на носок опорной ноги, отчего как бы подпрыгивал.

Как правило, Берия был безупречно выбрит и аккуратно одет. Он вообще предпочитал одеваться хорошо, любил классический костюм серого цвета в продольную черную полоску. В последнее время после того, как Лаврентий Павлович резко расплелся, костюм сидел довольно мешковато. Галстук он носил не очень широкий, завязанный не совсем симметрично. Берия любил пальто макинтош (в своем родном Тифлисе он ходил в темном двубортном пальто и носил кепку) и постоянно носил шляпу, которую надевал глубоко. Лаврентий Павлович предпочитал темную «федо ру», шляпу, вошедшую в моду еще в конце XIX века и сохранявшую популярность по крайней мере всю первую половину следующего столетия. Он не любил каракулевые папахи, какие были у большинства членов ЦК КПСС, а потому даже зимой их не носил.

После стольких лет, проведенных в Москве, Лаврентий Павлович думал на русском языке. Эти годы, прожитые в фактическом отрыве от грузинского языка, давали о себе знать. Он фактически врос в русскую культуру. Шутки ниже пояса, матерные анекдоты он не признавал. Русский народ любил анекдоты, и Берия их хорошо знал. Он часто использовал такие выражения, как «япона мать», «да ладно, бог с вами», «ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса». «Ну и ладно, ну и хрен с вами», – говорил про себя Берия, оправдывая свои поступки. «Н-да, интересно, – любил он сказануть в неясных случаях, а потом тихо добавлял: – Не надо оваций, командовать парадом буду я». Берия любил роман Ильфа и Петрова «12 стульев», который после войны был почему-то запрещен.

Он не любил роскоши и поселился в загородной гостинице обкома КПСС потому, что она была ближе всех к аэродрому. Начало весны 1953 года застало Берия в Челябинске. Вчера

Лаврентий Павлович посетил завод по обогащению изотопа лития-6. Там шли последние приготовления к запуску производства по глубокой очистке лития-6 и синтеза его гидрида (дейтерита). В Челябинске, хотя там уже наступило 1 марта, стояла суровая морозная сибирская зима.

Берия тяжело поднялся из-за стола. В последние годы Лаврентий Павлович чувствовал себя все хуже и хуже, начал сдавать, что-то часто стала беспокоить непонятная усталость. Он погрузнел, располнел, появилось пузо. Иногда кружилась голова, бывали приступы тошноты. Все чаще он ложился на диван в своем большом кабинете и в течение нескольких минут не мог подняться от усталости. Он даже посетителей иногда принимал лежа. Что-то было явно не то со здоровьем. Особенно ухудшилось самочувствие после посещения им полигона под Челябинском в 1949 году и после испытания второй атомной бомбы. Он не отжимался от пола уже несколько лет.

«Да, укатили сивку крутые горки», – грустно отметил для себя Берия. Лаврентий Павлович не мог себе представить другой жизни. Работа, работа и еще раз работа. Лаврентий иногда спрашивал себя, ради чего он рвет жилы, и не мог найти удовлетворяющего самого себя ответа. Он хотел завершить работу над литиевой бомбой, создать систему противоракетной обороны, сделав СССР полностью независимым от агрессивности США, а потом уйти на покой и заняться своей любимой архитектурой. Верил ли он в идеалы коммунизма? Верил, но как-то абстрактно, в отдалении. «Да, скорее всего, потомки будут представлять меня жестоким тираном, – вел сам с собой диалог в мыслях Берия. – Зачем вообще я тяну эту лямку? Ведь уже 54-й год пошел. Но кто же будет доделывать все это?» – задавал сам себе вопрос Лаврентий Павлович. Он умел схватить суть дела, найти решающее звено и сконцентрировать все силы на этом участке. Берия обычно создавал себе модель процесса или события, что позволяло ему легко входить в тему. Наконец, он умел заставить работать людей. Он вспомнил Тбилиси. Хоть и много пришлось работать, но был моложе, был толк, и народ шел с благодарностями. А ради того, чтобы увидеть радость на лицах селян, стоило и вечерами работать. В годы войны сотрудники Берии смогли поставить в кабинет посла США жучок. И Берия не без оснований гордился работой своих сотрудников. Мать как-то сказала Лаврентию, что она из княжеского рода. А еще Лаврентию всегда было очень жалко свою глухонемую сестру, хотя она вполне приспособилась к своему недостатку. Он хотел рассказать правду о репрессиях 1937 года и войне и поделился об этом с женой. Она сказала: «Если сделаешь так, то считай, Лаврентий, это твой конец. Они тебе этого не простят». Любил ли он сына и невестку? Несомненно. Сын был умницей, и Лаврентий Павлович гордился своим отпрыском. Отличник в школе и краснодипломник в институте. Отличные внуки. Невестка. О чем еще может мечтать мужчина в самом расцвете сил.

Лаврентий Павлович был реалистом. Он старался думать только о том, что касалось его работы. В своих коллективах Берия старался создать благоприятную рабочую атмосферу, исключая отношения, которые были бы построены по правилу «как прикажете», – атмосферу, исключая ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего. Он считал, что руководить – это значит не мешать хорошим людям работать. «Хорошо там, где нас нет», «В гостях хорошо, а дома лучше», «Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя», «Нет в мире краше родины нашей», «Где родился, там и содился»... Берия часто произносил эти сентенции в разговорах с сотрудниками... Будучи грузином, а точнее, мегрелом, Берия любил сухое вино, но не «Алекса́ндреули», как Сталин, а «Ркацители». Он не курил, но любил смотреть, как горят спички, и поэтому носил с собой коробок. Вот и сейчас он вынул спичку, чиркнул о коробок и стал смотреть. Вот спичка догорит, и промелькнувшая жизнь покажется парой секунд.

Наконец Берия оторвался от размышлений и вышел на балкон. «Какая красивая природа!» – думал Лаврентий, любуясь заснеженным лесом за окном и следя за падающими сне-

жинками. Берия искренне любовался русской природой, хотя и предпочитал природу родной Грузии. Воздух был студеным, голубоватым. Одно слово – Сибирь. Лаврентий Павлович мог любоваться природой часами – его волновал каждый порыв ветра, всякий шелест дерева. Солнце ли выглянуло, дождь ли собрался, снег ли выпал – он в восторге. Каждое утро он отмечал малейшие изменения в природе. И вдруг! Сначала Берия не поверил себе: в саду завyla собака. Этого быть не должно. Здание тщательно охранялось. На всякий случай он вернулся в комнату, сел за стол, стал медленно потягивать свое любимое сухое грузинское вино, читать вечерние газеты и обдумывать последние события.

В вечернем выпуске газеты «Правда» за 28 февраля ничего такого интересного, что бы привлекло внимание Лаврентия Павловича, не оказалось. Берия вспомнил недавнее сообщение о том, что 1 февраля этого года 50 основных дамб Голландии были разбиты волнами Северного моря. Огромные штормовые волны хлынули на побережье Голландии, прорвав защитные сооружения, которым насчитывалось несколько сотен лет. Утонуло 1835 человек. 9 января потонул южнокорейский паром у Пусана, погибло 249 человек. «Вот и буржуев покарал Господь. Как говорится, баба скачет задом и передом, а жизнь идет своим чередом: где-то достигали успехов, где-то случались катастрофы», – подумал Берия. Он любил русский язык за возможность говорить вычурно. На стопке газет лежало донесение о перебежчике из Кореи. Прочитав его, Лаврентий Павлович принял решение – немедленно, этим же утром вылететь в Москву.

1 марта, 11 часов 7 минут. Самолет в Казань

Только сейчас Лаврентий Павлович смог вылететь в Москву на борту самолета Ил-12. Берия боялся летать на самолете, но постоянно преодолевал эту фобию. Он пользовался персональным самолетом, поскольку часто было необходимо срочно сорваться из Москвы и на месте решить больной вопрос. От Челябинска до Москвы 4 часа полета, но должна быть посадка в Казани для дозаправки. Берия решил использовать время по полной и остановиться в Казани, чтобы обсудить с лидерами Татарской Автономной Республики положение с нефтедобычей в Волжском нефтеносном районе. После войны обнаружилась резкая нехватка нефти в СССР, и тогда Сталин вновь призвал Берия спасти положение.

Мысли продолжали скакать с одной темы на другую. В очередной раз мысль Берии перескочила на Корею. Он стал думать, что стоит за перебежчиком. Не подстава ли это – от американцев всего можно ждать. «А может, деза? Да, кажется, Хозяин (так про себя Берия называл Сталина) потерял бдительность, – продолжил свой анализ Берия. – Он в себе слишком уверен и знает, что народ сомнет любого, кто его убьет». Тогдашняя Москва была полна слухами о готовящемся покушении. Сталин, узнавший об этих слухах, думал, что на него нападут либо по пути из Кремля, либо в Кремле. С дачи же он каждый раз выезжал неожиданно.

В последние дни, узнав о слухах, говорящих о подготовке покушения, Сталин заперся на даче. Он перестал ездить в Кремль и принимал Берия на даче. В последние дни своей жизни Сталин основную часть вопросов решал на даче. После странной смерти коменданта Кремля Косынкина с 17 февраля Хозяин уже не приезжал в Кремль и не появлялся на публике, а принимал всех на Ближней даче. Другим шагом Сталина был прием главного инквизитора Советского Союза, председателя Комитета партийного контроля, многолетнего специалиста по проверке и чистке М.Ф. Шкирятова. Встреча состоялась 27 февраля, на следующий день после встречи с Берией.

Берия всегда анализировал события с разных точек зрения. Он доставал информацию из архивов своей памяти, где, как у Шерлока Холмса, все было разложено по полочкам. Лаврентию Павловичу не требовалось делать над собой никаких усилий – цифры выскакивали из его памяти как из арифмометра, особенно если он их до этого хоть как-то анализировал и сорти-

ровал. Они откладывались у него в его извилинах и обнаруживались в закоулках памяти по первому желанию.

Берия персонально оказался вовлеченным в Корейскую войну не сразу. Он подключился только в 1952 году. Было это связано с действиями советской авиации в Корее. Когда американцы стали бомбить Север Кореи и собрались бомбить Китай, СССР послал туда своих летчиков на самолетах МиГ-15. Американские истребители «Сейбры», особенно последних модификаций, уступали в скорости советским самолетам МиГ-15 и МиГ-15бис, но превосходили их в маневренности. Кроме того, у американских летчиков были противоперегрузочные костюмы, что позволяло делать более крутые виражи. Однако находившиеся на вооружении советских истребителей МиГ-15 23- и 37-мм пушки имели значительно большую дальность эффективного огня, а также разрушительную мощь по сравнению с крупнокалиберными пулеметами В-29. До осени 1952 года советские асы Отечественной войны легко били американцев – соотношение потерь в воздушных боях между МиГ-15 и «Сейбрами» было 1 к 8 в пользу МиГов. Но в конце 1952 года американцы установили на «Сейбрах» радиолокационные дальнометры с индикацией на лобовом стекле. Ситуация сразу же изменилась. Американцы стали побеждать в воздушных боях. Потери советских летчиков резко возросли. Нужно было что-то делать.

И всегда, когда было трудно, привлекали Берию – он оказался вовлеченным в дела Кореи после того, как Анастас Микоян вместе со своим братом-конструктором Артемом попросили его ознакомиться с изобретением Мацкевича, а затем, если оно окажется полезным, убедить Сталина и пробить устройство в промышленность. Когда требовалось быстро и эффективно решить задачу, Сталин всегда подключал Берию. Именно поэтому Сталин немедленно вызвал Берию. Предварительно последний попросил своих аналитиков подготовить доклад о Корейской войне. Когда Берия вник в суть вопроса, ему стал ясен замысел американцев – проверить, можно ли бомбить СССР атомными бомбами, доставляемыми бомбардировщиками В-29.

Лаврентий отчетливо представил ту свою встречу со Сталиным в кремлевском кабинете. Тогда Сталин встал из-за стола, неспешно подошел к Берии и поздоровался.

– Товарищ Берия. Тут ко мне обратился товарищ Мыкойан, не наш, а конструктор. Он утверждает, что какой-то лейтенант изобрел нечто, что поможет нашим летчикам в Корее бить американцев. Как вы считаете, что следует сделать?

– Товарищ Сталин, сейчас от того, смогут ли наши летчики побеждать, зависит решение американцев. Мои агенты утверждают, что в настоящий момент у США есть около 300 атомных бомб и они готовы к бомбардировкам. У нас пока нет такого количества бомб, да и не долетят наши бомбардировщики до Америки.

– И что вы предлагаете?

– Если в Корее американцы докажут, что их бомбардировщики В-29, сопровождаемые их реактивными истребителями «Сейбрами», способны прорвать нашу воздушную оборону, то новый президент вполне может принять решение бомбить. Эйзенхауэр занимает гораздо более антисоветскую позицию, чем кандидат от демократов. По сути, Корейская война является репетицией третьей мировой.

– Товарищ Берия, не надо здесь читать лекции по марксизму и о международном положении. Товарищ Сталин все это знает. Поконкретнее, пожалуйста.

– Во время последней войны американцы приобрели богатый опыт борьбы с противозвоздушной обороной и выработали универсальный рецепт: любую оборону, и особенно противозвоздушную, можно «насытить» и тем самым вывести из строя. Именно так американцы проводили свои бомбардировочные рейды в Германии на Западном фронте во время Второй мировой – буквально «заваливая трупами» самолетов немецкую ПВО. На это уходило несколько процентов самолетов, а остальной поток долетал до объектов.

– Понятно, и что из этого следует?

– А то, что наши истребители не должны им это позволить. Они могут сбить множество летающих крепостей и напугать американцев. Я разговаривал с лейтенантом Мацкевичем. Он мне показался человеком здравого ума.

– Товариш Бэрья, не надо лирики.

– Я бы сделал так. Пусть изобретатель поможет сделать 10 устройств. Их следует поставить на МиГи, посадить на них лучших летчиков, и пусть попробуют. Если прибор окажется полезным, то предприятия нашего атомного проекта смогут их изготовить быстро и массово. Эти опытные образцы Мацкевич может сделать у меня в Атомном комитете.

– Так и решим.

Антирадар был создан в секрете даже от членов Политбюро. Видимо, Сталин уже начал подозревать, что среди высшего звена имеется «крот». Делали его в обстановке строгой секретности на предприятиях, подчиненных Берии. Через две недели, после успешной проверки эффективности антирадаров на 10 МиГ-15, пилотируемых летчиками-асами, Берия был вызван и кабинет вождя и доложил:

– Товарищ Сталин, приборы оказались очень полезными. Они очень просты в эксплуатации и улавливают радиоволны, которые испускают локаторы, поставленные на американских самолетах, и предупреждают наших летчиков об опасности – что за ними идет американский самолет.

– Хорошо, товариш Берия. Вы обещали их быстро изготовить.

– Да, сделаем.

– Делайте, – Сталин дал задание Берии выпустить 500 таких антирадаров и установить их на всех истребителях, которые воевали в Корее.

– Товарищ Сталин, а зачем мы вообще в эту войну влезли? Вы же были против?

– Это товариш Булганин подбил Кима, я тогда был в отпуске и был занят книгой о языкознании. Да и приболел я чуток.

– Да, я помню тогдашние заседания Политбюро.

– Еще одна насущная проблема – нефть. Добыча в Татарии растет медленно, в Баку залежи ее почти истощены.

– А почему бы нам не взять под свой контроль Иран? – спросил Берия.

Помолчав, Сталин сказал:

– Иран выглядит соблазнительной добычей. Он богат нефтью (в которой мы нуждаемся), а в военном плане абсолютно беззащитен. Беда, однако, заключается в том, что иранская коммунистическая партия Туде слишком слаба, чтобы победить в гражданской войне. Поэтому если мы ударим по Ирану, нам придется задействовать собственные войска. А это означает риск полномасштабной войны с США и международными силами ООН. При наличии Корейской войны мы это просто не потянем. Поэтому, втянувшись в Корейскую войну, мы просрали и Иран...

Антирадары поставили на самолеты. Однако с началом сезона дождей приборы стали выходить из строя. Оказалось, что во время ночных дождей ночью они на самолетах намокают и утром плохо работают. Берия послал Мацкевича в Корею для изучения ситуации, и тот быстро понял, что приборы были проницаемыми для воды и после ночных дождей работали плохо, «коротили». Тот поговорил с местными корейцами, которые предложили залить внутренность прибора водонепроницаемым составом. И дело пошло. После доводки антирадаров ни один МиГ-15 не был сбит. По крайней мере, пока о таких потерях Берии не сообщали. Мацкевичу было присвоено звание капитана, и он награжден орденом.

Не считая его любимого театра, Берию интересовали и одновременно больше всего беспокоили резкое сокращение финансирования атомного проекта и утечка в Штаты информации о литиевой бомбе. Основными проблемами, из-за которых возникла нехватка денег на литиевую бомбу, были война в Корее и ГДР, ненасытно пожирающая деньги. При этом финанси-

рование атомного проекта было сокращено. Другая часть денег ушла в ГДР, которая начала сверхактивно строить социализм и села в лужу. Продолжающаяся уже более полутора месяцев кампания антисемитизма же грозила тем, что проект может остаться без ученых-физиков, где очень велик был процент евреев. Никак не заканчивающаяся Корейская война его беспокоила не из-за того, что он там принимал участие в усовершенствовании истребителей МиГов, а потому, что нутром чувствовал: война эта была спровоцирована американцами, и неспроста.

Неожиданно Берия вспомнил о жестокости америкосов. Об этом ему сообщали его агенты из Кореи. Америкосы были гораздо изощреннее японцев, убивавших в Китае, и даже гитлеровцев, мучавших людей в СССР. В январе 1951 года командующий американскими войсками в Корее Харрисон издал приказ (агенты Берии быстро доставили текст приказа своему шефу), в котором были следующие слова: «Уничтожайте всех красных бандитов, чтобы освободить Северную Корею от коммунистических чудовищ. Охотьтесь на них и убивайте всех членов Коммунистической партии, государственных служащих и членов их семей. Убивайте и симпатизирующих им... Стреляйте в любого мирного жителя, подозреваемого в том, что он коммунист, – не беря его в плен. Китайцы и корейцы внешне только немногим отличаются от зверей». Всего за несколько месяцев американской оккупации было казнено более миллиона мирных жителей. Даже Гитлер не смог организовать геноцид на захваченных территориях с таким размахом.

Никогда еще на нашей планете не умерщвлялось столько людей и с такой жестокостью, как это делали янки в Корее. На временно оккупированных американцами корейских территориях постоянно совершались массовые расстрелы и казни. Залитые напалмом деревни и города затмили собой нацистские крематории. 18 октября американцы загнали 900 жителей Синчхонского уезда в бомбоубежище, облили бензином и сожгли живьем. В числе сожженных было 300 корейских женщин и 100 детей. В городе Енан войска США зарыли живьем в землю больше тысячи человек, несколько десятков детей. На руднике Ыннюл больше 2 тысяч человек было сброшено в шахту и засыпано рудой. В городе Эхчжу американские морские пехотинцы загнали 180 местных жителей на маленький корабль, оттащили в море подальше от берега и вместе с катером утопили. В уезде Чжерен воины «нового мирового порядка» четвертовали мальчишку, помогавшего партизанам. В поселке Санамли семнадцатилетнему парню забили в переносицу десятисантиметровый гвоздь, там же распоролы штыком живот беременной корейки и 300 человек разрезали соломорезкой. В Сенри американцы распоролы живот беременной женщины, хвастаясь, что уничтожают красных под корень. В волости Ончхон янки забили кол в половой орган арестованной корейке; другой – каленым железом прожгли половые органы и убили.

7 ноября, в честь Дня первой в мире социалистической революции, американские военнослужащие расстреляли 500 местных жителей на горе Судо в провинции Хванхе и 600 жителей в уезде Пексон. В городе Саривон янки загнали 950 человек в пещеру горы Марасан и всех расстреляли из пулеметов. В самом Пхеньяне было брошено в концлагеря 4 тысячи горожан, половина из которых была казнена. Тела казненных солдаты США сбрасывали в колодцы и водохранилище. Например, после освобождения китайскими и корейскими войсками Пхеньяна в городской тюрьме были найдены трупы около 2 тысяч заключенных, которых не стали эвакуировать, а просто расстреляли! В окрестностях Пхеньяна были обнаружены захоронения около 15 тысяч человек, убитых в период оккупации города американцами. Более 35 тысяч. В других городах и уездах Северной Кореи в период оккупации также погибло много мирных жителей. Например, в уезде Синчхон войсками ООН было уничтожено около четверти его населения – погибло более 35 380 человек, из них около 16 200 детей, стариков и женщин! И так в Северной Корее было везде, куда вступала нога американцев и ооновцев. Это был фирменный стиль америкосов, затмивший жестокость фашистов. Оккупировав Никарагуа в 30-е

годы, америкосы еще раньше Гитлера проявили сверхжестокость – партизан, воюющих против них, они просто четвертовали.

ВВС США проводили массированные ковровые бомбардировки городов и промышленных предприятий, уничтожали мосты, железнодорожные узлы и ирригационные сооружения. В качестве способа давления на северокорейскую сторону американская авиация разрушила плотины на реках Кусонган, Токсаган и Пуджонган. В результате были затоплены огромные площади сельскохозяйственных земель, что вызвало голод среди мирного населения Северной Кореи. Берии сообщили, что командующий американской авиацией в Корее Кертис Ле Мэй с гордостью заявил: «Американские ВВС убили аж двадцать процентов населения Кореи как прямых жертв войны или голодом и холодом». «Ну что за гадина?» – подумал Лаврентий. Американцы разбомбили все плотины. Если бы не советские летчики-асы, то американцы бы разбомбили все даже отдельно стоящие дома.

1 марта, 13 часов 33 минуты. Самолет в Казань

Берия мысленно возвратился к тому дню, когда все это в Корее началось.

Он припомнил, что тогда ему сразу показалось, что Юг специально втягивал Север в войну и заманивал их на юг. Чувствуя, что Ким вошел в раж, а америкосы что-то готовят, Сталин отозвал из Северной Кореи военных советников. К июню 1950 года ни Северная Корея, ни Южная Корея сами по себе не имели сил для победы. Корейская народная армия (КНА) КНДР имела численность до 188 тысяч солдат и офицеров, армия Республики Корея – до 161 тысячи. Общая численность сухопутной группировки составляла 120 тысяч человек, в ее составе было 150 танков Т-34, в военно-воздушных силах имелось 172 устаревших самолета. Со стороны Южной Кореи численность сухопутной группировки, обученной американскими специалистами и вооруженной американским оружием, к началу войны составляла 93 тысячи человек и 230 тяжелых орудий. Кроме того, южнокорейская армия располагала всего дюжиной легких учебно-боевых самолетов и небольшим количеством бронетехники. Танков у Кима было больше, но местность была гористая, явно не для танков. Если бы Сталин готовился к войне или разрешил бы Киму начать ее, то он бы лично все проконтролировал и передал бы северным корейцам пару-другую из десятков тысяч танков, которые находились на вооружении Советской армии и были переброшены для войны с Японией. Сталин хорошо усвоил из опыта Великой Отечественной войны, что наступательная операция требует шестикратного превосходства в живой силе и технике. «Но если бы они хотели победить, – говорил потом Сталин – им следовало бы нарастить более мощный кулак войск: 30 %-ное превосходство не позволяло добиться победы. Да и американцев, сидевших в Южной Корее, забыли. Ну кто же надеется с помощью каких-то 120 тысяч солдат завоевать такую территорию, когда тебе противостоит Америка. Не хватало еще развязать третью мировую войну. Кто восстанет? Какая классовая борьба? Что они везде марксизм суют? Нет больше классического капитализма».

Созданный в июне 1949 года Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) в 1949 и 1950 годах выдвигал предложения о мирном объединении. Однако они отклонялись Ли Сын Маном. В общем, никто в сталинском Политбюро не предвидел такого развития событий. 5 июня поздно вечером в кремлевском кабинете Сталина собрались семь членов ПБ (почему-то не было Косыгина и Ворошилова) и Сталин. Пригласили также Громыко и Зорина. Как министр иностранных дел, Вышинский уже давно не вызывал доверия у Сталина. «У него одно на уме – поэффектнее с трибуны ООН выступить», – пробурчал как-то вождь в присутствии Берии. Поэтому Сталин часто предпочитал многие вопросы решать с Громыко, который был заместителем Вышинского.

Чтобы Ким не начал атаку, Сталин не дал ему военных кораблей и отозвал советников. Ким Ир Сен попросил Сталина через посла Штыкова усилить военно-морские силы. Ким Ир Сен жаловался, что кораблей мало. Один из СССР получен, но без экипажа. Он просил при-

слать еще несколько. Но Сталин отказал. Он не хотел начинать войну. Штыков, как обычно, пообещал, а затем отправил просьбу в Москву. Но неожиданно получил от Сталина выговор о том, что он (Штыков) должен помнить, чьи интересы он отстаивает – СССР, а не Кореи!

«Ким и Булганин поставили Сталина перед фактом. Однако такое впечатление, – думал Берия, – что они попались на провокацию США. Американцы специально не взорвали мост через очень широкую реку севернее Сеула. Однако американцы попались на том, что СССР прислал новейшие МиГ-15 и Мао прислал китайских добровольцев, как плату за оружие, с помощью которого КПК с Мао во главе победила Чан Кайши, оружия, оставшегося после разгрома Квантунской армии. Кроме того, СССР обеспечил Китай надежной защитой от налетов авиации с Тайваня».

Сталин считал, что никто не посмеет не выполнить его запрет на начало войны за Юг. У самого Сталина были другие проблемы. Летом 1950 года болгарская армия была полностью отобилизована и стояла у югославской границы. Однако Тито прошел суровую школу, и «поймать» его одним балканским сателлитом, без Красной армии, было не по силам. СССР дал Северной Корее ровно столько оружия, чтобы они только могли защититься. Война в Корее не нужна была и Китаю. КНР готовилась форсировать Тайваньский пролив и вернуть Тайвань. Дело в том, что Г. Трумэн, отказав в признании КНР, вместе с тем заявил о своем невмешательстве во внутренние дела Китая. Если бы не начало войны в Корее, то судьба гоминьдановского режима на Тайване была бы predetermined.

Кроме того, Сталин в это время занимался вопросами языкознания и совершенно не считал корейский вопрос первоочередным. В мае-июне в СССР проходила дискуссия по вопросам языкознания, в которой принял участие И.В. Сталин. Раз в неделю, с 9 мая по 4 июля 1950 года, «Правда» выходила с вкладышем на шести полосах, где печатались материалы дискуссии по языкознанию. 18 июня Сталин разослал членам Политбюро свою статью по вопросам языкознания, а 20 июня опубликовал в «Правде» статью «Относительно марксизма в языкознании». 4 июля И.В. Сталин поместил в газете «Правда» статью «К некоторым вопросам языкознания». 2 августа там же опубликован сталинский «Ответ товарищам».

22 июня состоялось заседание узкого состава Политбюро (Молотов, Берия, Маленков, Булганин, Микоян и Сталин), которое было посвящено вопросам экономики. «Если бы Сталин готовил нападение Северной Кореи на Южную, – отметил для себя Берия – то обсуждались бы военные вопросы». Однако возможная война в Корее даже не упоминалась – на заседании не присутствовали ни военный министр Василевский, ни начальник Генштаба Штеменко.

Поздно ночью 23 июня 1950 года войска Ли Сын Мана начали массированную артподготовку. 24 июня, в воскресенье, в 4 часа утра (знакомый стиль) армия Южной Кореи атаковала КНДР по всей линии соприкосновения. Четыре южнокорейские дивизии на разных участках попытались вклиниться на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели. 24 июня вечером по армии КНДР был объявлен приказ, где сообщалось, что южнокорейские милитаристы напали на страну и продвинулись до 2 км вглубь территории. Однако северяне не дали застать себя врасплох. Армия была приведена в боевую готовность. Ли Сын Ман объявил, что южнокорейцы захватили северокорейский город Хэчжу. Уже через час Ким Ир Сен отдал приказ армии Севера выбросить противника со своей территории, и войска Севера перешли в контрнаступление. В считанные часы наступающая группировка войск Ли Сын Мана была разгромлена. 25 и 26 июня было лишь небольшое продвижение войск и все можно было урегулировать в Совете Безопасности или путем переговоров. Правительство Корейской Народно-Демократической Республики немедленно обратилось к Ли Сын Ману с требованием прекратить агрессию. Однако вторжение с юга продолжалось.

Как сообщил Берии некто Кан, его информатор в северокорейских верхах, южнокорейцы стрелять начали в полночь, а двинули войска в 4 часа. Это выглядело очень странным. «Очень странное нападение на Северную Корею», – анализировал Берия. Обстрел почти в час ночи,

а начало движения войск в 4 часа утра. Южане двигались медленно и почти без танков. Они вторглись в КНДР и смогли пройти 1–2 км. Затем, сразу после того, как северокорейцы зашевелились, южане начали отступление, и они не взорвали мост через широченную реку чуть севернее Сеула. Но дальше начались странности для американцев. Ким не остановился, а двинул войска дальше.

Ким немедленно собрал всю верхушку Северной Кореи и объявил о нападении Юга. Зачем Ким устраивал этот спектакль со своим выступлением по радио, с вызовом всех начальников на пленум? Если Сталин одобрил нападение, то все это излишне, и можно просто использовать речь Гитлера при нападении на СССР в качестве образца. Либо Ким хотел убедить своих корейцев из СССР, что южане действительно напали, либо они действительно напали, но странным образом – для провокации. Или это был Кимом разыгран спектакль либо для своих подчиненных, либо для Сталина, чтобы оправдаться.

Тогда, в 1950 году, уже пять лет как закончилась ужасная по своим последствиям Великая Отечественная война. В последние годы рядом с ними уже 4-й год бушевала Корейская война, грозя перекинуться на территорию СССР и стать третьей мировой. Общая тревога за мир объединяла народы СССР и мешала полному ощущению счастья мирной жизни. Советский народ выражал признаки беспокойства. Эта тревога народа, только что пережившего невероятные страдания во время Великой Отечественной войны, тревога, связанная с возможной мировой войной, выплеснулась в ненависть к врачам-убийцам, умело подогреваемую кем-то сверху. Берия хорошо помнил, как Сталин дал указание объявить о начале войны советскому народу. 25 июня 1950 года, в обед, радиоточки на столбах центральных улиц вдруг заговорили как тогда, в 1941-м... «Всем, всем, всем! От Советского информбюро. В Корее началась война...»

Во время контрнаступления северян сразу же была потеряна связь между штабами дивизий и других подразделений. Командиры действовали на свой страх и риск. Было плохо организовано использование артиллерии и управление боем. «Если готовились, – решил Берия, – то готовились по-идиотски. Но почему же мост не взорвали? Если же это провокация, то все понятно, – вспоминал и анализировал он. – Если это Ким начал, то почему именно 25 июня, когда уже почти начался сезон дождей? – размышлял Берия. – Нет, скорее это провокация, начали южане, но так, чтобы северяне увязли». Только на второй день войны, 26 июня, был организован военный комитет КНДР. «А что же тогда раньше-то они сопли жевали? Что мешало лучше подготовиться на случай агрессии южан?» – задал сам себе риторический вопрос Берия. Тем не менее уже через день Корейская народная армия стояла под стенами Сеула, а Ли Сын Ман позорно покинул страну. «А может, не позорно, а специально покинул и все эти трепыхания неспроста?» – ответов у Берии не было.

Неожиданные успехи северокорейской армии привели к возникновению шапкозакидательских настроений у лидера Северной Кореи Ким Ир Сена. По конституции КНДР 1948 года Сеул являлся столицей Северной Кореи. Ким рассчитывал, что падение Сеула будет равноценно капитуляции южнокорейской армии. Не исключено, решил Берия, что первый заместитель председателя СМ СССР и председатель Координационного комитета Н. Булганин, курировавший Вооруженные Силы СССР (иными словами, Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР в мирное время), намекнул Ким Ир Сэну, что СССР спокойно отнесется к дальнейшему наступлению Севера. Ким Ир Сен, думая, что Сталин в курсе дела, принял решение контратаковать. Однако все пошло не так, как убеждали Сталина Ким и Булганин. Подзуживаемый Булганиным, Ким Ир Сен, почувствовав, что силы Юга очень слабые, двинул неподготовленную армию вглубь Южной Кореи. Захватив Сеул, северяне неделю ждали, когда же начнется восстание. Но его не произошло, и войну пришлось продолжать на фоне все увеличивающегося вовлечения в конфликт Соединенных Штатов и их союзников.

И только 28 июня, после решения Совета Безопасности ООН, принятого в отсутствие советского представителя, который мог бы воспользоваться правом вето, все члены Полит-

бюро, за исключением Ворошилова (плюс пара человек из МИДа, кажется, это были Громыко и Зорин, но их имена Берия помнил не совсем точно), долго думали, как быть, решая вопрос, как дипломатическим путем уладить корейский конфликт. Когда члены Политбюро получили сообщение, что Трумэн приказал бомбить Северную Корею и ввел морскую блокаду побережья и начали бомбить северян, членов Политбюро, особенно Маленкова, охватила почти что тихая паника.

О продолжении наступления на Юг речь не шла, иначе бы, конечно, пригласили Василевского и Штеменко. В этот день Булганин радостно доложил о том, что скоро будет освобождена от ига капитала очередная дружественная страна на Востоке. Берия спросил: «Почему же южные корейцы не взорвали мост через реку на пути к Сеулу? Такое впечатление, что они заманивали северокорейцев вглубь страны?» «Да нет, просто атака кимовцев была стремительной, и мост не успели взорвать», – ответил Булганин, но Берия заметил, что тот чего-то недоговаривает. Уж очень быстро он отвел глаза. Булганин и Ким бодро отрапортовали Сталину, что провокация американцев не удалась и что северяне уверенно побеждают. При этом мост через широченную около Сеула реку Ханган почему-то не был взорван. Когда Ким захватил Сеул, он ждал, что весь Юг поднимется, восстав против американского диктатора, и Юг капитулирует, но корейцы на Юге молчали.

30 июня 1950 года Трумэн, не дожидаясь присоединения союзников к навязанным им «коллективным санкциям ООН», отдал приказ о начале бомбардировки отдельных военных объектов в Северной Корее и установлении морской блокады всего корейского побережья, введя в действие американские морские и наземные силы. И только 7 июля Соединенные Штаты протащили в Совете Безопасности резолюцию о создании «объединенного командования войсками ООН», которая предписывала всем членам ООН, выделявшим вооруженные силы или оказывавшим иную помощь Южной Корее, предоставлять ее в распоряжение «объединенного командования», возглавляемого Соединенными Штатами.

30 июня, 3 и 14 июля в кремлевском кабинете Сталина тем же составом решали, что делать. Слишком быстрый успех Севера не сулил ничего хорошего. Впервые военного министра Василевского и начальника Генерального штаба Штеменко пригласили на заседание только 20 и 24 июля, присутствовал также и 1-й заместитель министра иностранных дел СССР Громыко. А 1 августа пригласили Вышинского, тогдашнего министра иностранных дел, и решили, что Малик должен посещать заседания Совбеза. Когда северокорейцы развивали наступление на Юг, Ким Ир Сен попросил направить советских советников непосредственно в части, ведущие бои на передовой. Из Москвы последовал отказ.

Уже 5 июля стало ясно, что революции в Южной Корее не будет. «Ну что за дураки, – сказал Сталин на заседании Политбюро на Ближней даче, когда узнал о том, что северные корейцы продолжили движение вглубь, а потом все профукали, – ну кто же так наступление планирует? Ну кто так планирует операции?» И Берия тогда с изумлением осознал: «А ведь Штаты специально провоцировали СССР. Никакого наступления они не готовили, но у них было всего 70–90 тысяч, а у Кима – 120. Хозяин не дурак давать добро на третью мировую войну в условиях, когда только-только страна вышла из разрухи, а противником станет страна, производящая половину вооружений в мире. Видимо, США хотели спровоцировать северян и затем в отсутствие представителя СССР в Совете Безопасности провести там нужное им решение».

Панически отступавшие южнокорейские войска уничтожали всех подозреваемых в симпатиях к коммунизму. При этом существуют документы, подтверждающие то, что массовые казни в Корее координировались офицерами американских оккупационных войск. Массовая резня проводилась в г. Коян и Канхвадо, уезде Синчхон. Китайцы доказали использование американцами бактериологического оружия.

26 июня 1950 года Совет Безопасности ООН осудил вторжение Северной Кореи в Республику Корея, приняв резолюцию 82 Совета Безопасности ООН. Против голосовала Югославия, воздержались Индия и Египет. После обсуждения этого вопроса Совет Безопасности 27 июня 1950 года опубликовал резолюцию 83, в которой государствам-членам рекомендовалось оказывать военную помощь Республике Корея. Но еще утром до публикации резолюции президент США Трумэн приказал воздушным и морским вооруженным силам США оказать южнокорейской армии всю необходимую поддержку. Американцы вмешались в конфликт еще до решения Совета Безопасности ООН. На помощь Югу Соединенные Штаты спешно перебросили из Японии четыре армейские дивизии, пять бронетанковых батальонов и другие части и подразделения.

Убаюканный успехами Севера, Сталин уехал на юг. 26 августа 1950 года Сталин внезапно почувствовал себя плохо (рвота, понос, сильные боли в животе). Об этом телеграммой из Сочи сообщил Поскрёбышев. Берия тогда первым делом подумал, что это покушение, но потом отгнал эту мысль. Да и дело это было не его. Для борьбы со шпионами существовал Абакумов.

Уже к концу августа войска КНДР дошли до периметра вокруг Пусана и завязли. Однако все шло к краху. К концу августа силы Юга достигли 180 тысяч, в 2,5 раза больше, чем у Севера. Силы Севера были приостановлены и кое-где перешли к обороне. 8 сентября погиб главнокомандующий Кан Гон. Тем не менее к 15 сентября армия Южной Кореи и «сил ООН» контролировала лишь небольшой участок территории страны вокруг города Пусан (крайний юго-восток Южной Кореи). Но и здесь все пошло не так, как убеждали Сталина Ким и Булганин.

16 сентября в районе Инчхона (чуть южнее 38-й параллели на западном берегу Корейского полуострова и в тылу главных сил КНДР) высадился крупный (в составе 50-тысячного 10-го армейского корпуса США) десант «войск ООН» с танками и артиллерией под прикрытием 500 самолетов и 300 военных кораблей. Тем самым вся северокорейская армия, которая была на Юге, была отрезана этим десантом, и все вооружение, которое там было, досталось Ли Сын Ману... Одновременно началось наступление с Пусанского плацдарма. Оборона северокорейцев была прорвана и стала рассыпаться. Авиация американцев господствовала в воздухе, уничтожая все, что двигалось. Войска Южной Кореи и США быстро наступали на север. Начиная с конца сентября 1950 года события в Корее стали освещаться в каждом номере центральных газет. 23 сентября 1950 года Конгресс США принял закон «о внутренней безопасности», который преодолел даже президентское вето и положил начало антикоммунистической истерии.

Военно-воздушные силы США, базировавшиеся в Японии, наносили бомбовые удары по частям Корейской народной армии. Однако это не могло сдержать наступление Севера. В течение двух месяцев Народная армия при широкой поддержке населения победоносно продвигалась на юг и вышла к излучине р. Нактонган. 30 сентября 1950 года президент США Гарри Трумэн утвердил вышеуказанную директиву СНБ-68, в корне менявшую подход США к защите Южной Кореи.

«Да, товарищ Сталин профукал Корейскую войну», – снова повторил про себя Лаврентий Павлович. Будучи в Сочи и узнав о провале Кима, Сталин был взбешен и прислал в Москву жесткую телеграмму.

1 октября 1950 года советский посол в Северной Корее Штыков направил срочное послание Ким Ир Сена Сталину, в котором Ким Ир Сен сообщал, что КНДР своими силами не сможет остановить войска США и Южной Кореи, если они перейдут 38-ю параллель. 2 октября 1950 года китайский премьер-министр Чжоу Эньлай предупредил, что, если войска ООН (за исключением южнокорейских) пересекут 38-ю параллель, китайские добровольцы вступят в войну. Но америкосы наплевали на предупреждение, и 7 октября 1950 года американские и британские дивизии начали продвигаться на Север Кореи. 20 октября 1950 года войска Южной

коалиции вошли в Пхеньян, а затем вышли к корейско-китайской границе. К этому моменту у войск КНДР остался лишь небольшой плацдарм у самой границы с Китаем. На фронте наступило месячное затишье.

Сталин послал в Пекин запрос: «...США из-за престижа могут втянуться в большую войну, будет, следовательно, втянут в войну Китай, а вместе с тем втянется в войну и СССР, который связан с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли этого бояться? По-моему, не следует, так как мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может сейчас оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен, как союзник США».

Сначала Мао Цзэдун обнадежил Сталина («...безусловно, если воевать, то воевать нужно теперь... Целесообразно направить не пять-шесть дивизий, а по крайней мере девять...»). Но потом в Москву из Пекина пришло сообщение, что китайское руководство все еще раздумывает, стоит ли посылать войска в Корею. Так, один из лидеров Народного Китая Линь Бяо выступил против участия Китая в Корейской войне. Но в свое время Ким Ир Сен направил на помощь Мао, воюющему против Гоминьдана, отряды добровольцев. В конце концов Мао согласился помочь.

Во избежание международного конфликта по решению Организации Объединенных Наций вдоль северной границы КНДР планировалось создать «буферную зону» шириной в 40 км. «Войска ООН» не должны были вторгаться в ее пределы. На пресс-конференции в Вашингтоне 26 октября Трумэн подтвердил, что на заключительном этапе наступления район, прилегающий к северной границе Кореи, займут только южнокорейские войска. Однако штаб Макартура пренебрег и решением ООН, и заявлением президента. «Войска ООН» вошли в «буферную зону», сосредоточив главный удар в районах гидроэлектростанций на р. Ялуцзян, снабжавших электроэнергией как КНДР, так и пограничные районы Китайской Народной Республики. На северо-востоке интервенты захватили г. Чхонджин, расположенный недалеко от советской границы. Опять США совершили провокацию. Они организовывали провокацию за провокацией. Видимо, очень хотели, чтобы Сталин послал в Корею свои самолеты.

И они этого добились. Сталин послал в Корею советский 64-й авиационный корпус, который прибыл в страну вместе с китайцами. Советские летчики летали на новейших реактивных самолетах МиГ-15 с северокорейскими и китайскими опознавательными знаками в китайской форме с поддельными документами. На решение Сталина вступить в конфликт повлияли и провокации американцев: так, 8 октября 1950 года два американских штурмовика пересекли советскую границу и направились к базе ВВС Тихоокеанского флота в районе Сухой Речки; в сторону аэродрома, который расположен рядом с Владивостоком. Американские самолеты атаковали стоящие на земле советские самолеты, нанеся бомбовый удар и уничтожив несколько самолетов СССР. Булганин был против посылки наших летчиков, аргументируя это тем, что нельзя советских солдат посылать на верную смерть ради помощи другой стране. «Все это очень странно», – решил Берия.

На три года фамилия командира советских асов Ивана Кожедуба стала Ли Си Цын. В период, когда авиационной группировкой командовал И.Н. Кожедуб, советские летчики спокойно выходили парой против десятки «Сейбров». Ванюшин стал зваться Ван Ю-шин. Даже переговоры в воздухе сначала пытались организовать на корейском языке. Однако это не получилось, летчики использовали русский. Американцы смогли сделать записи переговоров и представили их в ООН, но в ответ было заявлено, что запись можно смонтировать какую угодно. Да и не поняли переводчики в США ничего из разговоров пилотов. Однако во время воздушного боя летчики говорили по-русски, в том числе с помощью «идиоматических выражений». Берия нашел в анналах своей памяти то, как наши воины не позволяли американцам

понять их переговоры. В конце 1952 года Лаврентию доставили записи диалогов наших диспетчеров и перевод этих диалогов на нормальный русский язык. Он тогда долго смеялся. Он хорошо запомнил эти фразы и их переводы:

«Где бревно? Да хер его знает. Вроде на спутнике макаку чешет». Перевод: «Где капитан Деревянко? Мне неизвестно. Возможно, работает по закрытому каналу связи и отслеживает американские испытания торпеды Мк-48».

«Ниже пятого плоскожопый в кашу срет, экран весь в снегу». Перевод: «Южнее пятого военно-транспортный самолет сбрасывает акустические буйки в районе расположения подлодки серии К, на экране радара много мелких объектов».

«Главный буржуин сидит под погодой, засухарился». Перевод: «Американский авианосец маскируется в штормовом районе, невидимый для радиолокации, соблюдает радиомолчание».

Поэтому вся эта маскировка была шита белыми нитками, и у американцев не оставалось никаких сомнений в том, кто воюет с ними в небе над Кореей.

Провокации америкосов вынуждали СССР двинуть в Корею свои воздушные силы. 8 октября 1950 года два американских штурмовика пересекли советскую границу и направились к базе ВВС Тихоокеанского флота в районе Сухой Речки; в сторону аэродрома, который расположен рядом с Владивостоком. Истребители нанесли бомбовый удар. Они явно не случайно оказались в данном месте, так как преднамеренно в два захода уничтожили военный аэродром СССР и спокойно полетели назад. По официальной версии, американцы уничтожили несколько советских самолетов, но исходя из показаний очевидцев, пострадало больше 20 самолетов Советского Союза. Как утверждали пилоты американских истребителей, из-за плохой видимости они подумали, что это аэродром северокорейских войск. «Но если здраво рассудить, – раздумывал Берия, – аэродром бомбили в два захода, как можно было не рассмотреть советскую атрибутику на самолетах?» Тем не менее Трумэн лично извинился и предложил компенсацию полученного вреда. Кстати, американские пилоты за данное преступление получили выговоры, а их командир был отправлен в отставку.

16 октября 1950 года первые китайские добровольцы вступили на территорию Кореи. 24 октября, в разгар успешного американского наступления, Политбюро в отсутствие Сталина приняло постановление «О сохранении и создании мобилизационных мощностей по производству военной техники». 25 октября 1950 года из Китая прибыло 270 тысяч добровольцев. 5 ноября 1950 года китайские войска под командованием Пэн Дэхуая вступили в бой с американской армией и перешли в контрнаступление. Американо-южнокорейские войска, понеся большие потери, начали отступать. В докладе, произнесенном 6 ноября на торжественном заседании в Кремле, Булганин заявил: «Опыт истории говорит, что наша миролюбивая политика не является признаком слабости. Этим господам пора бы усвоить, что наш народ способен постоять за себя, постоять за интересы своей родины, если понадобится – с оружием в руках».

И только сейчас, в самолете, Берия вдруг отчетливо осознал, что крах северян был обусловлен именно тем, что первый заместитель Сталина Булганин (вождь оставался на юге и не мог или не хотел контролировать ход событий), видимо, запретил Василевскому и нашим военным советникам, которые были уже возвращены Киму, сообщать последнему о возможном месте высадки десанта, иначе северные корейцы были бы подготовлены и воспрепятствовали высадке. «Это либо идиотизм, либо предательство. Но когда случаи идиотизма следуют один за другим, то нужно думать о предательстве», – решил для себя Берия. И вдруг, вспомнив все эти обстоятельства, Берия понял, что Булганин почему-то постоянно пытался втянуть СССР в Корейскую войну.

Американские самолеты начали совершать налеты на северо-восточные провинции КНР. За два с половиной осенних месяца 1950 года самолеты США 90 раз нарушили границы Китая. Стало ясно, что Штаты всеми силами стремятся втянуть СССР в войну. 25 октября 1950 года

китайские добровольцы были направлены в Корею и вскоре перешли в контрнаступление. Американско-южнокорейские войска, понеся большие потери, начали отступать. Маятник войны качнулся в другую сторону. Отступление союзников местами было похоже на бегство. Под стремительным натиском освободительной армии «войска ООН» поспешно отступали, оставляя тяжелое вооружение, автомашины, склады боеприпасов и горючего. 5 декабря 1950 года северокорейские и китайские войска вернулись в Пхеньян. К концу декабря вся территория КНДР была освобождена. До декабря 1950 года основной темой практически всех материалов в газете «Правда» была пропаганда борьбы за мир.

6 декабря китайская армия штурмом взяла Пхеньян. К середине декабря 1950 года почти вся территория КНДР была освобождена. К 31 декабря китайцы вышли на 38-ю параллель. После того как китайцы отшвырнули южан вместе с американцами, Сталин понял, что США не начнут третью мировую войну. В секретном письме главе чехословацких коммунистов К. Готвальду Сталин написал: «Американское правительство будет и дальше увязать на Дальнем Востоке и втянет Китай в борьбу за свободу Кореи и за свою собственную независимость. Что из этого может получиться? Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, Америка будет не способна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна революционизировать всю Дальневосточную Азию. Дает ли все это нам плюс с точки зрения мировых сил? Безусловно, дает».

Агенты Берии сообщили, что в декабре 1950 года Трумэн попытался ввести чрезвычайное положение в самих Соединенных Штатах, но не срослось.

Сталин вернулся с юга 21 декабря 1950 года. Поздно вечером 22 декабря в кабинете Сталина состоялось заседание, посвященное положению в Корее. Сталин был страшно зол. Из членов Политбюро он пригласил только пятерых, Булганина он видеть не пожелал; не было также Микояна и Ворошилова. Кроме пятерки членов ПБ присутствовали также военный министр СССР Василевский и начальник Генштаба Штеменко. Берия надолго запомнил, каким жестким может быть Хозяин. Берия нашел в закоулках своей памяти и тот злополучный разговор и вспомнил выволочку, которую устроил Сталин Булганину в декабре 1950 года.

Он вызвал Булганина и Игнатьева вместе с Василевским и в присутствии Берии всыпал им по первое число по поводу Корейской войны. Тогда Булганин вину за неудачу в Корее свалил на Абакумова. Сталин не сдержался и наорал на Булганина и Василевского по поводу Корейской войны. «Ну что за сукин сын? А вы куда смотрели, товарищ Булганин? Почему не остановили Кима?» «Да он и слушать не хотел при таких успехах», – ответил Булганин. «Он что, хотел втянуть нас в третью мировую войну?» – вскричал Сталин. Затем, уже не повышая голоса, он говорил и говорил, не давая хода возражениям. – Для успешного наступления необходимо было создать как минимум тройное превосходство сил, никаких надежд на некие революции и восстания масс – все это в прошлом. Вспомните, как классово родственные немецкие рабочие убивали советских людей, как поляки разбили нас под Варшавой, нас, которые несли им социализм. В Польше и Финляндии национальное сознание победило классовое. Войска, а не партизанские отряды – вот главное оружие войны. Не имеешь сил – не наступай, копи силы. Вы забыли опыт нашего провального наступления на Варшаву в Гражданскую войну, а опыт Великой Отечественной войны, разве он не говорит о том, что должно быть превышение ресурсов не менее чем в 6 раз? – Сталин остановился и перевел дыхание. – Почему не были прикрыты фланги? Почему проспали десант на восточный берег Южной Кореи? Почему не привлечен флот СССР для патрулирования, почему не были подготовлены орудия для обороны берегов? – Сталин медленно, но жестко произносил слова, и они били в самое сердце: –

Неужели, товарищ Василевский, вы (Сталин от злости стал сбиваться на грузинский акцент) уже забыли свои навыки по разгрому фашистов и японцев? Ну ладно товарищ Булганин, он не военный, но вы, товарищ Василевский, как вы, министр Вооруженных Сил СССР, могли допустить такое положение дел перед контрнаступлением Севера? Почему вы меня не полностью информировали? – Булганин дернулся и хотел возразить: – Молчите! Когда надо, меня все сразу находят... Вы с Кимом поставили мир на грань третьей мировой войны. В общем, я отстраняю вас, товарищ Булганин, от должности председателя Координационного комитета и сам возьму на себя командование. Найдите мне Рокоссовского. Он в Польше. Вызовите на несколько дней».

Позже Берия неоднократно слышал от Хозяина причитания: «И зачем я послушался этих ослов». Ослами Хозяин называл Булганина и Василевского. Сам Берия был против войны в Корее. Тогда в конце июня 1950 года он спросил Булганина и Василевского, зачем они напали, ведь у них нет численного и технического подавляющего преимущества, почему ни в одной точке фронта вдоль 38-й параллели не было сконцентрировано достаточно войск для прорыва, почему они были распределены почти равномерно, почему забыт опыт прошедшей войны. Булганин ушел от ответа, сославшись на то, что Хозяин информирован. Именно тогда Берия стал подозревать, что кто-то водит Хозяина за нос, манипулирует информацией, передаваемой Сталину. Булганин потом добавил, что Ким гарантирует всеобщее восстание южных корейцев. «Да, – подумал Берия после ответа Булганина, – если бы Хозяин готовил это наступление, то он бы добился 5–6-кратного перевеса, были бы созданы пути снабжения для наступающей армии, по морю, были бы блокированы возможности десантирования американцев. Можно было бы задействовать китайские и советские морские суда. Видимо, когда американцы узнали, что Сталин увлекся лингвистикой, они устроили провокацию. Но кто же сообщил им о том, что Сталин отошел от дел?» – задал сам себе вопрос Берия.

«А ведь Штаты специально провоцировали СССР, – подумал Берия. – Для подготовки наступления, но у них было всего чуть больше 90 тысяч, а у Кима – 120. Хозяин не дурак давать добро на третью мировую войну в условиях, когда только-только страна вышла из разрухи, а противником станет страна, производящая половину вооружений в мире. Видимо, США хотели спровоцировать северян, и когда бы СССР помог последним выйти на Совет Безопасности, в котором у них было четыре голоса постоянных членов (США, гоминьдановский Китай, Франция и Великобритания), а СССР, который был бы против, не присутствовал на заседаниях, тогда появился бы хороший предлог для нападения на СССР, предлог, который бы объяснил американскому народу, зачем президент это сделал».

Затем в самом конце декабря Сталин вызвал Берия, чтобы посоветоваться, как быть. Берия очень не любил Булганина и предложил снять его с поста координатора вооруженных сил. Сталин возразил, что коней на переправе не меняют, на что Берия ответил: «Коней на переправе не меняют, а ослов можно и нужно менять!» В каждой центральной газете освещался ход Корейской войны. Постоянно на 4-й странице «Правды» было несколько коротких статей, посвященных положению в Корее.

В начале 1951 года встал вопрос: переходить 38-ю параллель или нет. Спорили. Мао хотел идти дальше. Сталин был против, но оставил решение на усмотрение Кима и Мао. Но тут южные корейцы оставили фронт, провоцируя наступление Севера, и Народно-освободительная армия, преследуя врага, перешла 38-ю параллель, и 4 января 1951 года войска КНДР и китайские добровольцы снова заняли Сеул. После того как китайцы отшвырнули южан вместе с американцами, Сталин понял, что США не начнут третью мировую войну.

В феврале Сталин устраивал заседания очень часто – 3, 10, 12, 16 февраля (Берия почему-то запомнил эти даты) 1951 года: решался вопрос, как быть с Кореей. «Американцы закусили удила», – несколько раз говорил тогда Сталин. Сталин не приглашал Булганина на заседания в свой кабинет с 22 декабря по 25 января. Булганин появился там только 3 фев-

раля. 16 февраля 1951 года Сталин освободил его от обязанностей председателя Координационного комитета, а фактически Главнокомандующего войсками СССР, как виновника втягивания СССР в войну, и стал сам руководить операцией. В течение первого года войны в Корее численность вооруженных сил США увеличилась более чем в 2 раза, производство военных самолетов – в 5 раз, танков, бронетранспортеров и других видов вооружения – в 4,5 раза и т. д.

13 января 1951 года Трумэн заявил о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий. Только в 80 км южнее Сеула «войскам ООН» удалось остановить продвижение противника. Самое длинное отступление в истории американской армии закончилось. 27 января 1951 года 8-я армия США перешла в наступление. После тяжелых боев, в начале марта «войска ООН» во второй раз заняли Сеул и вышли на 38-ю параллель. Перед правительством США встал вопрос: остановить войска на разделительной линии или вновь попытаться объединить Корею? Макартур требовал от Трумэна продолжать наступление и покончить с коммунизмом на полуострове. Однако Трумэн приказал Макарту прекратить продвижение на север. Тогда генерал, несмотря на запрещение Трумэна делать какие-либо заявления для прессы, обратился к журналистам и изложил им суть конфликта. Дуглас Макартур заявил, что воевать нужно до полного уничтожения противника, после того как генерала официально уведомили, что Трумэн предложил китайскому и корейскому правительствам сесть за стол переговоров. Столица Южной Кореи за три года войны 4 раза переходила из рук в руки и была обращена в руины. США сбросили в среднем по 5 тонн бомб и снарядов на душу одного погибшего корейца и 120 килограммов боеприпасов на 1 гектар местности. Напомню читателю, что во Второй мировой войне эта цифра не превысила 1 тонны на человека и 30 килограммов на гектар.

16 февраля 1951 года Политбюро, собравшееся в составе: Сталин, Булганин, Берия, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущев, при участии Сабурова, освободило Булганина от обязанностей председателя Координационного комитета, иными словами – Верховного главнокомандования Вооруженными силами страны в мирное время «ввиду его занятости». Кроме того, было решено, что председателями на заседаниях Президиума Совета Министров СССР и Бюро Президиума Совета Министров СССР будут поочередно Булганин, Берия и Маленков, которые могут подписывать постановления и распоряжения Совета Министров СССР вместо тов. Сталина И.В.». Это было отстранение Булганина от возможности единолично принимать решения в отсутствие Сталина. Теперь за ним должны были наблюдать Берия и Маленков.

21 февраля 1951 года началось новое контрнаступление войск Южной Кореи и ООН. 15 марта 1951 года Сеул захвачен войсками южной коалиции во второй раз. 24 марта 1951 года Макартур предъявил Китаю ультиматум: либо он немедленно выводит свои войска, либо США применят атомное оружие. Разразился международный скандал, и мирные инициативы президента провалились. 10 апреля Трумэн снял Д. Макатура с должности главнокомандующего войсками ООН. Генерал Риджуэй стал шире использовать артобстрелы и бомбардировки войск и медленно вытеснял китайцев на север. В середине марта ооновцы взяли Сеул снова. К началу апреля 1951 года войска ООН вновь контролировали всю территорию Юга Кореи. В июне Ким полетел в Пекин, а затем с Мао в Москву. Было решено начать переговоры с американцами. 10 июля 1951 года состоялся первый раунд переговоров. Но безрезультатно. К середине лета 1951 года моральный дух американских войск и войсковой престиж США заметно упали. Тогда американцы стали поголовно бомбить все строения в Северной Корее. В ответ заводы и фабрики Севера переместили под землю. Сталин сказал Ким Ир Сену, что надо инициировать мирные переговоры. 10 июля 1951 года в приграничном городе Кэсоне начались переговоры. 22 августа переговоры были прерваны. В октябре 1951 года корейцы и китайцы вновь согласились на предложение Трумэна сесть за стол переговоров.

10 апреля 1951 года после отставки приверженца «ястребиной» линии генерала Макатура командующим войсками был назначен генерал-лейтенант Мэтью Риджуэй. С лета 1951

года обозначился тупик в войне. Война как бы застряла на мертвой точке. 8 июля 1951 года начался первый раунд переговоров. Во время переговоров военные действия продолжались, стороны несли большие потери.

В дальнейшем военные действия развивались с разной степенью интенсивности, а с середины 1951 года стабилизировались на 38-й параллели, т. е. примерно там, где они и начались 25 июня 1950 года. Я. Малик, выступая 23 июня 1951 года в Нью-Йорке с речью по радио, предложил в качестве первого шага мирного урегулирования корейского конфликта приступить к переговорам о прекращении огня и перемирии. По предложению представителя СССР в ООН и Совета Безопасности 10 июля 1951 года в городе Кайсен (Кесон) представители Верховного командования Корейской народной армии и китайских добровольцев и представители американского командования начали переговоры о перемирии.

Между тем, видя, что ни Василевский, ни Булганин не справляются со своими обязанностями по координации Корейской войны, Сталин стал думать о возвращении Жукова. Но мешал Абакумов, который продолжал расследовать дело о трофейной болезни. Сталин был отходчив и, зная сильные позиции Булганина в армии, не выгнал того из Политбюро. Кроме того, ему нужны были умеющие работать люди, а Булганин показал себя с очень хорошей стороны, работая председателем Госбанка. Воинственный кликушеский марксизм Булганина Сталин относил на счет его низкой политической грамотности. Булганин был рад подвернувшейся возможности убрать Абакумова после появления письма Рюмина.

Весной 1952 года Риджуэя сменил генерал Кларк. Он начал массированные бомбардировки Севера. К концу 1952 года там не осталось объектов для бомбометания. Целые предприятия уходили под землю. Китайцы построили 1250 км тоннелей. К весне 1952 года стороны пришли к соглашению по всем вопросам, кроме обмена военнопленными. В 1952 году на 5-м Пленуме ЦК ТПК Ким Ир Сен заявил, что существующие внутри партии сектанты и либералы неприятны, как блохи. В августе – сентябре 1952 года Чжоу Эньлай был в Москве и сказал Сталину: «Вы нам поможете строить социалистический Китай, а мы вам поможем строить коммунистический СССР». Видимо, это не очень понравилось Хозяину. Берия, присутствовавший на встрече, видел, как скривилось его лицо, но Сталин ничего не ответил. Осенью 1952 года переговоры снова были прерваны.

В июне 1952 года Сталин узнал, что Громыко замешан в том, что 27 июня 1950 года представитель СССР не присутствовал на заседании Совбеза. Он снял Громыко с поста первого заместителя Вышинского и отправил его послом в Лондон формально из-за неспособности решить корейский вопрос. Подвешенным оказался и Вышинский. В июне 1952 года же на заседании в кремлевском кабинете Сталина Штеменко был снят с поста начальника Генерального штаба. За все заседание Штеменко так и не сказал ни слова. Когда все ушли, Сталин позвал Василевского обратно в кабинет и сказал: «Чтоб вы знали, товарищ Василевский, почему мы освободили Штеменко. Потому что он все время пишет и пишет на вас, надоело. Поэтому решили освободить». 4 сентября 1952 года Сталин вызвал в кремлевский кабинет Ким Ир Сена, Чжоу Эньлая, Пэн Дэхуая, главнокомандующего китайскими добровольцами. В присутствии шести членов ПБ (не было Хрущева и Ворошилова) обсуждалась ситуация в Корею и как из нее выходить. Беседовали более двух часов.

После XIX съезда Берия доложил Сталину о результатах двух лет Корейской войны, о немцах и прорыве противовоздушной обороны, о наших истребителях. Он убеждал Сталина, что затягивать войну не стоит. В 1952 году, когда численность вооруженных сил США возросла до 3,6 миллиона военнослужащих, из которых 1,2 миллиона были развернуты за пределами США, в распоряжении их вооруженных сил имелось свыше 400 крупных военных баз и до 3 тысяч более мелких баз и военных объектов. Американцы хорошо умеют учиться.

«Тогда все играли свою игру, – напряженно размышлял Берия. – Ли Сын Ман хотел заставить америкосов остаться. Ли Сын Ман понимал, что скоро у него не будет поддержки на

Юге и при мирном объединении у него нет никаких шансов. Поэтому он задумал и осуществил авантюру, как заставить американцев остаться. Но как оказалось, он был пешкой в их игре, игре, задачей которой было втянуть СССР в локальную войну. А может, Ким, который хотел объединить Корею военным путем, чтобы потом остаться лидером? – задал себе риторический вопрос Берия. – Не зря он этот спектакль с вызовом всех начальников в центр организовал». Берия знал историю стран Восточной Европы и Австрии, где не везде удалось победить коммунистам, знал, что Сталин не любит, когда выделенные Советским Союзом деньги тратятся на создание райской жизни в роскоши лидеру, как это сделал для себя Тито, и он знал, что Сталин начал бороться против безудержного культа личности у себя в стране. США, для того чтобы проверить, смогут ли В-29, знаменитые летающие крепости, прорвать противоздушную оборону СССР, нужно было втянуть СССР в войну. А для этого америкосы должны были спровоцировать Кима. Ким хотел побыстрее объединить страну и стать ее общепризнанным лидером, но главное – америкосы хотели спровоцировать Сталина и втянуть СССР в локальную войнушку. Интересно, какую игру играл Булганин? Кима явно кто-то подстрекал. Это не мог быть военный министр Василевский, который зарекомендовал себя в годы войны с самой хорошей стороны. Либо Абакумов, либо Булганин, курировавший блок силовиков. «Снова Булганин?» – неожиданно поймал себя на этой мысли Лаврентий.

С китайцами тоже не все было ясно. «Если бы Сталин не дал кредитов, а америкосы бы поддержали Мао, то Мао, – подумал Берия, – вполне мог переметнуться к американцам. Но США поддержали Чан Кайши, а не Мао. Если бы Сталин готовился к войне или бы разрешил ее, то он бы лично все проконтролировал и передал бы северным корейцам пару-другую из десятков тысяч танков, которые находились на вооружении Советской армии и были переброшены для войны с Японией, – размышлял Берия. – Сталин много отдал оружия Мао уже в 1945 году и больше не хотел транжирить деньги».

«Мы не можем пока добиться успеха, – говорил на Политбюро Сталин, – там, где действует западная администрации, как, например, в Австрии. Даже в Италии, где коммунисты имели все шансы взять власть, американцы им этого не позволили. Пока американцы в Корею, туда лучше не соваться, а то сразу создадут отдельную республику, как в Германии. Нельзя исключить такой ситуации, какая случилась в Югославии, где верх взяли фашисты, маскирующиеся под коммунистов. Тито на наши деньги настроил себе дворцов и конюшен и живет в вызывающей роскоши. Нам хватило Западного Берлина, где был очень серьезный кризис, Греции, где только что закончилась трехлетняя гражданская война между коммунистами и роялистами, противостояние в Турции или Иране – все это более горячие точки, чем какая-то Корея. Не хватало нам нового очага напряженности. Объединять Корею следует мирным путем. Пусть сам народ решает, как ему жить. Все предпосылки для этого на Севере созданы. Я специально отозвал наших советников и не дал кораблей и современного вооружения. Штыков докладывает, что Ким слишком резвый. Конфликт со Штатами нам не нужен. Если он начнет, то возможна третья мировая. Мы имеем определенный успех в Китае. Мао был у нас и согласился плясать под нашу дудку в обмен на нашу помощь. Теперь будет легко мирным путем объединить Корею на основе социализма. Отдав Мао тонны оружия, мы четко намекнули ему тогда о необходимости идти на Нанкин».

Берия вспомнил, что рассказывал ему Молотов о переговорах по поводу Японии и Кореи. Когда американцы в Потсдаме предложили Сталину освободить всю Корею, вождь сказал членам делегации: «Зачем нам класть за освобождение Кореи от японцев десятки тысяч советских солдат. Пусть американцы свой вклад внесут. А сколько солдат положим? Немерено. Пусть америкосы свои жизни кладут за освобождение Кореи от японцев. А мы лучше сосредоточимся на Китае и сделаем его зависимым от нас. Отдадим Мао все оружие японцев да и наше. А там посмотрим. Потом будем решать с Кореей. “Сможем ли мы создать социализм в Корею? – спросил тогда Сталин. – Ведь совершенно неизвестно, готово ли общество к такому

развитию событий, их общество, другое, азиатское, своеобразное. Примет ли корейское традиционное общество равенство и справедливость?”. Понимая эту неопределенность, Сталин отказался освободить от японцев весь гористый Корейский полуостров».

Поход в Корею мог затянуться и унести много жизней советских солдат. Поэтому он отказался от зоны ответственности по всей Корее и предложил разделить Корею с америкосами по 38-й параллели. В Корее Сталин готовил бескровное объединение, как он хотел это сделать в Германии. Но там и там америкосы отказались конкурировать и создали независимые государства в своих зонах оккупации. «Да, – думал Берия, – если бы Сталин не был реалистом и не берег жизни советских солдат, то он бы забрал Корею себе на переговорах в Потсдаме, но он отказался освободить юг Кореи от японцев, он берег советских солдат и не хотел заставлять их прорываться сквозь горы в Корее на юг. Он предложил это сделать американцам, но те тоже не хотели гробов в страну и заняли юг Кореи только после того, как японцы сдались».

1 марта, 5 часов 12 минут (время местное). Канзас-Сити (США), особняк Трумэна

Как раз в это же время Трумэн сидел в своем особняке и тоже вспоминал Корейскую войну. Жесткий ответ Севера должен был обеспечить Казанова. Сталин, как было известно, занимался вопросами языкознания, а Верховным был Булганин. В крайнем случае можно было сначала провести бомбардировку городов Севера и проверить, способны ли Советы отразить натиск летающих крепостей, сопровождаемых истребителями «Сейбрами». Корейский полуостров должен был стать трамплином для последующего прыжка в Маньчжурию, Монголию и Сибирь. Соединенные Штаты сочли момент благоприятным для опробования доктрины «отбрасывания коммунизма». И опирались на следующие преимущества: развитую сеть своих военно-морских и военно-воздушных баз в регионе; превосходство в атомном и в некоторых других видах оружия; верноподданнически настроенные правительства Западной Европы; успешный отрыв от советского блока Югославии, где установилась диктатура Тито; пока еще беспрепятственное выкачивание ресурсов из азиатских, африканских и латиноамериканских колоний и полуколоний; подавление ряда повстанческих движений в них. Все это вместе с поставленной на колени Японией обеспечивало прочный тыл войск США на Дальнем Востоке.

Директор ЦРУ Хилленкёттер доказывал Трумэну, что северные корейцы не смогут провать оборону, а если смогут, то не пойдут вглубь Южной Кореи, учитывая, что у той есть соглашение «О взаимной помощи и обороне» с Америкой. Трумэн думал, что южные корейцы остановят Кима, удастся быстро провести голосование, пока СССР не участвует в работе Совбеза, и под это дело ударить, но не было понятно, смогут ли истребители СССР остановить армаду бомбардировщиков В-29, сопровождаемых реактивными истребителями «Сейбрами». Однако Трумэн не предполагал, что военные действия примут столь катастрофический оборот.

Трумэн обвинил Хилленкёттера, который возглавлял ЦРУ, когда началась Корейская война, в том, что тот не смог даже приблизительно предсказать такое развитие событий. Вследствие этого директора ЦРУ сменили. Его преемник был назначен только 7 октября 1950 года. Далее Трумэн работал с Уолтером Смитом. После получения информации о том, что МиГи легко побеждают «Сейбров», корейская авантюра потеряла для США всякий смысл. Война показала, что армады винтокрылых бомбовозов В-29, бомбардировщиков, несущих на борту атомные бомбы, не смогут прорваться к городам СССР. После этого корейская авантюра Штатам стала не нужна. Однако они хотели уйти достойно или победить. Но теперь Сталин сделал ставку на истощение американцев. Он не давал Северу проиграть, но и выиграть не мог, так как войска ООН были мощные. Оказалось, что США ввязались в бесконечную войну. Даже тихая война истощает обе стороны. Выход был в убийстве дядюшки Джо.

12 марта 1951 года в Лэнгли случился такой разговор. Аллен Даллес взглянул на Смита поверх очков и жестко спросил: «А как насчет секретного доклада, который подготовил военный советник президента Гарри Трумэна Пол Нитце, в котором анализировалось, стоит ли раз-

глашать прямое участие советских летчиков в воздушных схватках?» Потом Даллес доложил основные положения полученной записки Трумэну, но он решил не поднимать шумиху. Это могло повредить кандидату от Демократической партии.

В 1952 году в США началась избирательная кампания. Кандидат от Республиканской партии Эйзенхауэр сделал прекращение Корейской войны главным пунктом своей программы. Он пообещал лично съездить в Корею, что и сделал сразу после победы на выборах. В январе 1953 года Эйзенхауэр обратился к Мао Цзэдуну с ультиматумом: если он немедленно не прекратит войну, США применят атомное оружие и перенесут войну на территорию Китая. Сталин в ответ на это только посмеялся – СССР уже создал свою атомную бомбу.

1 марта, 14 часов 7 минут. Самолет в Казань

Корейская война затронула работу Берии и вот еще по какой причине. Помня опыт западного вторжения в 1941 году, Сталин стал готовиться к тому, что американцы все же атакуют СССР. В конце 1952 года Сталин приказал создать армаду бомбардировщиков («Кажется, Ил-28», – пытался вспомнить Лаврентий), способных нести облегченные атомные бомбы. Он приказал организовать 100 авиасоединений. У Берии были информаторы в армии, и они сообщили ему о решении вождя. Берия вспомнил о совещании руководителей компартий в январе 1951 года, где выступил начальник Генштаба С.М. Штеменко. В 1953–1955 годах предполагалось построить 10 300 самолетов и создать 106 бомбардировочных авиационных дивизий вместо 32, существовавших на 1953 год. Корейская война заставила Сталина увеличить численность армии с 2,9 миллиона, оставшихся после демобилизации 1949 года, до 5,8 миллиона человек к началу 1953 года.

Денег для атомного проекта стало не хватать. Берия поставил вопрос ребром летом 1952 года на заседании Политбюро: «Мне не хватает денег на разработку более мощной бомбы, которая бы навсегда отбила у америкосов желание нападать на социалистический лагерь. Да разве можно на авиации и на бомбе экономить. Американцы только и ждут того, чтобы сбросить на нас атомные бомбы. Особенно по-идиотски выглядит решение тратить атомные деньги на немцев, которые разрушили половину нашей страны». Но ему, как обычно, возразил Булганин, сказав, что интернациональная солидарность гораздо важнее. Тут же Булганину стал «подгавкивать» Хрущев. Несмотря на поддержку Маленкова, Берии не удалось решить вопрос с сохранением финансирования создания литиевой бомбы, и бюджет атомного проекта был урезан. «Вот, наверное, когда Булганин впервые узнал о литиевой бомбе», – подумал Берия.

Но больше всего беспокоили Берию недавно полученные от агентов сведения о том, что американцы украли секрет литиевой бомбы. Неделю назад агент Фукс сообщил о краже секрета литиевой бомбы из СССР. Это сообщение агента из Вашингтона свидетельствовало о том, что американцы в неофициальных беседах похваляются тем, что украли в СССР секрет литиевой бомбы. И будто бы американцы похитили схему обогащения лития-6 из природного лития-7, разработанную в СССР. Агент сообщал, что на состоявшейся 16–17 июня 1951 года в Принстоне конференции по проблемам сверхбомбы была признана необходимость производства дейтерида лития-6. Э. Теллер и Ф. де Гоффман выпустили отчет, посвященный эффективности применения дейтерида лития-6 в новой схеме сверхбомбы. Однако никакого задела по организации масштабного производства лития-6 тогда в США не было.

«Бомба, как много в этом звуке...» – Лаврентий начал непроизвольно цитировать переделанные строчки Пушкина. Он мучительно пытался вспомнить, кто еще мог знать о литиевой бомбе. ГРУ? ГРУ курируется Булганиным. Ему лично он не говорил. Кому он говорил? Маленкову? Потом Маленков признался, что обсуждал вопрос о литиевой бомбе в присутствии Булганина. Точно так же секретарь Сталина Поскрёбышев еще до своего увольнения сообщил Берии, что однажды слышал слова «литиевая бомба» во время разговора Сталина, Маленкова и Булганина. «Итак, – сказал себе Берия, – американцы украли идею литиевой бомбы, и нужно

резко ускорить работы по “лидушке”. Нужно как можно быстрее закончить создание более мощной, чем атомная, литиевой бомбы, чтобы навсегда отбить у США желание атаковать и бомбить СССР».

Берия подозревал в утечке информации по литиевой бомбе многих членов Бюро Президиума, но не всех. Например, он был уверен, что Сабуров и Первухин не могли это сделать, так как стояли у самого истока проекта. Кроме того, Первухина и Сабурова несколько раз проверял П. Мешик, ответственный за соблюдение секретности на объектах. Оба они зарекомендовали себя только с самой положительной стороны, поэтому Берия их участие в продаже секретов американцам отметал с самого начала.

53-летний Сабуров был почти ровесником Берии. В июне 1947 года Максим Захарович Сабуров возглавил Комитет по радиолокации при Совете Министров СССР (Спецкомитет № 3), созданный на базе Совета по радиолокации при ГКО. Он сменил Г.М. Маленкова на посту руководителя Совета. Одновременно он стал заместителем председателя Совета Министров СССР, а с 1949 года одновременно возглавил и Госплан. Однако 5 марта его сняли и назначили министром машиностроения СССР.

48-летний Первухин был самым молодым среди вождей. Кроме того, он был самым высоким из вождей. Первухин стоял у самых истоков советской атомной бомбы в качестве заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В октябре 1942 года Первухин был в Совнаркоме, в Кремле, в своем кабинете. Его вызвал Молотов. Когда Первухин вошел, Молотов сказал: «У нас есть сигналы наших ученых, которые беспокоятся, что работы по атомной физике в Советском Союзе прекращены... Они обращаются к правительству и просят: несмотря на тяжелые годы войны, все-таки обратить внимание на эту проблему... Поговорите с учеными-физиками, которые знают это дело, которые им занимаются, и потом доложите. Абрама Федоровича я знал давно, поэтому обратился к нему с просьбой назвать, кто у них занимался этим делом. Иоффе предложил привлечь Иоффе, Курчатова, Кикоина и Алиханова». Государственный Комитет Обороны (ГКО) решением от 11 февраля 1943 года постановил возобновить работы в области ядерной физики. Именно на Первухина возложили обязанности повседневного руководства материально-техническим обеспечением научных работ в области ядерной физики, возглавить которые поручалось Курчатovu. Первухин организовал работы по производству урана для проведения опытов в области ядерной физики. Первухин М.Г. совместно с Курчатовым И.В. организовал в районе Покровское-Стрешнево г. Москвы научно-технический центр (Лаборатория № 2), где в последующем был построен опытный уран-графитовый реактор. Первухин М.Г. обеспечил проведение работ по разведке новых урановых месторождений, организовал производство графита сверхвысокой частоты и строительство опытного реактора по производству тяжелой воды. К маю 1945 года встала задача перевода работ в области атомной физики на промышленную основу с обеспечением самых благоприятных и преимущественных условий в целях скорейшего создания атомного оружия. Тогда Первухин М.Г. и Курчатов И.В. обратились к председателю ГКО Сталину И.В. с предложением о создании Научно-технического совета, чтобы привлечь к решению атомной проблемы самый широкий круг предприятий, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, специалистов и ученых. 6 августа 1945 года ГКО принял решение 20 августа 1945 года образовать Специальный комитет (по решению атомной проблемы) при ГКО (председатель комитета – Берия Л.П.), главным хозяйственником проекта стал Б.Л. Ванников, а М.Г. Первухин был включен в состав Специального комитета по созданию советской ядерной бомбы и 30 ноября того же года назначен председателем Инженерно-технического совета при Специальном комитете. После XIX съезда Первухин вошел в состав Президиума ЦК и Бюро Президиума.

В целом же в атомном проекте секретность была поставлена на самом высоком уровне. Например, никто не догадывался, что важнейший завод по обогащению лития, который стро-

ился в Сибири, нужен был для того, чтобы в водородной бомбе заменить тритий. Распространялась версия, что литий нужен для реактора, который генерировал оружейный плутоний, как в американской бомбе «Толстяк». Секретность помогла сохранить жизнь атомщиков. О конечной цели литиевого проекта знали только трое: Курчатов, Харитон, ну и, конечно, сам Берия. Даже Гинзбург не догадывался. Сахаров занимался своей «сложкой» и информации о заводе по обогащению лития-6 не имел. Берия довел уровень секретности до такой степени, что не посвящал в детали даже вождя. Хозяин знал состояние дел только в общем. Он не был посвящен в планы создания литиевой супербомбы. Берия говорил с Хозяином о бомбе только один раз, но при этом разговоре присутствовал Маленков. Берия тогда сказал Сталину: «Если мы создадим сверхбомбу, то уровень опасности нападения со стороны Америки будет сведен к нулю. В ГДР мы поставим заслон на пути бомбардировщиков, в Чехословакии, в Польше, в Румынии, Болгарии и в Крыму. Мы должны отгородиться от мира ракетным щитом».

Лаврентий решил проверить всю шестерку. Он помнил каждого члена Политбюро и их делишки. Мозг Маленкова был заполнен бумагами и инструкциями. Жердина Каганович – правдолюб, прямой, как луч света, в своих поступках. Молотов? Вначале Берия стал анализировать Молотова. У него был четкий мотив – жена Жемчужина, ее репрессировали, а его самого Сталин резко отодвинул от власти. До конца 1948 года 63-летний Молотов всегда считался вторым после Сталина человеком в государстве и преемником вождя. В 1953 году позиции Молотова в высшем руководстве страны были не слишком сильными, но авторитет его в народе был огромен. Люди помнили, что Молотов целых десять лет (в 1930–1941 годах) возглавлял правительство и проводил масштабную индустриализацию, благодаря которой страна кардинально изменилась. Народ не забыл его обращения 22 июня 1941 года, когда вместо отравленного Сталина Вячеслав Михайлович объявил о начале Великой Отечественной войны, завершив свою речь знаменитыми словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Эти слова Молотова остались не только в памяти людей, но и были выбиты на медалях «За Победу над Германией», которые виднелись на груди у всех фронтовиков. На лицевой стороне этой медали были выбиты слова: «Наше дело правое! Мы победили!» Молотов зарекомендовал себя как стойкий большевик, он рисковал своей жизнью, пролетев в самолете над Германией для прибытия в Великобританию для переговоров.

Выдающееся положение Молотова подтверждалось множеством формальных и косвенных признаков – от его второго после Сталина места в любом перечислении членов Политбюро, его соседства со Сталиным на трибуне Мавзолея Ленина во время парадов и демонстраций до числа выдвижений от разных избирательных округов в качестве кандидата в депутаты при выборах в Верховный Совет и числа наименований городов и поселков, заводов, колхозов, школ, которым присваивалось имя Молотова. Молотов был человеком волевым и упрямым, которого трудно было сдвинуть с места, если уж он занял какую-нибудь позицию. Молотов был человеком, сознательно шедшим за Сталиным и поддерживавшим его в самых жестоких действиях. Молотов не рвался стать лидером. Хотя он 4 марта 1949 года был заменен на посту министра иностранных дел Вышинским. Но Молотов остался первым замом предсовмина. Молотов – очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно работоспособный бюрократ. На переговорах Молотов отличался непоколебимым спокойствием.

Ничто не могло нарушить распорядок его дня. Молотов вставал 6:30 утра, в течение 20 минут занимался зарядкой на воздухе. После завтрака около часа гулял в лесу, потом читал газеты. Двухчасовой отдых. И вновь рабочий стол и книги, книги. Чтению Молотов посвящал не меньше шести часов в день. Усидчивость Молотова настолько поражала товарищей по партии, что помимо других партийных кличек он получил прозвище Каменная Задница. «Железная задница» – так звал его за глаза Ленин. Черчилль как-то сказал про легендарного своей работоспособностью Молотова: «Я не видел человека, в котором более полно была бы представлена современная концепция работа!» Хотя на XIX съезде партии Сталин резко критико-

вал Молотова, тем не менее в январе 1953 года Сталин написал Молотову письмо, где хвалил того за опубликованную статью.

Молотов до всего доходил сам, но очень и очень медленно и действовал слишком прямолинейно. Да, не получилось у него с учеными. Трудно с ними работать. Им же не прикажешь сделать открытие к понедельнику или вторнику. Тут нужен такт, учет их настроений и интересов. Гениальные мысли абы как в голову не приходят. «Нужно Молотова вернуть в МИД, – думал Берия – Вышинский заваливает свою работу, особенно это стало ясно после провалов в Корее».

Молотов абсолютно не боялся покушений и не страшился смерти. В годы войны он летал в Англию на сверхвысотном бомбардировщике над территорией врага. Летним днем 1950 года с ходом дел на строительстве Куйбышевской ГЭС познакомился член правительства СССР В.М. Молотов. В сопровождении инженера «Куйбышевгидростроя» (начальник строительства занимался своим делом, а организовывать подхалимаж тогда было не принято), одного журналиста из «Правды» и двух в штатском из охраны Молотов свободно ходил по огромному котловану, наполненному тысячами эков на автомобилях, бульдозерах, подъемных кранах, среди плотников с топорами, сварщиков, бетонщиков – кругом железо, камни. Он не подал вида и показал, что уверен в своей безопасности. Однако курирование атомного проекта у Молотова не получилось, и этот участок работы Сталин передал Берии, тем более что он тогда разругался с вождем в связи с Нюрнбергским трибуналом и хотел чаще бывать подальше от Москвы.

Однако в конце 1948 года Молотов был опорочен поведением своей жены. Жена В.М. Молотова Полина Жемчужина, она же Пери Семеновна Карповская, оказалась причастной к деятельности ЕАК. Дружба Жемчужиной с Лозовским, Михоэлсом и Фефером не была секретом, и она оказывала покровительство Еврейскому театру в Москве. Но главным обвинением была встреча Жемчужиной с Голдой Меир. На приеме, который Молотов устраивал в Кремле 7 ноября 1948 года для иностранных дипломатов, Полина познакомилась с Голдой Меир и беседовала на идиш не только с Голдой, но и с ее дочерью. «Я дочь еврейского народа», – заявила Жемчужина. МГБ стало следить за Жемчужиной и нарыло компромат о том, что еще до ноября 1948 года Жемчужина будто бы имела половой акт с электриком. Видимо, Сталин показал некоторые из обвинений Молотову, так как Молотов по требованию Сталина оформил развод с женой, и Жемчужина переехала жить к брату – В.И. Карповскому. 29 декабря 1948 года Полина Жемчужина была исключена из членов ВКП(б). Молотов голосовал вместе с другими за исключение.

Полину Жемчужину обвинили в тривиальной коррупции в период пребывания на посту начальника главка Министерства легкой промышленности РСФСР. Было создано самостоятельное дело о служебных злоупотреблениях, и в связи с этим арестовали несколько бывших сотрудников Жемчужиной, которые дали нужные показания. Кстати, усилиями Берии Жемчужина была спасена от расстрела – она была активным участником ЕАК, большинство членов которого расстреляли. «А ведь могла бы и загреметь», – отметил себе в памяти Берия. Жемчужина участвовала в антисоветской акции около синагоги в сентябре 1948 года (УК, статья 58-1а). Она распространяла слухи об убийстве Михоэлса (статья 58-10: антисоветская пропаганда и агитация.). Она работала с членами ЕАК (статья 58-11: организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных выступлений). Приговор, вынесенный через несколько месяцев заочно, через Особое совещание МГБ СССР, был сравнительно мягким. Жемчужину приговорили к ссылке на 5 лет в Кустанайскую область в Казахстане.

28 января 1949 года Жемчужину арестовали. По решению Особого совещания ее выслали в Кустанайскую область. В дипломатических кругах в Москве арест жены Молотова не мог остаться неизвестным. Арест жены создавал проблемы для частых выездов за границу, встреч с лидерами других стран, пресс-конференций и поддержания статуса второго после

Сталина человека в советской иерархии власти. В создавшихся условиях руководство Молотовым внешней политикой Советского Союза было уже невозможно. 4 марта 1949 года Молотов был заменен на посту министра иностранных дел Вышинским. Сам же Молотов, который поддерживал назначение Вышинского министром иностранных дел, возглавил бюро СМ по металлургии и геологии, а потом бюро по транспорту и связи. Имя Молотова выплыло в конце 1949 года в связи с Ленинградским делом. Его обвинили в покровительстве Вознесенскому, Кузнецову, Попкову, Родионову. Однако Молотову удалось отбиться. Но все же он оставался первым замом предсовмина вплоть до 1950 года, когда Сталин заменил его Булганиным.

На XIX съезде Сталин разгромил Молотова: «Что это за предложение такое, – говорил он, – отдать Крым евреям? На каком основании товарищ Молотов поддерживает эту идею? По моему мнению, это ошибочный проект. В СССР уже есть еврейская республика, этого что, недостаточно? Вот пусть ее и развивают. А товарищу Молотову не стоит поддерживать незаконные претензии различных непонятных организаций на наш Советский Крым». «Нет, пожалуйста, не Молотов», – подумав, решил Берия.

72-летний Ворошилов, герой Гражданской войны и неплохой маршал во время Великой Отечественной, с 1925 по 1940 год был народным комиссаром обороны СССР. Глава военного ведомства входил в круг ближайших сподвижников Сталина. В последнее время Ворошилов был отстранен от принятия решений, нередко он не участвовал в заседаниях Бюро Президиума ЦК. «Но не должен бы он предать, – понял Берия. – Ведь он рисковал на фронтах Великой Отечественной войны своей жизнью, хотя... в годы НЭПа многие стойкие большевики предали дело партии и становились ворами».

Микоян вступил в РСДРП(б) в годы Первой мировой войны, а с 1917 года активно занялся партийной работой. Интересно, что его карьера могла закончиться, так и не начавшись. Потому что Микоян был одним из знаменитых бакинских комиссаров, но в число тех, кто угодил на 207-ю версту, он не попал. Потом он немного порулил в красном Баку, но в итоге был отозван в Москву во ВЦИК. В советском правительстве он в основном занимался развитием пищевой промышленности, возглавляя соответствующий наркомат. Был очень осторожен, умен, ловок. Умел работать, был сторонником гибкой политики, а не дуболомом. 57-летний Микоян возглавлял комиссию по обвинению в контрреволюционной деятельности видных членов партии. Он, в частности, вместе с Ежовым был докладчиком на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) по делу Бухарина (1937 год). Именно Микоян выступал от имени Политбюро ЦК ВКП(б) на торжественном активе НКВД, посвященном 20-летию органов ВЧК-ГПУ-НКВД. После восхваления деятельности Ежова, оправдания массовых репрессий Микоян закончил свой доклад словами: «Славно поработало НКВД за это время!», – имея в виду 1937 год. Осенью 1937 года он ездил в командировку в Армению вместе с Маленковым для проведения чисток. Микоян смог добиться от Берии, чтобы в работу подчиненных ему служб, в особенности Внешторга, НКВД не влезал и подчиненных ему сотрудников не арестовывал. Микоян был очень осторожный и никогда не рискующий человек. Он был полезен на своей работе, занимаясь торговлей и пищевой промышленностью.

Когда готовилась депортация чеченцев, против нее выступил только один Микоян. Из-за этого он попал сразу после войны в опалу, был снят с поста министра внешней торговли и раскритикован Сталиным. У Микояна был мотив для предательства – гибель сына в годы войны. Микоян? У него пять прекрасных сыновей, а вот сам он никогда не высказывался определенно, старался тщательно обходить острые углы, при требовании прямого ответа извивался как угорь, не зря о нем говорили, что, если идет дождь, Анастасу зонт не нужен, он проскочит между каплями. Да и зачем Анастасу рисковать карьерами своих сыновей. У него и так все есть. Нет, это, скорее всего, не он, да и не понимает он в бомбах ничего.

А если Каганович? Мотив мести – смерть доведенного до самоубийства брата. Это был крепкий, прямолинейный организатор и вполне хороший оратор. Все довоенные годы Сталин,

уезжая на длительный отдых, как правило, оставлял «на партийном хозяйстве» именно Лазаря Моисеевича Кагановича. Его называли за глаза Железный Апостол Сталина Лазарь. 59-летний Каганович был похож на Собакевича, в разговоре он обычно жестко напирал на собеседника. «Да уж, характер у Лазаря неудержимый. Прямо как танк...» – отметил для себя Берия. Ходили слухи, что высокий, крупнокостный, набычившийся Каганович не пил вино, даже шампанское. На самом деле Каганович любил подзаложить. Но... втихаря.

51-летний Маленков, по национальности македонец, что по отношению к понятию болгарин означает то же, что белорус по отношению к русскому, был наследником знатного класса македонских священников, а его отец служил коллежским регистратором. Маленков окончил МВТУ и хорошо разбирался в энергетике. Жизнь Маленков понимал вполне конкретно в рамках марксистской теории. В годы войны главным его заданием стало оснащение РККА самолетами. За успехи в этой работе в сентябре 1943 года он получил звание Героя Социалистического Труда. 19 марта 1946 года Маленков был снят с поста зампреда Совнаркома, а 6 мая 1946 года отстранен от должностей секретаря и главного кадровика за то, что «как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов над ВВС, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)», и переведен на должность председателя Комитета по специальной технике при Совете Министров СССР. В марте 1946 года Маленков стал членом ПБ, в мае утратил пост секретаря ЦК, но возглавил Спецкомитет по ракетной технике. Но уже 1 июля 1946 года он вновь стал секретарем ЦК, а 2 августа 1946 года был назначен на пост зампреда Совета Министров. После XIX съезда по предложению Сталина в составе Президиума создана «руководящая пятерка», куда вошел и Маленков. 1 июля 1948 года Маленков вышел из опалы и был снова назначен секретарем ЦК.

Маленков старался вести дела вполне демократично. С большим тактом и деликатностью пытался он объединить вокруг стоящих задач усилия очень различных людей, всего руководящего ядра. Причем в поведении его самого не было и тени претенциозности. Он старался ничем не выделять себя по сравнению с другими вождями. Всем стилем поведения на заседаниях Совета Министров и на Президиуме ЦК он как бы говорил: «Я по сравнению с вами не имею никаких преимуществ. Давайте думать вместе. Предлагайте. Я только координирую усилия всех». И он делал это очень естественно и искренно. Я думаю, что у него не было никаких помыслов об усилении роли собственной персоны. Работал он всегда как вол. На заседаниях Маленков с Берией почти всегда садились рядом. Берия – справа от Маленкова. Маленков всегда разговаривал мягко, даже когда произносил самые страшные слова. Он всегда старался убедить собеседника в своей правоте, беседовал ли он с рядовым сотрудником Совнаркома или с самим Сталиным.

У Маленкова была прекрасная семья, любящая жена Валерия Алексеевна Голубцова, которая в годы войны стала ректором Московского энергетического института, властная женщина. Она ушла с поста ректора для воспитания сыновей; дочь Воля, двое воспитанных сыновей 14 и 15 лет. Сыновья Маленкова отлично учились и составляли гордость семьи. Они были приветливыми и послушными, говорили вежливые слова в те редкие моменты, когда Берия посещал квартиру Маленковых на улице Грановского. У Маленкова был мотив – месть за то, что в 1946 году после авиационного дела его сослали в Узбекистан. Но хозяин его потом вернул и выдвинул вторым человеком. Зачем это ему? Остается Булганин: темный он какой-то.

Следующим на очереди был 57-летний Булганин, нынешний, хотя и растерявший свое влияние первый заместитель Сталина. При значительной лени и пассивности характера Булганин был весьма неглупым, хотя и не вполне порядочным человеком. Он быстро понял роль низовых должностей и сумел в свое время хапнуть кое-что, будучи председателем Совнаркома РСФСР. Булганин всегда скрывал свое участие в махинациях, конспиратором он был отличным. Действовал через третьи руки. Булганин был крайне слаб как оратор. Его ум был угловат,

сух, лишен находчивости, не психологичен, оценки его схематичны, шутки банальны и пошлы. Однако он был дьявольски хитер и хорошо чувствовал людей. Булганин часто пьянствовал, любил слабый пол, был честолюбив.

Когда Абакумов снова начал копать под Жукова, Булганин очень испугался и пустился в загул. Бериевские агенты доложили Лаврентию, что в ночь с 6 на 7 января 1948 года, находясь в обществе двух балерин Большого театра в номере 348 гостиницы «Н», напившись пьяным, бегал в одних кальсонах по коридорам третьего и четвертого этажей гостиницы, размахивая привязанными к ручке от швабры панталонами фисташкового цвета одной из балерин, и от каждого встречного требовал кричать «Ура маршалу Советского Союза Булганину, министру Вооруженных Сил СССР!». Затем, спустившись в ресторан, Н.А. Булганин, поставив по стойке смирно нескольких генералов, которые ужинали там, потребовал от них «целования знамени», т. е. вышеуказанных панталон. Когда генералы отказались, маршал Советского Союза приказал метрдотелю вызвать дежурного офицера комендатуры со взводом охраны и дал команду прибывшему полковнику Сазонову арестовать генералов, отказавшихся выполнить приказ. Генералы были арестованы и увезены в комендатуру г. Москвы. Утром маршал Булганин отменил свой приказ.

Никакими особыми качествами он не обладал. Окружающим Булганин казался малоактивным человеком и даже наполовину ангелом, но это было обманчивое впечатление. В действительности же, как это нутром чувствовал Лаврентий, Николай был заурядным карьеристом, обычным мерзавцем среднего пошиба, который умел в нужный момент отстегивать накладные крылышки. По характеру Булганин был совсем не военным. Когда он стал военным министром и после отставки, он всегда носил мундир. Особенно с тех пор, как Булганину присвоили генеральское, а потом маршальское звание, он предпочитал везде появляться в военной форме. Но время от времени мог и ругнуться матом. Он много говорил и, казалось, совсем не умел слушать, хотя на самом деле мало что упускал. Любил смотреть кордебалет, очень ценил балерин и певиц из Большого театра. Булганин везде позиционировал себя как безвольного алкоголика. У Булганина была очень полезная для продвижения по службе черта характера: он никогда не возражал начальству. «Видимо, кто-то ему посоветовал так себя вести», – решил Берия, зная о том, что вытворял Булганин, будучи министром Вооруженных сил.

Булганин любил рассказывать скабрзные анекдоты, истории и шутки, особенно в отсутствие Хозяина: «На собрании колхоза кузнец выступил против политики правления. Как е... твою мать, так е... твою мать, а как е... твою мать, так х...й». Если у итальянцев национальное блюдо – пицца, то у русских – напизца... Русская мечта: бутылка-самобранка... Что немцу смерть – то русскому стакашок без закуси... Больной нуждается в уходе врача, и чем быстрее и дальше врач уйдет, тем лучше для больного... Субботник – это когда те, кто не мусорит, бесплатно убирают за теми, кто мусорит... Настоящий джентльмен всегда уступит даме место под бревном на коммунистическом субботнике... Любовь – это костер, в который нужно вовремя подбросить пару палок... Что должен сделать джентльмен при появлении дамы? У джентльмена должен встать... Поручик Ржевский вызвал бурные овации произнеся тост: «Я пью за говорящих “ДАМ”!»

В своих шутках он находил понимание у Хрущева. Пошутив или рассказав скабрзный, обычно несмешной анекдот, Булганин начинал заливисто хохотать. Окружающие при этом обычно недоуменно переглядывались. На этом они сошлись с Никитой. Булганин также имел дурную привычку – подойти к человеку сзади, неожиданно объявиться перед ним спереди и правой рукой схватить за половые принадлежности, говоря при этом: «Ну что, попался?» Когда Булганин морозил очередную шутку, то он обычно тоже громко и смачно хохотал. Однако вне подобных случаев Булганин внешне производил впечатление очень интеллигентного человека. Булганин часто уходил в запой, его сковывал страх, болела совесть. Булганин был женат на Елене Михайловне Коровиной – преподавательнице английского языка. Дети Булганина: сын

Лев (1925–1975), друг Василия Сталина («Вот почему так быстро Сталин продвигал Булганина, – решил Берия, – Василий Сталин способствовал»), и дочь Вера, которая в течение 17 лет была замужем за сыном адмирала Н.Г. Кузнецова – Виктором.

Став министром Вооруженных сил, Булганин начал усиленно продвигать Василия, сына Сталина. В 1946 году, служа в Германии, в 24 года Василий Сталин стал генерал-майором. С 1946 года Василий Сталин – командир 1-го гвардейского авиационного корпуса. В 1947 году переведен из Германии в Москву на должность помощника командующего ВВС Московского военного округа. С нарушением всяких правил карьерного роста ему присвоено звание генерал-лейтенанта авиации. Василий Сталин получил звание генерал майора в 1946 году (Булганин тогда служил первым заместителем министра Вооруженных Сил СССР), а генерал-лейтенанта – в 1950-м. В 1947 году он стал помощником начальника ВВС МВО. В 1948 году Булганин продавил у Сталина назначение Василия командующим ВВС МВО. С 1948 года назначен командующим ВВС Московского военного округа. Этим самым Булганин, играя на отцовских чувствах Сталина, способствовал своей стремительной карьере. Все люди падки на лесть. Василий несколько раз намекал отцу, что хорошо бы отблагодарить Булганина. Все это дало результат, и с 18 февраля 1948 года Булганин стал членом Политбюро. Одновременно Сталин убрал Булганина с поста военного министра. После ареста члена Политбюро и лидера ленинградской группы Кузнецова в конце 1949 года Булганин стал курировать силовиков по линии Совета Министров, который тогда считался значительно важнее, чем партия. Решение о курировании органов Булганиным не записали в протокол заседаний ПБ. Без ведома Игнатьева и Булганина получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог.

Некомпетентность Булганина в работе госбезопасности поражала. Во время совещаний глав разведслужб Булганин, присутствовавший там как куратор органов со стороны Совмина, показал, что не разбирался в таких вопросах, как быстрое развертывание сил и средств, состояние боевой готовности, стратегическое планирование. Булганин всеми средствами старался избегать ответственности за принятие решений. Письма, требующие немедленной реакции, месяцами оставались без подписи. Весь секретариат Совета Министров был в ужасе от такого стиля работы, особенно когда Сталин, уехав на Кавказ в отпуск, возложил исполнение обязанностей председателя Совета Министров на Булганина. Берия лично обратился к Сталину с просьбой ускорить прохождение через Булганина документов по атомной бомбе, находившихся в секретариате Булганина. Сталин разрешил своим заместителям подписывать самые важные постановления в обход своего первого заместителя. В свое время Берия был категорически против его назначения первым замом предсовмина Сталина. Булганин Берию тоже недолюбливал, завидуя умению Лаврентия достигать любой поставленной цели. Кроме того, Булганин был обижен тем, что в гонке за место преемника Сталина его обходил Берия.

24 августа 1951 года, когда Сталин был на юге, Булганин дал Игнатьеву указание возобновить дело ЕАК. Игнатьев послал записку Маленкову и Берии с просьбой согласовать разрешение возобновить дело ЕАК. Булганин курировал органы все более плотно. В январе 1952 года следственная часть МГБ СССР была фактически выделена из непосредственного ведения министра и подчинена председателю Совета Министров СССР. Сталин в это время отдыхал на юге, а формально его первым замом был Булганин. Следовательно, эта часть напрямую подчинялась Булганину. «Булганин явно подозрителен», – сделал заключение Берия.

59-летний Хрущев был человеком, ограниченным в знаниях, но твердым и невероятно упрямым. Он часто шел напролом и был одним из типичных представителей тех активистов, которые поднялись на волне ленинского призыва в 1924 году, но в том физическом и умственном состоянии, в котором он тогда уже находился, годился он в лучшем случае заведовать каким-нибудь инвалидным домом. По его мнению, начальство (высшее) было дано России свыше отнюдь не для устрашения, но для поощрения и награды таких, как он. Он полагал, что заслуживал много большего, чем просто член Политбюро. Никита служил добросовестно и

даже с пользой, верил в свои способности и тихо ненавидел Хозяина за то, что он не спас во время войны хрущевского сына. В годы Гражданской войны Хрущев руководил чем-то вроде стройбата. В 20-е годы, работая в Донбассе, Хрущев сам, своими руками сделал мотоцикл и гонял на нем по области.

В молодости Хрущев был убежденным троцкистом – сторонником мировой пролетарской революции, противником политики НЭПа и имперских амбиций Сталина. В 1928 году Хрущева, который к тому времени был руководителем одного из уездов Сталинского района, вызвали в Харьков и назначили заместителем заведующего орготделом ЦК украинской компартии. Это странное на первый взгляд назначение объяснялось достаточно просто. В рамках борьбы за власть Сталин назначил главой Украины своего доверенного соратника Лазаря Кагановича. Однако на Украине были очень сильны позиции местных большевиков – Петровского и Чубаря. Они встретили в штыки пришлое Кагановича, и между ними развернулась борьба за влияние. Каганович не имел своего клана и пытался опереться на Донбасс – главный индустриальный центр крестьянской УССР. Хрущева Каганович знал достаточно давно, дополнительными бонусами были рабочее прошлое Хрущева и его связь с Донбассом. Через некоторое время Хрущев был переведен в Киев. Но затем Каганович борьбу проиграл и был отозван в Москву.

В 1929 году он поступил в Промышленную академию в Москве, где был избран секретарем парткома. Там он познакомился с женой Сталина – Надеждой Аллилуевой и стал бывать у Сталина дома. В 1934 году Хрущев стал первым секретарем Московского горкома и вторым секретарем Московского обкома ВКП(б). В то время пост первого секретаря Московского обкома ВКП(б) считался более важным, чем место первого секретаря Московского горкома. В 1935 году Хрущев совместил оба поста и стал одновременно первым секретарем и обкома, и горкома.

Когда в 1936 году Сталин отменил празднование 7 ноября как Первого дня мировой революции, Хрущеву это не понравилось. Хрущев не считал, что коммунизм – бесклассовое общество; он не считал, что коммунизм невозможен в одной стране. При этом он действительно верил, что коммунизм – это когда есть колбаса, машина и квартира. Хрущев был необыкновенно хитер, хитрее любой цыганки. Он умел интуитивно чувствовать, кто победит, и немедленно принимал сторону сильного. Его выпячиваемые наружу тупость и неотесанность на самом деле были умелой ширмой, игрой на публику и на очередного своего хозяина: чего изволите? В Киеве, в отличие от своего предшественника Кагановича, ежедневно сутками работавшего на износ, Хрущев всегда строго в 10 часов появлялся на работе, в 4 часа уезжал на обед, в 6 часов возвращался и в 10 вечера уезжал домой. Весь Киев мог часы проверять по хрущевской машине, весь Киев знал, что Хрущев едет на обед или с обеда. В 1939 году группа украинских товарищей во главе с первым секретарем ЦК Украины Хрущевым решили выслужиться перед товарищем Сталиным. Сталин пригласил всех в кремлевский кабинет, и Берию в том числе. По примеру Великой французской революции конца XVIII века партийцы предложили изменить календарь на «пролетарский».

В этом проекте названиями месяцев должны были стать:

Январь и февраль: Ленин и Маркс.

Весенние месяцы: Революция, Свердлов, Май.

Летом: Советская конституция, Жатва, Мир.

Осенью: Коминтерн, Труд, Великая Революция.

Завершаться год должен был в честь рождения товарища Сталина – месяцем Сталин!

Товарищ Сталин выслушал «лестные» предложения делегатов и наотрез отказался календарь вековой календарь. Он раздраженно посмотрел на Хрущева и сказал: «Товарищ секретарь! Считаю вашу идею не только дурацкой, но и вредной. Большевикам не пристало подражать ни реакционным французским революционерам, ни кому бы то ни было другому!» Вождь

задумчиво подымыл трубкой, прошелся по кабинету и подытожил: «Оставим жерминали с термидорами ветхой истории. Советский Союз – не имперская Франция, да и товарищ Сталин – не Бонапарт. А за Великую революцию не беспокойтесь. И без ваших месяцев ее в мире не забудут. Мы не дадим забыть!» А когда Хрущев запросил разрешение на арест невероятного количества троцкистов на Украине, Сталин ему написал: «Уймись, дурак!»

За будущее вверенных ему структур Хрущев был совершенно спокоен. Об успехах технологии он имел весьма смутное понятие и был уверен, что только постоянное реформирование всего и вся позволит решить любую проблему. Никита Сергеевич твердо знал, что все это будет проделано не хуже, чем это делалось всегда. Он произносил слова с легким певучим акцентом жителя Донбасса. Его фразы всегда были трескучие и шумные, как болотные пузыри. Фразы выдавались слушателю значительно, весомо, торжественно. Когда он смеялся, обычно над своими же пошлыми шутками, то создавалось впечатление, что все зубы у него кривые. Тупо-ироническое, самодовольное выражение лица. По его виду сразу становилось ясно, что все вопросы, существующие, существовавшие и возможные в жизни давно решены Хрущевым по самым передовым революционным лекалам. Хрущев не был ординарным, простым человеком, он был эксцентричен, очень хитер и невероятно злопамятен. Нет, он не был бесталанным. Несмотря на его недообразование, он умел точно и быстро схватывать суть дела и найти выход из сложного положения. Он никогда никому ничего не прощал. Сталина в душе он ненавидел, за случай со своим сыном, но хорошо маскировался.

У малокультурного Хрущева были проблемы с русским языком. Он с трудом составлял слова во фразы, говорил косноязычно. Хрущев даже слово «ознакомиться» писал «азнакомица». Его выступления – забавные явления. Выступая, помогал себе, размахивая правой рукой, сжатой в кулак. Писать статьи Хрущев не любил. Это за него делали его помощники, которых он тщательно отбирал, но, даже имея политически приглаженный текст, он любил от него отклоняться, перемежая его крестьянскими словечками, трудно понимаемыми вставками и выкриками. Хрущев мог выступать от себя – от того, что ему в голову пришло. Его цветистая, но часто бестолковая речь потом долго шлифовалась редакторами, и потом получалось неплохо. Всю жизнь Хрущев не мог терпеть процесса бумагомарания. Он лишь наговаривал тексты дипломатических бумаг, а секретари записывали... выступления, записки, приказы, циркуляры... Он любил превратить любой спор в свой монолог.

В 1947 году Сталин отправил Хрущева под домашний арест. Однако Каганович уговорил Сталина простить Хрущева. Каганович, который был доверенным лицом Сталина и почти всегда третьим лицом в стране, очень напирал на то, чтобы продвигать Никиту. После краха Кузнецова Хрущев, будучи секретарем ЦК, стал и куратором административных органов, включая силовиков. 16 декабря 1949 года Хрущев был избран секретарем ЦК ВКП(б), курирующим административный отдел ЦК. Отдел курировал всех и вся, включая силовиков, военных, Верховный суд... Хрущев, являясь секретарем ЦК и руководя отделом административных органов ЦК, тем самым участвовал в подборе новых кадров для МГБ. Он действовал по линии партии, которая была гораздо менее влиятельной, чем правительство. Пост секретаря партийного куратора силовиков не очень ценился. По линии правительства силовиков курировал Булганин. Оформление кандидатуры С. Игнатъева также проходило через Хрущева. Но то, что Хрущев участвовал в подборе кадров, не говорит о том, что он один отвечал за силовые структуры. Иначе зачем ему самому себе посылать рассылки из органов, которые он сам курирует? Естественно, для того, чтобы более плотно работать с госбезопасностью, нужен был специально выделенный надежный человек из Совета Министров, который в те годы стоял значительно выше партии. Таким куратором стал Н. Булганин, который вскоре стал первым заместителем председателя Совета Министров Сталина. Именно поэтому курирующий силовиков по линии Совмина Булганин не посылал себе рассылок по линии МГБ.

Хрущев придумал план создания агрогородов и написал об этом в главной газете страны «Правда». В своей статье он размышлял над созданием поселений городского типа в сельской местности, призывая стереть культурные и архитектурные различия между городом и деревней. Узнав об этом, Сталин рассердился. Он вызвал Хрущева и отчитал его: «Что ви, товариш Хрущев, носитесь с мифическими агрогородами. В тяжелое послевоенное время часть страны еще лежит в руинах после нашествия немецко-фашистских захватчиков, люди на Украине еще живут в землянках. Вы их сначала оттуда вытащите, а потом будете размышлять о стирании архитектурных различий между городом и деревней. Чаянов забегал вперед со своими совхозами, а ви, товариш Хрущев, с агрогородами». Берия хорошо запомнил, как Сталин издевался над хрущевской идеей агрогородов. В следующем выпуске газеты появилась реплика о том, что статья Хрущева опубликована в качестве дискуссионной темы, что это личное мнение Хрущева, а не планы партии и правительства Советского Союза. На XIX съезде Маленков в отчетном докладе признал хрущевскую инициативу благоустройства на селе преждевременной.

Хрущев любил выпить. Любимыми напитками Хрущева были водка и коньяк. Но, как утверждали информаторы Берию, никогда не напивался. Даже если пил очень много. Мог позволить себе рюмку за обедом и за ужином, но лишнего никогда не выпивал. На многих торжественных обедах он хвастался, что может употребить очень много спиртного, но с этого ему ничего не будет. Все дело было в рюмках. Хрущев часто хвастался своими рюмками. Одну из них его отцу подарила жена американского посла Джейн Томсон, которая была у них на даче. Она говорила, что рюмка еще пригодится ему на частых приемах. На все встречи и обеды, в том числе важные, ему приходилось возить свои особенные рюмки. С виду они выглядели как обычно, но на самом деле в них была загадка. У этих рюмок было толстое дно и стекло, которые уменьшали объем жидкости внутри. Если в обычной 70 мл, то в «хитрую» помещалось 30 мл. Никто не мог его подловить на этом, так как рюмка была сделана из хрусталя, и резные узоры скрывали ее толстые края. Их перевозила в специальной аптечке охрана Хрущева. Получалось, что все пили одинаково, но российский политик был трезвее всех.

Сталин не терпел никаких скабрзностей. Поэтому при нем Хрущев вел себя тихо. Берия и Молотов не любили такой фамильярности и жестко реагировали. Маленков, Микоян и Хрущев терпели, думая, что Булганин – фаворит Сталина, не зря же Сталин назначил его своим первым заместителем. Судя по его стремительному взлету, это было очень вероятно. Только один Булганин любил скабрзные шутки Хрущева. «Что касается Никиты, – поймал себя на мысли Берия, – то он всегда слыл пошляком». «Послушай, какой хороший анекдот я услышал, – подсказывал к собеседнику Хрущев и продолжал, похохатывая: – Лозунг телефонистов: “За связь без брака!” Ха, ха, ха, Правда смешно? А вот еще лозунг для советских токарей: “Кончил – оботри станок”. – И он снова захохотал, трясая своим выступающим брюхом. – Лозунг шахтеров: “Всех коммунистов под землю!” А вот еще – лозунг металлургов: “Наша сила – в плавках!”» Обычно Хрущев, рассказывая анекдот, брал собеседника за пуговицу, чтобы тот, не дай бог, не убежал, и, сверкая маслянистыми глазами, рассказывал свою историю, оживленно жестикулируя. Однако Хрущев при всей своей несдержанности никогда не позволял себе говорить об официальных лицах матом. «Прежде чем учить иностранные языки, мне бы русским как следует овладеть», – говаривал он.

Берия звал Хрущева Никитой. С Хрущевым Берия не знался. С ним было трудно говорить, да и не о чем. Никита сразу сбивался на монолог и, когда Берия пытался ему возражать, страшно обижался. Жена Хрущева, Нина Петровна Кухарчук (она была уже третьей женой Никиты), не блистала ни интеллигентностью, ни умом. Хрущев мог часами обедать, потчевать гостя и вести аппетитные беседы о еде и способах ее приготовления. В этих разговорах его охотно поддерживала Нина Петровна, которая всегда очень сердилась, когда у них в гостях кто-то плохо ел. Обедать же в компании Никиты было еще бо льшим испытанием. Берия вспомнил, как однажды в тарелку борща, который сварила Нина, попала муха. Никита вытащил ее двумя

пальцами правой руки и как ни в чем не бывало продолжал трапезу. Лаврентия Павловича, воспитанного на традициях грузинского застолья, тогда чуть не вырвало.

В свое время, еще до войны, читая дело Хрущева, Берия отметил интересный факт. Нина Петровна поступила на учебу не куда-нибудь, а в Люблинскую гимназию (Польша). А в гимназии, как известно, крестьянки никогда не учились. Затем она перешла в Холмское женское училище, где готовили будущих преподавателей учебных заведений. Там она выучила не только русский и польский языки, но и французский. Позже Нина Петровна выучила и английский. Говорила на всех этих языках она свободно. В отличие от Никиты Сергеевича, который даже по-русски писал неграмотно: в своей фамилии, как ни удивительно, допускал ошибки – в одном случае в конце писал букву «ё», а в другом – букву «о». Кроме того, НКВД выяснил, что реальным отцом Хрущева был вовсе не Сергей Никифорович, который вообще-то дома долго не задерживался: пропадал целыми месяцами, а то и годами на сторонних заработках, а местный помещик Александр Гасынский. Мотив мести у Хрущева был – гибель сына-летчика во время войны, которого отказался спасти Сталин. «Так, – решил Берия – оставляем Никиту в списке подозреваемых».

1 марта, 15 часов 18 минут. Самолет в Казань

Думая, кто же слил американцам информацию о литиевой бомбе, Берия незаметно для себя погрузился в воспоминания о том, как идея этой бомбы появилась. Не зря он тренировался с ходу запоминать, а потом быстро находить в своей памяти нужную информацию. Перед его мысленным взором вставала картина маслом. События выплывали перед ним, как будто кто-то прокручивал на экране цветной фильм. В 1945 году И.В. Курчатов получил информацию об исследованиях, ведущихся в США над термоядерной проблемой. Но американцы пошли тупиковым путем, используя дейтерий и тритий. Сначала советские ученые двинулись в том же направлении.

В 1948 году А. Сахаров и Ю. Харитон предложили создать сверхмощную бомбу из перемежающихся слоев обычного урана и тяжелой воды. Конструкцию назвали «слоистой». Сахаров хотел использовать в «слоистой» тяжелую воду D_2O или жидкий тяжелый этан C_2D_6 . Проект был доведен в 1949 году (еще до испытания первой советской ядерной бомбы). Одновременно началась разработка другой конструкции под названием «труба» (РДС-6т), в которой плутониевая бомба погружалась в жидкий дейтерий. Весной 1950 года физики-ядерщики А. Сахаров и И. Тамм переехали на «объект» в КБ-11, где начали интенсивную работу над созданием водородной бомбы. 1 ноября 1952 года США провели испытание термоядерного устройства, а 6 января 1953 года президент Трумэн объявил о создании в США водородной бомбы. Устройство общей массой 62 тонны включало в себя криогенную (охлаждаемую до температуры ниже температуры жидкого азота) емкость со смесью жидких дейтерия и трития и обычный ядерный заряд, расположенный сверху. По центру криогенной емкости проходил плутониевый стержень, являвшийся «свечой зажигания» для термоядерной реакции. Оба компонента заряда были помещены в общую оболочку из урана массой 4,5 тонны, заполненную полиэтиленовой пеной, игравшей роль проводника для рентгеновского и гамма-излучения от первичного заряда к вторичному. Это было огромное лабораторное сооружение величиной с двухэтажный дом с жидким дейтерием и тритиевым эквивалентом порядка 10 миллионов тонн. Его было трудно транспортировать, то есть это не было бомбой.

Как бы это ни выглядело странным, но получалось, что именно он, Берия, малообразованный в физике человек, заставил гениальных ученых начать создавать литиевую бомбу. Конечно же, идея была не его. Сам он вряд ли бы до нее додумался. Идею предложил студент Лаврентьев. Но сибариты-ученые подняли студента на смех. Как же так, он, недоучка, дилетант, а не они, великие, это предложили. С интересом к идее отнесся только Курчатов. Видимо, то, что идею выдвинули не они, очень сильно задевало ученых, и они стали искать

недостатки в гипотезе. Тогда Берия интуитивно почувствовал, что это единственно верный ход, и на свой страх и риск форсировал разработку литиевой бомбы. Он терпеть не мог этот показной снобизм ученых. Для Берии важнее всего был результат. И он знал, как добиться результата. Ради результата мог стерпеть вольтерьянство и вольнодумство. Берия подозревал, что и у американцев «великие» физики точно так же думали. Не зря они бросили все силы на накопление тяжелой воды, да и взрыв той цистерны с тритием и дейтерием был скорее направлением, а не решением задачи. Не существовало самолета, да и не будет существовать долгое время, который бы мог поднять 300 тонн адской жидкой смеси. И вдруг резкая смена мнений и направлений работы. Нет, тут явно просматривается утечка из СССР, где данное направление стало ведущим.

После испытания первой советской атомной бомбы РДС-1 основные усилия сконцентрировались на «слоейке». В проекте по теме № 6, подписанном Харитоном 3 декабря 1949 года, задачей на 1950 год было поставлено выяснение осуществимости ядерной реакции легких элементов. 24 января 1950 года в краткой записке о состоянии работ по «слоейке» объясняется, что использование дейтерия, который не имеет критических размеров, позволяет сделать бомбу, содержащую довольно большое количество взрывчатого вещества, но не ясно, сможет ли обычный ядерный взрыв на основе урана-235 поджечь дейтерий. Берия и Курчатов не мешали Сахарову заниматься его «слоейкой», которая чуть увеличивала мощность атомной бомбы, будучи не чисто водородной бомбой, а по сути – смешанной, урано-водородной, но не создавала прорыва в технологии.

Поводом для создания чисто литиевой бомбы послужило предложение дилетанта. В лабораторию пришло на отзыв письмо Олега Александровича Лаврентьева, военнослужащего с Дальнего Востока. Проходя службу в Советской армии в воинской части на Сахалине, Лаврентьев занимался самообразованием, пользуясь технической библиотекой и вузовскими учебниками. На денежное довольствие сержанта подписался на журнал «Успехи физических наук». В 1948 году командование части поручило Лаврентьеву подготовить лекцию по ядерной физике. Имея несколько свободных дней на подготовку, он заново переосмыслил проблему. В конце 1949 года Лаврентьев написал короткое письмо Сталину о том, что ему известен секрет водородной бомбы, но то ли письмо затерялось в потоке поздравлений Сталину по поводу его 70-летия, то ли автора сочли очередным «чайником», то есть изобретателем всего и вся, которых в то время развелось великое множество, но реакции на письмо не было. В начале 1950 года Лаврентьев написал новое письмо, но уже в ЦК ВКП(б). Из Москвы немедленно позвонили в Сахалинский обком партии и предложили создать Лаврентьеву условия для работы. По распоряжению обкома Лаврентьеву выделили отдельную охраняемую комнату в воинской части, где он написал свою первую работу о литиевой бомбе. В выделенной ему охраняемой комнате он написал статьи, отосланные в июле 1950 года в отдел тяжелого машиностроения ЦК секретной почтой. Работа была напечатана в одном экземпляре, а черновик уничтожен.

В 1950 году демобилизованный Лаврентьев приехал в Москву и поступил на физический факультет МГУ. Пока Лаврентьев летел из Южно-Сахалинска, в аэропорту ему пришла идея поместить компоненты обычной атомной бомбы в центр, а дейтерид лития – по периферии. Когда летом 1950 года на атомный объект пришло присланное из секретариата Берии письмо с предложением молодого моряка Тихоокеанского флота Олега Лаврентьева, все забегали, как тараканы, – Берия не любил, когда его указания не выполнялись. Через несколько месяцев изобретатель был вызван к секретарю Специального комитета № 1 при Совете Министров СССР (Спецкомитета) В.А. Махневу, а спустя несколько дней – в Кремль к председателю Спецкомитета по атомному и водородному оружию Л.П. Берии. Для встречи с дарованием Лаврентий Павлович пригласил Иоффе и Сахарова.

Память Лаврентия подсказала, что дело было так. В кабинет первым был вызван Сахаров, а еще через десять минут – Лаврентьев. Открыв дверь, он попал в слабо освещенную

пустую комнату. За следующей дверью находился собственно кабинет Берии. Лаврентий Павлович сидел в своем внушительных размеров кабинете с большим письменным столом и приставленным к нему буквой «Т» столом для совещаний, из-за которого он поднялся. Когда они вошли, Берия встал одним сильным движением. Кресло, елозя по гладкому полу, отъехало назад. Затем Берия грузно (сказывалась хроническая лучевая болезнь) вышел из-за стола, пошел навстречу и наконец подошел к человеку с пухлыми, как бы надутыми щеками, подал руку и предложил сесть. Лаврентий Павлович всегда имел привычку вставать при входе в его кабинет любого посетителя, идти навстречу и жать руку, с посетителями он общался только на «вы».

Когда дарование вошло, у Берии сложилось впечатление, что у молоденького круглого, похожего на колобок, человечка имеются флюсы за обеими щеками.

– У вас что, зубы болят? – спросил Берия, глядя на Лаврентьева.

– Да нет, у меня просто щеки такие пухлые, – ответил человечек с надутыми щеками.

– А кто у вас родители?

– Да обычные люди, товарищ маршал Советского Союза, инженеры.

Берия подвинул стул и снова сел за стол. У него были жилистые руки, крепко державшие стул.

– Ну что, товарищ Лаврентьев? Расскажите, как вам пришла идея переносной водородной бомбы.

– Ну как? Все просто. В двухтомнике Некрасова я нашел описание гидридов, – человечек взбодрился, усталость и растерянность его исчезла, он встал и решительно заходил по кабинету, глядя в пол. Потом остановился и стал объяснять дальше: – Оказалось, что можно химически связать дейтерий и литий-6 в твердое стабильное вещество с температурой плавления 700 градусов по Цельсию. Поэтому дейтерид изотопа лития-6 будет выступать в качестве основного взрывчатого вещества, а детонатором может быть урановый заряд. Чтобы инициировать процесс образования трития, нужен мощный импульсный поток нейтронов, который получается при взрыве обычной атомной бомбы. Этот поток дает начало ядерным реакциям и приводит к выделению огромной энергии, необходимой для нагрева вещества до термоядерных температур. Поэтому правильнее такую бомбу называть не водородной, а литиевой.

Пока шел разговор – Лаврентьев увлеченно рассказывал, – Иоффе сидел на стуле, слушал и записывал ценные мысли, которые изрекало дарование. Парнишка говорил толково:

– Последовательно перебирая различные варианты, я обнаружил, что цепь с литием-6 и дейтерием замыкалась по нейтронам. Нейтрон, попадая в ядро лития-6 ($Li6$), вызывает реакцию: $n + Li6 = He4$ (гелий) + T (тритий) + 4,8 МэВ (много энергии). Тритий, взаимодействуя с ядром дейтерия по схеме: $T + D = He4 + n + 4,8$ МэВ, возвращает нейтрон в среду реагирующих частиц. Дальнейшее уже дело техники.

– Так, так... – медленно протянул Берия. Некоторое время он молчал.

Дарование же с придыханием продолжало свой рассказ:

– Дейтерий является устойчивым изотопом водорода; примерно в одной из каждых 3–4 тысяч молекул обычной воды один из атомов водорода замещен дейтерием. Этот факт позволяет легко организовать достаточно дешевое получение необходимого количества дейтерия из воды. Значительно более сложным является получение трития, который является нестабильным, вследствие чего его содержание в природе ничтожно. Если же использовать литий-6, то дело резко упрощается. Главной проблемой является необходимость достижения сверхвысоких температур. Расчеты показывают, что термоядерная реакция идет при температуре около 150 миллионов градусов по Цельсию (для сравнения, температура ядра Солнца – 40 миллионов градусов). Но проблема решаема, если реакцию синтеза зажечь с помощью обычного ядерного взрыва.

Лаврентьев в разговоре с Берией указал на то, что литий-6 может реагировать с нейтроном, давая тритий, который, в свою очередь, реагирует с дейтерием, содержащимся в молекуле дейтерида лития-6.

– Понятно, что ничего непонятно, – наконец задумчиво произнес Берия. – А вы, товарищ Сахаров, что об этом думаете?

Сахаров помялся, а потом произнес:

– Думаю, что идея перспективная и, наверное, поможет создать новую, более мощную бомбу.

В отзыве на первое письмо Лаврентьева Сахаров писал: «В рассматриваемой работе Лаврентьева намечены две идеи: 1) использование ядерных реакций $\text{Li}7 + \text{H}1 = 2\text{He}4$ (2) и $\text{Li}6 + \text{H}2 = 2\text{He}4$ (1) в условиях теплового взрыва (под действием взрыва атомной бомбы)... и 2) в условиях управляемого медленного теплового горения... По п. 1) необходимо отметить, что реакции (1) не являются наиболее подходящими в условиях теплового взрыва, т. к. их эффективное сечение при тех температурах, которые осуществляются в условиях атомного взрыва, слишком малы... Я считаю необходимым детальное обсуждение проекта товарища Лаврентьева. Независимо от результатов обсуждения необходимо уже сейчас отметить творческую инициативу автора».

Когда беседа закончилась, Сахаров с толстощеким дарованием крадучись вышли из кабинета. Он перекинулся несколькими словами с Иоффе и Махневым. Затем Берия вызвал секретаря и попросил подготовить письмо с просьбой о назначении стипендии Лаврентьеву. Затем он быстро написал записку Н.И. Павлову (Николай Иванович Павлов, начальник отдела Главного управления, курировал работы по созданию атомного водородного оружия): «т. Павлов! Я принимал т. Лаврентьева. Судя по всему, он человек весьма способный. Вызовите т. Лаврентьева, послушайте его и сделайте совместно с т. Кафтановым С.В. (министр высшего образования СССР) все, чтобы помочь т. Лаврентьеву в учебе и, по возможности, участвовать в работе. Срок 5 дней». В своих «просьбах» Берия всегда указывал сроки исполнения этих просьб, которые подчиненными воспринимались как самые жесткие приказы.

14 января 1951 года Л.П. Берия направил Б.Л. Ванникову, А.П. Завенягину и И.В. Курчатову письмо, где написал: «...мы не должны забыть студента МГУ Лаврентьева, записки и предложения которого... явились толчком для разработки новой бомбы». 20 января 1951 года Берия наложил резолюцию: «Утвердить! Берия» «... 1. Установить персональную стипендию – 600 руб. 2. Освободить от платы за обучение в МГУ. 3. Прикрепить для индивидуальных занятий квалифицированных преподавателей МГУ... 4. Предоставить О.А.Л. для жилья одну комнату... 5. Выдать О.А.Л. единовременное пособие 3000 руб. за счет ПГУ». Берия засмотрелся в окно. На несколько минут он задремал.

Но тут самолет тряхнуло, и вновь в воспаленный и взбудораженный размышлениями мозг Лаврентия Павловича вернулись воспоминания о литиевой бомбе. Первоначально использование лития-6 было предложено Гинзбургом. По массе LiD должен составлять в этой «слойке» около 1–2 % от массы урана. Отчеты и предложения Гинзбурга не повлияли существенно на ход событий. От идеи отказались из-за того, что посчитали, что реакция будет маломощной. Работы были свернуты, и все было нацелено на тритий и дейтерий. Лаврентьев увидел (да и то не сразу, а после того, как письма ушли в Москву) то, что прошло мимо глаз ученых-профессионалов.

Берия сразу схватил суть вопроса и заставил Ландау начать расчеты. Лаврентьев и понимание сути реакции Берией стали катализатором назревшего решения по применению в бомбе дейтерида лития-6. Расчет водородной бомбы оказался задачей на много порядков сложнее, чем атомной. Расчеты водородной бомбы к началу 1953 года были закончены. Расчеты вела группа Ландау, которой удалось сделать то, что оказалось не по силам американцам. Они вручную сделали полный расчет основной модели водородной бомбы, так называемой сферической

слойки, в которой чередовались слои с ядерной и термоядерной взрывчаткой – взрыв первой оболочки создавал температуру в миллионы градусов, необходимую для поджига второй.

Идею литиевой бомбы пришлось пробивать долго и упорно. Метод очистки был усовершенствован в марте 1950-го. Включение в план работ литиевой бомбы принималось на совершенно другом уровне – уровне Курчатова и ПГУ. Сахаров, ознакомившись с отчетами Гинзбурга 1948/1949 года и работами в КБ-11, ничего в своей «слойке» менять не стал. Лаврентий с большим трудом пробил решение резко интенсифицировать работы в этом направлении. Курчатов же поддержал Берия и на очередном совещании окончательно оформил идею.

Берия вспомнил, как Курчатов рассказывал как-то на совещании: «Термоядерный процесс инициируется мощным импульсным потоком нейтронов, который получается при взрыве обычной атомной бомбы. Этот поток дает начало ядерной реакции взаимодействия нейтрона с литием-6. Нейтрон, попадая в ядро $Li6$, вызывает реакцию: нейтрон плюс атом лития-6 – получается атом гелия и тритий». Он писал химические формулы на доске, но все прекрасно всё воспринимали на слух. «Итак, продуктом этой реакции является тритий, он реагирует с рядом находящимся дейтерием, давая гелий и нейтрон, который возвращается в цепную реакцию. Трития очень мало в воде. Дейтерия больше. В чистом виде это газы. А тут твердое вещество. Дейтерид лития-6 гораздо меньше по объему. $Li6D$ – твердое стабильное вещество с температурой плавления 700 градусов по Цельсию».

Главной проблемой (и секретом) был способ обогащения изотопа лития-6. «В природном литии содержится 92,5 % $7Li$ и 7,5 % $6Li$. Первый этап производства лития-6 – восстановление, – продолжал Курчатов. – Гидрид и дейтерид лития мы растворяли в соляной кислоте. Из образовавшегося очищенного хлорида лития электролизом восстанавливался металлический литий, который, в свою очередь, помещали в химический реактор с водородной или дейтериевой атмосферой, где и образовалась новая партия гидрида или дейтерида лития. Для обогащения использовался электрохимический процесс, основанный на большем сродстве лития-6 к ртути. Пробовали также вакуумную дистилляцию, происходящую при температуре около 550 градусов по Цельсию, но не пошло». «Зачем вам так много денег? – любил спрашивать Берия. – У вас же есть смета. Что значит “не уложились”? Кто составлял смету? Почему не предусмотрели страховку, возможность неудачи?» В конце концов народ, работавший в спецпроекте, стал очень ответственно относиться к планированию расходов и обоснованию затрат на эксперименты. Берия следил за созданием «лидушки» – литиевой бомбы Лаврентьева – Гинзбурга. Так ее называл про себя Берия. Он давил на физиков, и с начала 1952 года разработки пошли по пути использования дейтерида лития-6. Необходимо было срочно разработать промышленный метод обогащения лития-6. По настоянию Берии для реализации этой идеи в СССР были в 1952 году построены заводы по разделению изотопов лития. До последнего времени с литиевой бомбой все шло хорошо, но вот пришло сообщение агента, что американцы украли у СССР идею литиевой бомбы.

В конце января 1953 года Берия посетил Сталина на Ближней даче. Хозяин сидел за столом и сосал сигарету, передвигая ее из одного угла рта в другой. Когда Берия сел на предложенный ему стул, Сталин откинулся на спинку кресла и произнес:

– Видишь, товарищ Берия, как тяжело бросать курить?

– Вижу, товарищ Сталин, поэтому я никогда по-серьезному и не курил.

Наступила пауза.

– Ну что, товарищ прокурор, чем порадуете на ядерном фронте? – насмешливо спросил Сталин, словно нарочно усиливая свой грузинский акцент и коверкая ударения. – Ви знаете, что 7 января 1953 года уходящий президент Трумэн объявил о наличии у США термоядерной бомбы?

– На самом деле это была не бомба, а просто цистерна с неподъемным весом. Она не могла быть доставлена самолетом. Мои источники сообщили, что Англия и Штаты пошли по

тупиковому пути использования в водородной бомбе дейтерия и трития. 1 ноября 1952 года американцы провели испытание дейтериевой или тритиевой водородной бомбы, основанной на синтезе гелия из трития и дейтерия, но они взорвали не бомбу, а цистерну, заполненную сжиженным тритием и дейтерием. Такое устройство нельзя перевозить на самолетах. Поэтому его нельзя назвать бомбой.

Далее Лаврентий Павлович сообщил Хозяину, что, по сведениям его агентов, американская бомба была очень велика и ее нельзя было доставить до территории СССР. Более того, расчеты Ландау показали, что в американском устройстве дейтерий и тритий разлетелись, практически не прореагировав. Тут Берия заметил, что на лице Хозяина появилась тревога.

– И как Ландау? Работает?

– Да, все в порядке, но мы за ним постоянно наблюдаем.

– А как дела со «сложкой»? – спросил Сталин. Берия понял, что у собеседника все было под контролем.

– Дела с созданием водородной бомбы под названием «сложка» идут нормально. Есть надежда, что в конце лета бомба будет испытана – взорвем ее. Ученые обещают значительно большую мощность, чем у урановой бомбы.

– С богом, – ответил Сталин.

Обдумывая положение с литиевой бомбой, Берия попытался освежить свою память, перебирая воспоминания о том, как все это началось. Лаврентий Павлович хорошо запомнил тот день 11 февраля 1943 года, когда было принято постановление Госкомитета обороны (ГКО) № 2872сс о начале практических работ по созданию атомной бомбы. Общее руководство было возложено на заместителя председателя ГКО В. Молотова. Однако после того, как Молотов не смог добиться каких-либо успехов в ходе работы над атомной бомбой, Сталин решил поручить создание атомной бомбы Берии. В середине 1945 года Сталин вызвал Берия на Ближнюю дачу и предложил возглавить работы над бомбой. Сказал, что Вячеслав не тянет. Берия не стал возражать и согласился, поставив условием, что его освободят от Наркомата внутренних дел. Однако Сталин настоял, чтобы Берия остался в НКВД. 20 августа 1945 года был образован Специальный комитет под председательством Берии. Лаврентию была также подчинена вся разведывательная работа по сбору информации о ядерном оружии. Целый отдел Службы внешней разведки подчинялся лично Берии – он искал возможности похищения материалов по атомной бомбе в США. Берия настоял, чтобы все работы по атомному проекту были сконцентрированы в Москве, где была выделена земля для строительства корпусов лаборатории, и в России. Все руководство проекта было замкнуто на Берию. В свое время Берии доложили: руководитель Манхэттенского проекта генерал Гровз заявил, что СССР понадобится 15–20 лет для создания атомной бомбы. «Цыплят по осени считают», – сказал себе Берия, узнав об этом высказывании.

В конце войны американцы послали в Европу специальную комиссию, которая шла за наступающими войсками союзников и разыскивала следы немецких ядерных исследований. Единственная существенная находка – образец недостроенного ядерного реактора. Его изучение показало, что критического состояния этот реактор достичь не мог. Так что до создания бомбы немцам было очень далеко... Американцами было использовано 12 тонн накопленной Францией урановой руды и пара тонн очищенного урана, которую они захватили при наступлении Западного фронта. Они ее обогащали 1,5 месяца и получили 70 килограммов чистого урана, использовав огромное количество электроэнергии. Немецких ученых-атомщиков пытались прикарманить и США, и СССР. В США было вывезено 523 немецких ученых. Вскоре эта цифра увеличилась до тысячи человек.

Хороших физиков в СССР было довольно мало. Когда Берия приказал пересчитать всех ученых-физиков страны, их оказалось 4212. Поэтому еще до Победы в Великой Отечественной войне Лаврентий Павлович составил для армейской разведки списки всех перспективных

немецких ученых, которых следовало захватить в Германии. Точно такие же списки были и у западных союзников. Но только вот беда, в то время как американцы во всех занятых городах первым делом проверяли университетские лаборатории, советские генералы больше интересовались ювелирными магазинами. Поэтому когда руководитель германской программы по созданию «Фау-2» Вальтер Гейзенберг смог спокойно уехать на велосипеде из советской зоны на Запад, Лаврентий Павлович устроил генералам форменный разнос. Но одними выговорами делу не поможешь, и Берия придумал гениальный ход: в Берлине были вывешены объявления о том, что все мужчины мобилизуются на разбор завалов и захоронение трупов, освобождены будут лишь обладатели ученых степеней, зарегистрированные в комендатуре.

Законопослушные немецкие профессора явились для регистрации, где молодцы Берии их быстро рассортировали и всех нужных отправили, вместе с семьями, в теплый город Сухуми. По окончании войны в Германию была направлена группа советских физиков, среди которых были будущие академики Арцимович, Кикоин, Харитон, Щелкин. Для конспирации все были одеты в форму полковников Красной армии. Операцией руководил первый заместитель наркома внутренних дел Иван Серов, что открывало любые двери. Кроме нужных немецких ученых «полковники» разыскали тонны металлического урана, что потом, по признанию Курчатова, сократило работу над советской бомбой не менее чем на год.

Самолет опять сильно трянуло, и Берия импульсивно схватился за подлокотники. Но тряска прошла, и далее самолет летел нормально. И немедленно мысль Берии вернулась к своему детищу – к бомбе. Вначале в СССР было захвачено около 400 немецких специалистов (многие из них были пленными), а кроме этого, 200 тонн металлического урана. К тому же Советскому Союзу достался весь научный состав и высокоточное оборудование лаборатории фон Арденне. Из Берлина были целиком вывезены лаборатория фон Арденне с урановой центрифугой, оборудование Кайзеровского института физики, документация, реактивы. В рамках атомного проекта были созданы лаборатории «А», «Б», «В» и «Г», научными руководителями которых стали прибывшие из Германии ученые.

Причем условия были настолько либеральные, что физик позволил себе повесить на лестнице портрет, на котором изображен эпизод, как фюрер награждает его рыцарским крестом. К каждому немецкому специалисту было приставлено по пять-шесть советских инженеров. Лабораторией «А» руководил барон Манфред фон Арденне, разработавший метод газодиффузионной очистки и разделения изотопов урана в центрифуге. Поначалу его лаборатория располагалась на Октябрьском Поле в Москве. Позже лаборатория переехала в Сухуми. Тем временем в столице Абхазии были закрыты несколько санаториев, которые буквально за два дня были переоборудованы в лаборатории. Именно в них работали такие известные ученые, как Густав Герц, лауреат Нобелевской премии; Манфред фон Арденне, физик-изобретатель, и другие светила немецкой науки. Руководителем лаборатории «Г», размещенной в сухумском санатории «Агудзеры», стал Густав Герц, подтвердивший теорию атома Нильса Бора. В результате его успешной деятельности в Сухуми в 1949 году была выработана начинка для первой советской атомной бомбы РДС-1. За свои достижения в рамках атомного проекта Густав Герц в 1951 году удостоился Сталинской премии.

Поселили их в благоустроенном городке, но за колючей проволокой. Вскоре сюда перевели самых востребованных специалистов из Германии. Зарплаты здесь по советским меркам были очень высокие. Если оклад простого советского инженера составлял 500 рублей, то Арденне получал свыше 10 тысяч рублей. Немецкие сотрудники не испытывали нужды ни в чем. Их запросы выполнялись моментально: за нужным прибором самолет мог вылететь в любую точку СССР. Всем членам семей немецких ядерщиков было дано пожизненное право учиться, лечиться и передвигаться по СССР бесплатно. В Сухуми на берегу живописной бухты был создан новый научный центр. Здесь был найден новый мощный источник ионов для масс-спектрометра, что позволяло осуществлять анализ смесей изотопов урана, а для успешного

разделения изотопов урана была создана газовая центрифуга. Всего по атомному проекту в СССР работало около 7 тысяч специалистов из Германии. Ни один участник атомного проекта не был репрессирован или даже наказан административно.

Но это был отвлекающий маневр. Для ЦРУ. Американцы на это легко купились. Берия вспомнил, как П. Мешик, ответственный за секретность в атомном проекте, придумал, как отвести внимание американцев от истинных создателей советской атомной бомбы. По предложению Мешика они создали настоящую лабораторию в Сухуми и туда свезли существенную часть немецких ученых. Создали режим секретности и вроде бы допустили оплошность. Немецким физикам, сосредоточенным в Сухуми, разрешили написать письма домой. Американская разведка провела колоссальную работу и на основе писем немецких ученых домой вышла на сухумский центр, считая, что именно там ведется разработка советской атомной бомбы. Американцы стали проявлять там шпионскую активность Мешик докладывал Лаврентию о повальном увлечении работников посольства США отдыхом в Абхазии. Все рванули в Сухуми, прикрываясь словами, что там очень красивая природа... Основные же разработки велись совсем в другом месте. Посольство США постоянно прослушивалось после того, как удалось там поставить жучок внутри выполненного из дерева советского герба, который был подарен послу США.

Американцы так и не нашли Сарова и других атомных городков. Берия их обыграл. Этому способствовал и высший уровень секретности, созданный в научных городках. Начальник управления режимом секретности атомных проектов П. Мешик добился того, что не было ни одной утечки информации с объектов, где делали атомную бомбу. Сотрудникам военно-научных городков запрещалось (это было названо нежелательным) покидать территорию – для них за забором построили собственную больницу, магазины и даже ЗАГС. Официально населения городков даже не существовало – в интересах секретности работавшие там ученые и другие сотрудники числились проживающими в соседних областях. О том, какие работы ведутся в лабораториях, не знали даже местные чекисты и военные.

Для ускорения дела Берия подключил разведку и организовал получение материалов по бомбе. Уже через 12 дней после сборки в американском городе Лос-Аламос первой атомной бомбы «Штучка» (Gadget), работавшей на основе распада плутония-239, центр получил ее описание, причем по двум независимым каналам – от агентов «Чарльз» (Клаус Фукс) и «Млад» (Тед Холл, он же «Персей»). Тем самым советские разведчики оказали неоценимую помощь нашим ученым в ускорении решения проблемных вопросов, а не в воровстве фундаментальных идей создания атомной бомбы.

Берия прекрасно понимал, что информация о бомбе, полученная из США, ничего не решала, кроме одного – она говорила о том, что взорвать атомную бомбу можно, и давала основные направления работ. Бомбу нельзя было просто скопировать, в ней было заложено множество технологических нюансов, которыми промышленность СССР тогда еще не располагала. Поэтому вся технология была отечественная.

Приступив к работе над бомбой, Берия начал с важнейшего дела – поднял престиж ученых в стране. Когда они с Хозяином обсуждали необходимость резкого повышения зарплат ученым, Сталин сказал: «Гениев не бывает, их выдумали, влияет обстановка, условия». Берия убедил Сталина резко и вполне материалистически поднять значимость ученых степеней и званий. Сталин сделал это. Были установлены новые высокие зарплаты ученым. Зарплата профессора, доктора наук была повышена с 1600 до 5000 рублей, доцента, кандидата наук – с 1200 до 3200 рублей, ректора вуза – с 2500 до 8000 рублей. В научно-исследовательских институтах ученая степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1000 рублей, а доктора наук – 2500 рублей. В это же время зарплата союзного министра составляла 5000 рублей, а секретаря райкома партии – 1500 рублей. Сталин, как председатель Совета Министров СССР, имел оклад 10 тысяч рублей.

Кроме того, Берия предложил повысить на 20 % зарплату рабочих и инженерно-технических работников, работающих на предприятиях и стройках Урала, Сибири и Дальнего Востока, и должностные оклады людей, имеющих высшее и среднее специальное образование (инженеры, работники науки, образования и медицины), что и было реализовано в 1946 году. Теперь профессор получал раз в 5–6 больше среднего служащего. Такие зарплаты были определены не только физикам, но и всем ученым со степенями. И это сразу после войны, когда в стране была ужасная разруха... Берия убедил Сталина давать ученым больше Сталинских премий, а не только деятелям культуры, которые съедали почти все деньги Сталинских премий. Лучше всего жилось тогда специалистам, работающим на оборонку, сотрудникам милиции и руководителям предприятий, а также преподавателям вузов – их зарплаты, случалось, в 10 раз превышали размер полочки рядового советского гражданина.

Воспоминания всплывали одно за другим, как будто шел спектакль в нескольких действиях с перерывами на чаепития. Берия помнил, как тяжело шли работы, пока не была найдена оптимальная комбинация руководителей. Затем Берия достал из архивов памяти информацию о том, как он вышел на Курчатова. Академика А.Ф. Иоффе вызвали к Сталину на совещание, на котором присутствовал Берия. Когда он появился, все уже сидели за столом. Сталин сказал:

– Товарищ Иоффе? Придется вам возглавить работу над атомной бомбой!

Иоффе ответил:

– Дюже стар я для такой работы (ему было под 70), но у меня есть очень талантливый ученик.

– Как его зовут?

– Игорь Курчатов. Он молодой, ему всего 40 лет.

Сталин помолчал, а потом с хитрецей сказал:

– Что-то, товарищ Иоффе, такой академик Курчатов мне не знаком.

Иоффе объяснил, что Курчатов – ученый молодой, хотя и талантливый физик. В Академию наук еще ни разу не выдвигался.

– Заслуг перед наукой, подобающих академику, еще нет.

Сталин задумчиво подымил трубкой и согласился с ученым:

– Хорошо, ваша взяла, товарищ Иоффе. Пусть будет Курчатов. Но у партии будет одно условие. Посоветуйте товарищам академикам как можно скорее проголосовать за «академика Курчатова». А заслуги у него будут, не волнуйтесь. Куда ему деваться?

Так главой атомного проекта стал Курчатов. Ни один ученый в истории государства Российского никогда и близко не получал столько власти, сколько Курчатов. Берия не вступал с ним в споры, старался выполнять его пожелания. Курчатов стал одним из самых молодых членов Академии наук. Все средства от многочисленных Ленинских и Сталинских премий академик Курчатов, которому судьба не подарила детей, переводил на строительство детских садов. Делал он это безвозмездно и анонимно, думая, что никто не знал. Но Берия обо всем знал, ему доложили. Поскольку ставки в игре были очень высоки, то атомщики были под постоянным наблюдением. Все записывалось и сообщалось сексотами. Стенографистки постоянно прослушивали телефонные разговоры ученых.

Берия решил привлечь к работе над бомбой всех значимых физиков. Курчатов сразу составил список нужных ему людей. Когда Берия впервые увидел Курчатова, тот ему сразу понравился: «Высок ростом и довольно строен... Глаза очень живые, цепкие, о таких говорят – молодые... настоящая окладистая борода, прикрывавшая и воротник рубашки, и узел галстука. Речь его была энергична, с веселыми интонациями, с живыми словечками, далекими от академически взвешенного лексикона», – отметил себе в памяти Берия.

Специалистов-ядерщиков не хватало, и их начали экстренно готовить. «Талант как прыщик – неизвестно, на какой щеке вскочит», – говаривал Берия и всячески способствовал под-

готовке новых талантливых физиков. Первыми в списке ученых, привлеченных к работе по атомной бомбе, Курчатов поставил Харитона и Зельдовича. Зельдович и Харитон впервые осуществили расчет цепной реакции деления урана, позволивший определить критический размер реактора. Б.Л. Ванников и И.В. Курчатов как нельзя лучше дополняли друг друга. Курчатов отвечал за решение научных задач и правильную ориентацию инженеров и работников смежных областей науки, Ванников – за срочное исполнение заказов промышленностью и координацию работ. При этом Ванников пользовался наработками Канторовича. Как главному теоретику атомной бомбы, Зельдовичу в 1949 году присвоили звание Героя Социалистического Труда, вручили орден Ленина и присудили звание лауреата Сталинской премии. Сахаров называл Зельдовича «человеком универсальных интересов». Ландау, также привлеченный к работе над бомбой, считал, что ни один физик, кроме, пожалуй, Энрико Ферми, не обладал таким богатством новых идей, как Зельдович; а Курчатов неизменно повторял одну фразу: «А все-таки Яшка – гений!» И не зря. Берия узнал тогда, что еще в 1934 году Якова Зельдовича приняли в аспирантуру Института химической физики АН СССР, хотя он так и не окончил вуз, а позже разрешили даже сдать кандидатские экзамены. В 1936-м Зельдович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук, а в 1939-м защитил докторскую диссертацию. К тому времени ему едва исполнилось 25 лет. Главным конструктором был назначен Ю.Б. Харитон.

В этот список были включены и физики из Института физических проблем (ИФП) под руководством Капицы. Курчатов сказал Берии, что для расчетов по бомбе ему нужен Ландау, а Канторович – для расчета промышленных мощностей и всей работы. Для курирования биологической части работ был привлечен академик Богомолец с Украины, ранее работавший над проблемой омоложения. Институт физических проблем никогда не занимался ядерным оружием, но имел сильный теоретический отдел. Физиков было мало, и физики института Капицы были нужны атомному проекту. Выбрали из этого отдела трех специалистов: Александра Соломоновича Компанейца, Льва Давидовича Ландау и Исаака Марковича Халатникова. Первым в этом списке значился Л.Д. Ландау. В те годы только один Ландау мог сделать теоретический расчет для атомной бомбы в Советском Союзе.

В 1937 году Ландау с помощью методов статистической физики представил ядро как каплю квантовой жидкости, а в 1941-м нашел энергетическое распределение ионизационных потерь быстрых частиц при прохождении через вещество. За него просил Курчатов. Ландау развил идеи Ферми о статистическом характере множественного рождения частиц при столкновениях. Расчеты по атомной реакции должны были разработать физики-теоретики, прежде всего Ландау, который установил вид интеграла столкновений для заряженных частиц, создал теорию фазовых переходов второго рода, впервые получил соотношение между плотностью уровней в ядре и энергией возбуждения, стал одним из создателей статистической теории ядра. Ландау сделал расчеты с большой ответственностью и со спокойной совестью. Он сказал: «Нельзя допустить, чтобы одна Америка обладала оружием дьявола!» Ландау потом вместе с будущим лауреатом Нобелевской премии по экономике Канторовичем организовал расчеты. И все-таки Дау был Дау! Могущественному в те времена Курчатову он поставил условие: «Бомбу я рассчитаю, сделаю все, но приезжать к вам на заседания буду в крайне необходимых случаях. Все мои материалы по расчету будет к вам привозить доктор наук Я.Б. Зельдович, подписывать мои расчеты будет также Зельдович».

Далее Берия предложил Капице на базе Института физических проблем, где Капица был директором, проверить ряд экспериментов Курчатова. Капица отказался, считая, что такая переориентация его института будет означать свертывание работ по теоретической физике. Капица хотел оставить себе институт и заниматься только своими проблемами, тем, чем он хочет, а не нуждами страны, не делать бомбу. Берия же и Сталин хотели использовать ресурсы Института физических проблем для создания бомбы. Отношения накалились. Дошло до того,

что Петр Капица прилюдно заявил Лаврентию Павловичу: «Я что-то не читал ваших трудов по ядерной физике!» Затем Капица пожаловался Сталину на то, что Берия руководит работой комитета «как дирижер, который не знает партитуры». Капица написал письмо Сталину: «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него в руках дирижерская палочка. Его основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо... У меня с Берия ничего не получается. Его отношения к ученым мне совсем не по нутру. Стоит только послушать на заседаниях рассуждения о науке некоторых товарищей... Они воображают, что, познав дважды два четыре, они уже постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения. С тов. Берия мои отношения все хуже и хуже, и он, несомненно, будет доволен моим уходом». И в конце Капица просил Сталина показать это письмо Берии, «ведь это не донос, а полезная критика», и освободить его от членства в этом комитете. По существу, он был прав: Берия не разбирался в физике. Но сейчас ясно, что и Капица раздражал Берию, говоря: «Зачем нам идти по пути американского проекта, повторять то, что делали они?! Нам нужно найти собственный путь, более короткий». Это вполне естественно для Капицы: он всегда работал оригинально, и повторять работу, сделанную другими, ему было совершенно неинтересно.

Но Капица не все знал. У Лаврентия Павловича в кармане лежал чертеж бомбы – точный чертеж, где были указаны все размеры и материалы. С этими данными, полученными еще до испытания американской бомбы, по-настоящему ознакомили только Курчатова. Источник информации был столь законспирирован, что любая утечка считалась недопустимой. Так что Берия знал о бомбе в 1945 году больше Капицы. Партитура у него на самом деле была, но он не мог ее прочесть. И не мог сказать Капице: «У меня в кармане чертеж. И не уводите нас в сторону!»

К этому всему добавлялись еще и временные проблемы с получением жидкого кислорода. Дело в том, что Капица изобрел необыкновенно эффективный метод сжижения кислорода, но с воплощением научных идей в стране всегда было сложно. Этим воспользовались недруги, обвинившие его во вредительстве. Над Капицей нависли серьезные угрозы. И он пошел ва-банк – написал жалобу на Берию. Капица сказал Берии: «Я не читал ваших работ, а вы – моих, но по разным причинам». 30 апреля 1946 года Капица был удостоен звания Героя Соцтруда. Сталин сказал Берии: «Делай с ним, что хочешь, но жизнь сохрани». А уже 17 августа 1946 года Капицу освободили от обязанностей директора Института физических проблем и начальника Главкислорода. Капицу убрали не только из Спецкомитета, но и уволили с поста директора. Его сместили со всех постов, забрали институт и отправили в подмосковную ссылку – как бы под домашний арест. Директором планировали назначить А.П. Александрова.

Не желая быть «штрейкбрехером», Александров попытался избавиться от нежелательного назначения на место П.Л. Капицы. Дело было так: по дороге к Берии, куда его вызвали для получения приказа о назначении директором ИФП, А.П. Александров купил водки, побрызгал себя этим «одеколоном» и хлебнул для храбрости... В кабинете он попытался убедить Берию, что его кандидатура неудачная, т. к. он пьет и не может за себя ручаться. На это Л.П. Берия ему сказал, что ИМ все известно, вплоть до его находчивости, как он полил себя водкой и полоскал ею рот... а потом вручил Александрову приказ за подписью Сталина. Институт стал работать на бомбу. Александров переехал из Ленинграда и вселился в коттедж Капицы. Анатолий Петрович был очень доброжелательный человек и сохранил атмосферу, созданную в институте Капицей. После смещения Капицы в институте воцарился генерал-лейтенант Бабкин. Официально он назывался уполномоченным Совета Министров, фактически был наместником Берии. Бабкин не отсиживался в своем кабинете, посещал все собрания, даже встал на партийный учет в институте. В конце декабря 1949 года Капица уклонился от участия в тор-

жественных заседаниях, посвященных 70-летию Сталина, что было воспринято властями как шаг демонстративный. Его выгнали и из МГУ.

Научным руководителем был академик Харитон. Маленького роста, невзрачный, очень худой, внешне Харитон резко контрастировал с делом, за которым стояла огромная разрушительная сила. Из-за непритязательной внешности с ним сплошь и рядом случались забавные истории, когда секретари райкомов и провинциальные вельможи не признавали в нем главного конструктора атомной бомбы. У Харитона даже был свой личный вагон, переделанный из царского. Его просто прицепляли к поезду, и Харитон ехал на нем в Москву. Среди ученых популярным был такой девиз: «Перехаритоним Оппенгеймера!»

Кто мог проговориться о бомбе? Может, тот студент? Как его? Лаврентьев? (Неужели память стала сдавать?) Вряд ли. Он не знал о последних разработках. Может, Сахаров? Нет, тот слишком погружен в свои идеи и чужих не любит. Ему не нужны материальные блага. Он живет ради идеи. Да и на Западе такие условия, как в СССР, никто не создаст. Там все по плану, даром что неплановая экономика, а ведь как рассказывают знающие люди (он в свое время долго проговорил с Зубром, то бишь с генетиком Тимофеевым-Ресовским, который длительное время работал в Германии, да и Капица ему много чего об Англии рассказал, пока они не поссорились), любое заседание в коммерческой фирме или в госструктуре, нацеленной на создание коммерческого продукта, – сразу план, затем отчет – выполнил ли ты предыдущий план и т. д. Да и засекречены они очень. Сам умница Мешик этим занимается. Поэтому в соблюдении секретности можно быть уверенным на сто процентов.

1 марта, 17 часов 4 минуты. Самолет в Казань

Берию беспокоили странные последние события: Корея, ГДР, антисемитизм, поведение Сталина. Корея и ГДР все больше оттягивали денег из атомного проекта. Истерия антисемитизма также мешала работе атомного проекта. Во всех событиях главную, какую-то странно деструктивную роль играл Булганин. Далее мысль Берии перескочила на антисемитизм, который вдруг широко расцвел в СССР в начале 1953 года и где тоже свою роль сыграл Булганин. Кампания против ротозеев, евреев и врачей только на первый взгляд казалась безобидной. Можно по-разному относиться к евреям, но одного у них не отнимешь. Как правило, их профессионализм на высоте. «Я много раз в жизни имел дело с евреями, – перебирал слова в потоке своих мыслей Берия, – и всегда их профессиональная подготовка не вызывала у меня никаких нареканий. Антисемитизм уже навредил делу создания атомного оружия».

По непонятным причинам из НИИ, связанных с работой над бомбой, стали увольнять евреев. Все это может затронуть и других евреев, работающих в атомном проекте. Антисемитизм представлял главную опасность для науки и мог помешать созданию литиевой бомбы. Хотя Берия и отбил первый натиск философов, подзуживаемых Булганиным, антисемитизм мог коснуться ученых-атомщиков, большинство из которых были евреями. Эти новые идиоты из МГБ, взятые из партноменклатуры, могли таких дел натворить.

Берия попытался восстановить в памяти все эти странные события декабря прошедшего и начала нынешнего года. Станным все это было и потому, что Сталин не был антисемитом. Берия вспомнил ответ Сталина на запрос Еврейского телеграфного агентства, в котором Хозяин заявил: «Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма... Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю». «Кто надоумил его начать кампанию антисемитизма? – спросил себя Берия и не нашел ответа. – А ведь для евреев Сталин сделал очень и очень много». Именно при Сталине в 1921–1930 годах была предоставлена возмож-

ность евреям переселиться в Москву и другие крупные города СССР, то есть на деле ликвидирована черта оседлости. Так, если в 1912 году в Москве проживали 6,4 тысячи евреев, то в 1933-м – 241,7 тысячи. Население Москвы выросло за эти годы с 1 миллиона 618 тысяч до 3 миллионов 663 тысяч. Это значит, что еврейское население Москвы росло в 17 раз быстрее, чем население других наций, народов и народностей. С другой стороны, вспомнил Берия, после революции сформировалось такое положение, когда в отдельных наркоматах до 99 % ответственных сотрудников были евреи. Сталин с помощью Берии вернул русских в органы госбезопасности, в 1940 году в них количество евреев уменьшилось с 70 до 5 %, значительно преобладать стали русские. Русских стали активно выдвигать в начальники.

Антисемитизм был очень странен, чувствовалось наносное влияние, так как Сталин, наоборот, очень благоволил к евреям. Он поддерживал евреев, и, когда Жданов с Маленковым раскопали информацию, что практически весь штат НИИ питания состоит в Москве из одних евреев, за исключением, конечно, технического персонала, Сталин это спустил на тормозах – когда Жданов доложил о евреях в Институте питания, то Сталин даже бровью не повел. При Сталине Сталинскими премиями награждали массу евреев, невзирая на национальность. Именно Сталин спас евреев от Гитлера, сначала разрешив им пройти через границу после атаки Гитлера на Польшу, а потом разгромив нацизм. Именно Сталин дал добро на образование Израиля. Берия вспомнил, как, используя опыт убеждения Молотова, Сталин продал через Совет Безопасности решение о создании Израиля и как потом Молотов в своей речи убеждал членов ООН голосовать за создание государства Израиль. Без голоса СССР Израиль никогда бы не был легализован. Это позволило евреям впервые за тысячи лет создать собственное государство. Именно Сталин потом помогал спасать Израиль, так как шесть арабских стран одновременно напали на Израиль. Из Чехословакии в Израиль были отправлены тысячи немецких винтовок, патронов, снарядов, пушек и даже четыре новых немецких истребителя. После войны они остались неиспользованными в Чехословакии. Часть оружия шла через Венгрию. Так Израиль получил кучу халявной немецкой техники, которую СССР мило-стиво подбрасывал иудеям через типа нейтральные Венгрию и Чехословакию. Злая ирония истории: евреи, многие из которых потеряли родных и близких в результате холокоста, стали воевать на немецких мессершмитгах и Пз4. Свое вооружение Сталин не имел права посылать, так как боялся вызвать гнев постоянных членов Совета Безопасности. Самая ценная помощь была оказана человеческим ресурсом: Сталин не препятствовал эмиграции в Израиль военных специалистов еврейского происхождения, многие из которых успели понюхать пороха в составе армии СССР и союзных ей формирований. Именно Сталин разрешил выехать части советских евреев в Израиль, чего никогда никому не разрешал, так как действовал закон о невозвращенцах. Бесценный боевой опыт этих кадров в немалой степени помог израильтянам выковать свою армию практически с нуля. СССР также оказывал Израилю мощную идеологическую поддержку, выставляя молодую страну как будущий оплот социализма в регионе, подвергшемся агрессии лакеев капитала. Во многом благодаря такому отношению со стороны державы – лидера социалистической системы Израиль сумел отбиться и состоялся как независимое государство.

Берия отчетливо помнил – началось же все с того, что летом 1952 года после трех лет без движения вдруг были осуждены обвиняемые по делу ЕАК. Май 1952 года – начало суда над ЕАК. После этого позиции еврея Кагановича ослабли. 20 ноября 1952 года в Праге открылся процесс против генерального секретаря компартии Чехословакии, еврея по национальности, Сланского (Зальцмана) и его «соратников», а 3 декабря его повесили. Во время процесса Сланского обвиняли в том, что он «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда и подобрал в этих целях врачей из враждебной среды». 1 декабря на собрании членов Бюро Президиума ЦК Сталин заявил, что «среди врачей много евреев-националистов, а любой еврей-националист – это агент американской разведки».

Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США... Они могут стать «убийцами в белых халатах». Такие слова были очень не характерны для вождя. «Кто-то явно подзуживал Хозяина», – решил Берия.

К концу года первый заместитель министра госбезопасности генерал-полковник С.А. Гоглидзе доложил Сталину: «Собранными документальными доказательствами и признаниями арестованных установлено, что в ЛСУК (Лечебно-санитарное управление Кремля) действовала террористическая группа врачей – Егоров, Виноградов, Василенко, Майоров, Федоров, Ланг и еврейские националисты – Этингер, Коган, Карпай, стремившиеся при лечении сократить жизни руководителей партии и правительства». Однако на самом деле арестованные врачи молчали – да и не могли они сознаться в том, чего не существовало в принципе. Тогда их стали привозить в специальную пыточную камеру Лефортовской тюрьмы, где избивали резиновыми палками. Чтобы не тратить время на транспортировку узников в Лефортово, в декабре 1952 года начальник внутренней тюрьмы на Лубянке А.Н. Миронов оборудовал пыточную в своем кабинете.

9 января 1953 года в Кремле состоялось расширенное заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, где И.В. Сталин отсутствовал по причине болезни. Обсуждался доклад министра госбезопасности Игнатъева по «делу врачей». Помимо Берии, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Первухина, Сабурова и Хрущева на этом заседании присутствовали секретари ЦК Аристов, Брежнев, Игнатов, Михайлов, Пегов, Пономаренко и, кажется, М.А. Суслов. На это совещание кроме членов Бюро были приглашены председатель Комитета партийного контроля Шкирятов и главный редактор «Правды» Шепилов. Сам Игнатъев на заседании не присутствовал, он все еще был в больнице, выздоравливая после инфаркта.

Лаврентий Павлович порылся в памяти и попытался вспомнить, как проходило заседание Президиума 9 января, когда Сталин не явился в Кремль, передав, что нездоров. И не приехал вождь неспроста. Решался вопрос о евреях. Наиболее критично по отношению к евреям вел себя Булганин, который в отсутствие Сталина исходил антисемитской истерией. Булганин почти кричал, брызгая слюной, нападая на тех членов Бюро, которые были против постановления, осуждающего врачей. Булганин настаивал на высылке. Он кричал: «Эти жида нас сгубят», а Берия отвечал: «Ты сразу всю науку разгонишь, а кто будет делать бомбу?» «Ты мне атомный проект со своим антисемитизмом запорешь, – успокоившись, зло произнес Берия. – Ну подумаешь евреи. Может, лучше не национальностями человека интересоваться, а о деле подумать? Евреи умны не из-за генетики, а из-за трепетного воспитания их родителями. Нужно только завидовать белой завистью тому, как евреи воспитывают своих детей и везде их продвигают», – осадил Берия Булганина.

– Какая бомба, если они... э, так сказать, наших товарищей убивают, – отвечал Булганин. – Если врачи-вредители и засевающие везде сионисты убивают и убивали наших товарищей? – Булганин пытался подражать в своем произношении вождю. – Этих жидов, – вдруг перешел на крик Булганин, – надуть... э, так сказать, выслать в Сибирь. – Он никогда не отличался литературностью своего разговорного языка и постоянно вставлял слова-паразиты. Иногда было очень трудно понять, делает ли он это нарочно, чтобы стать похожим на пролетария, или это у него от воспитания. Внешне Булганин выглядел очень интеллигентно, но, видимо, это была псевдоинтеллигентность. Нередко он даже употреблял матерные слова. Хотя нельзя было исключить, что Булганин пытался скрыть свою интеллигентность, специально используя слова-паразиты и матерные слова.

– У нас сами органы госбезопасности переродились... – начал было Берия.

– Как ты можешь такое говорить? – вскипел Булганин. – Министерство госбезопасности – это ум, честь и совесть нашей страны.

– Ну и что? – жестко ответил Берия Булганину. – Читал я доклад Жданова, где он сообщал, что в Институте питания научными сотрудниками работают одни евреи. Ну что евреи?

Любая еврейская семья нацелена на образование своих детей. Нам бы поучиться у них воспитывать детей, а не водку жрать. Ты знаешь, что на Украине деятельность Никиты привела к резкому сокращению числа евреев в вузах. В 1948 году от одной трети до половины студентов Одесского института были евреями. В 1952 году евреи составили лишь 4 % от вновь поступивших. Хватит с меня того, что из-за антисемитизма атомный проект потерял двух видных ученых (тогда в декабре 1950 года, во время кампании по «борьбе с космополитизмом», академик Иоффе был снят с поста директора и выведен из состава Ученого совета института. Берии пришлось приложить немало сил, чтобы вернуть Иоффе. В 1952 году Иоффе возглавил лабораторию полупроводников АН СССР и стал активно консультировать атомный проект).

Кроме того, Берия хорошо помнил и историю с академиком Таммом. В 1946 году академик Тамм был привлечен к проекту создания первой советской атомной бомбы, участвовал в теоретических исследованиях ударной волны большой интенсивности. Но в 1949 году, по рекомендации Булганина, Тамма убрали из проекта и вернули в МГУ. С большим трудом Берия добился, чтобы Тамма вернули в атомный проект. В 1950 году Тамм был переведен в КБ-11 в Арзамас-16 (Саров), где, по настоянию Берии, начал активно изучать возможность использования лития-6 для термоядерной реакции. В мае 1952 года он стал начальником сектора. Именно группа Тамма, в которой работали молодые физики – еврей В.Л. Гинзбург и русский А.Д. Сахаров, разработала принципы, позволившие создать первую термоядерную бомбу.

– Николаша, – Берия специально назвал Булганина таким именем, зная, что тот не переносит этой кликухи, – твой антисемитизм меня уже вот как достал, – Берия резко провел ладонью правой руки по горлу. – Без ученых-евреев бомбу не создашь. Хорошо это или плохо, неважно, но это исторический факт. Мы уже чуть не потеряли академика Иоффе из-за всех этих разных научных сессий.

Тогда Берия проголосовал против публикации той злосчастной статьи. Несмотря на все это, на заседании было решено одобрить сообщение об этом «деле» в прессе.

13 января 1953 года в рубрике «Хроника» ТАСС было опубликовано сообщение «Арест группы врачей-вредителей», которое начиналось словами: «Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Далее, как запомнил Берия, перечислялись участники группы. Вслед за этим давалась ссылка на некие данные расследования, которые будто бы доказывали, что, используя свое положение врачей, неправильным лечением эти врачи губили вождей.

Тогда Лаврентию показалось странным, что врачи, давшие клятву Гиппократу, могли совершить такое. Среди тех, кого пытались залечить подлые врачи-убийцы, назывались имена маршалов Василевского, Говорова, Конева, генерала армии Штеменко, снятого в 1951 году с поста начальника Генерального штаба, адмирала Левченко Г.И. и других. Сообщалось, что врачи эти состояли в наемных агентах у иностранной разведки и связаны с еврейской организацией «Джойнт». Другие участники террористической группы (Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки. Заканчивалось сообщение словами: «Следствие будет закончено в ближайшее время». «Если следствие не закончено и не было суда, то незачем было и огород городить», – очевидная мысль пришла в голову Берии. Всего в сообщении ТАСС упомянуто девять фамилий, из них шесть евреев. Больше всего Берию удивило то, что среди арестованных оказались лечащие врачи Сталина – академики Виноградов и Преображенский. Упомянутые в сообщении ТАСС врачи были арестованы в период с июля 1951 по ноябрь 1952 года. Он знал, что на самом деле арестованных было гораздо больше. «А чего же тогда они так долго ждали и не утерли Хозяина за то время, в течение которого они имели доступ к телу вождя?» – и снова мысль эта показалась Берии очевидной и таким образом подчеркивала идиотизм сообщения.

Когда 13 января вышла передовица «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей», Лаврентий заметил, что сталинская правка статьи сместила ее акценты с антисемитизма на ротозейство. Вдобавок Сталин решил сделать героем бдительную Тимашук, как пример «неротозейства». После этого во всех учреждениях, в том числе и в медицинских, прошли «стихийные» и организованные митинги с требованиями самой суровой казни для преступников. Среди участников митингов находились даже те, кто предлагал себя... в палачи!!! Такие предложения были и от представителей медицинской профессии. Кроме того, после 13 января 1953-го началась новая волна арестов.

Сначала мысли Сталина о ротозеях не поняли, и с 13 января по 18 февраля в центральной прессе было напечатано 11 материалов, в которых тема арестованных врачей-евреев прямо или косвенно затрагивалась, но это направление почти сразу исчезло – стали бичевать «ротозеев» с русскими фамилиями. Как хорошо запомнил Берия, 17 января Берия и Маленков были на приеме у Сталина. Сталин вызвал их к себе на дачу и дал указания не трогать антисемитизм и использовать только борьбу против ротозейства и разгильдяйства, неумение быть наготове, начеку, забвение главной обязанности честного советского человека сообщать в органы о происках врагов и воровстве и вредительстве партийной номенклатуры. В свое время Сталин убеждал Лаврентия, что для слома синдрома «периферизма» в науке следует начать открытую борьбу против космополитизма, а то ученые все время оглядываются на Запад.

На даче Сталин жестко сказал им, что Бюро его подставило этим антисемитизмом. «Какие высылки? – бушевал Сталин. – А наука, а институты, а культура, а писатели? Вы, товарищ Булганин, хотите все это оголить? Кто заменит на всех этих участках работы советских евреев? Кто будет писать нужные партии книги, обличать империализм и буржуазность? Какие репрессии? Вы съюма сошли, товарищ Бюлганин? Мало ли что кричит толпа, мало ли что пишут в письмах отдельные идиоты. Более того, следует заткнуть им рот и не публиковать их истеричные письма-опусы в газетах. Это же идеологические вредители! Да, следует быть остороже, но это не значит, что нужно растратить наработанный нашей партией гигантский человеческий капитал в виде евреев-профессионалов. Тем более что основная масса советских евреев одобряет советскую власть. Нельзя критику превращать в административные, а тем более уголовные преследования или, не дай бог, в преследования по национальному признаку. Мы уже с этим накуролесили в августе 1948 года после сессии ВАСХНИЛ. Но мы уже поправили товарища Лысенко. Мы должны быть взвешенными в поступках, не нужно перегибать, перегибы давно осуждены нашей партией. Вы знаете, как евреи заботятся о своих детях? Если бы русские так же были вовлечены в заботу о своих детях, то нас бы никто и никогда не победил». Самое интересное, что 27 января 1953 года состоялось вручение Международной Сталинской премии Илье Эренбургу. И об этом тоже было написано на первых полосах всех газет.

«Почему-то Сталин не пресек всплеск антисемитизма, – рассуждал Берия. – Кто-то его настраивает, – заключил он. – Странная обстановка в центре. А тут еще дело дошло до того, что уволили лечащих врачей и офицеров МГБ. Собираются увольнять всех евреев, и особенно активен Булганин. Так дойдут и до ученых. Но сейчас кто-то резко прекратил кампанию антисемитизма. Кто? И зачем надо было создавать дело о юнцах-евреях? – промелькнула очередная мысль. – Если бы не было дела о сынках-евреях, то суд над Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), наверное, не состоялся бы. Как в Ленинградском деле, так и в деле ЕАК было придумано много туфты. Но дело ЕАК – не простое дело». Более того, среди статей, за которые осуждены члены ЕАК, не было очевидных шпионских мотивов. «Как можно три года держать их в тюрьме? – удивился Берия. – Им приписали шпионаж, так как новые кадры, партийные карьеристы, привлеченные Игнатьевым, не умели расследовать». Берия вспомнил, как они с Булганиным и Маленковым были приглашены в кабинет Сталина и тот предложил объединить МВД и МГБ и искоренить игнатьевщину.

1 марта, 18 часов 30 минут. Самолет в Казань

Наконец внимание Берии переключилось на Восточную Германию, ситуация в которой очень напрягала Лаврентия. Хотя Берия обычно не лез в чужие епархии, но тут его достало: Сталин вдруг решил перекинуть деньги, выделенные на создание бомбы, на помощь Восточной Германии. С чего бы это? ГДР стала бездонной бочкой для помощи из СССР, бочкой, которая начала заглатывать средства из атомного проекта. Кроме того, восточные немцы делали все, чтобы не платить репарации, – на основе классовой солидарности коммунистов СССР должен был простить долг. В ГДР находились урановые рудники, а без них никакую атомную бомбу не построишь. При этом в последнее время ситуация в ГДР стала вызывать у Берии особую тревогу. Дело было в том, что в ГДР ее лидеры решили ускорить процесс строительства социализма. Лидеры ГДР делали вид, что они абсолютизируют советский опыт. Булганин там опять засветился. Все требует увеличить помощь немецким друзьям. Одна марксистская трескотня. «Действительно, глупость – это не отсутствие ума, это такой ум», – подумал Берия. Он считал, что ГДР должна возглавить двойка Цайссер и Херрнштадт.

Обычно Лаврентий Павлович старался не влезать в чужие епархии, а ГДР относилась к ведомству Вышинского, но дело в том, что Сталин стал перебрасывать деньги из атомного проекта на помощь ГДР, а это могло поставить под удар безопасность страны. Поэтому Лаврентий Павлович попросил своих аналитиков подготовить доклад о ГДР.

После образования ГДР в западной части Берлина расцвела проституция, наркомания (дурь продавалась прямо в центре социалистического государства), не говоря про резидентуры всевозможных разведок, включая иранскую, поселившиеся в западной зоне города. Объективности ради следует отметить, подумал Лаврентий Павлович, что чем сильнее ФРГ попадала под влияние США и НАТО, тем более аргументированным становился курс Ульбрихта на форсированное строительство социализма в ГДР. Тем самым он также становился местным князьком. Берия не любил лидеров ГДР и много раз критиковал Ульбрихта, особенно меры берлинских начальников по ускорению строительства социализма.

10 марта 1952 года Сталин передал США так называемую «мирную ноту», в которой согласился на объединение вчерашнего противника. Сталин предлагал США объединить две Германии (ФРГ и ГДР) с единственным условием, что объединенная Германия будет нейтральной. Во время встречи с руководителями ГДР Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем, состоявшейся 7 апреля 1952 года в Кремле, Сталин заявил, что «независимо от того, какие предложения мы сделаем относительно германского вопроса, западные державы не согласятся с ними и не уйдут из Германии ни под каким предлогом... Поэтому вы [ГДР] должны создать собственное государство. Демаркационная линия между Западной и Восточной Германией должна быть не просто границей, но и стать опасной преградой».

«Если в ГДР начать ускоренные темпы строительства социализма, то где взять деньги, – думал Берия. – Можно увеличивать норму накопления и тогда увеличить нормы выработки при той же оплате. Но того же можно было бы добиться с помощью частной инициативы. Но в первом случае требуется помощь СССР». Слепо копируя советский опыт, начиная с июля 1952 года правительство ГДР регулярно повышало ежемесячные и годовые задания роста производства и нормы выработки. Тем самым в ГДР решили строить социализм капиталистическими, причем жестко монетаристскими методами (жесткая экономия расходов). Была введена советская система аспирантуры и обязательное обучение русскому языку. Но учителя и ученики саботировали.

В июле 1952 года генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт провозгласил курс на «планомерное строительство социализма». Он предполагал продолжение милитаризации, усиление классовой борьбы (проводились аресты среди христианских и либеральных демократов), а также ускоренное развитие тяжелой промышлен-

ности. Все эти изменения отражались как на общем уровне жизни, так и на работе отраслей, выпускавших потребительские товары. Малый бизнес искоренялся, товары повседневного спроса можно было получить только по карточкам. 15 октября 1952 года СМ ГДР ввел ограничение на получение населением подарков от родственников из ФРГ и Западного Берлина, была усложнена процедура выдачи пропусков в Западную зону оккупации. В конце 1952 года в ГДР было принято решение быстро вытеснить частного. Частника лишили продовольственных карточек.

Берия вспомнил, что не далее как 4 января 1953 года было опубликовано решение ЦК СЕПГ об уроках процесса Сланского. Начались гонения на коммунистов еврейской национальности, особенно тех, кто во время войны жил в эмиграции на Западе. С начала 1953 года пошло наступление на частных торговцев, богатых крестьян и предпринимателей. Рабочие, мелкие и часть средних крестьян и интеллигенция от этого не страдали. 19 февраля 1953 года началась конфискация земель у тех крестьян, кто не выполнял свои обязательства по госпоставкам, что привело к массовому бегству богатых крестьян и некоторых середняков в ФРГ. И все это происходило на фоне постоянных просьб немецких товарищей о финансовой помощи. С лидерами ГДР нужно было что-то делать. Берия несколько раз говорил на заседаниях Политбюро, что нейтральная Германия нам выгоднее, так как тогда мы сможем получить все репарации. Однако первый заместитель вождя Булганин всячески поддерживал быстрое построение социализма в ГДР.

«Да! Идет подковерная игра. Корея, Москва, Берлин, Вашингтон», – анализировал Берия. Ему очень не по нраву был Ульбрихт, самоуправный, высокомерный и грубый немец не только в отношениях с малыми партиями, но и с другими. Одновременно Ульбрихт целенаправленно стимулировал недовольство народа на немецкой земле: он слепо копировал советский опыт, что не укрепляло его положение и авторитет. Это была чистая демагогия и провоцирование восстания. Нацизм никуда не делся. Только что Берии доложили, что в Черняховске, что недалеко от Калининграда, немецкие подростки, еще недавно состоявшие в гитлерюгенде, бурно реагировали на коммунистическую пропаганду, уничтожая портреты советских вождей в школах. Берия знал, что американцы уже давно ведут игру против СССР.

1 марта, 18 часов 42 минуты. Самолет в Казань

«Все старики похожи друг на друга», – вспомнил Лаврентий изречение какого-то мудреца. Дело в том, что Лаврентия Павловича беспокоило в последние годы странное поведение Сталина, который старался не участвовать в ручном управлении страной, реже вникал в детали, перепоручая решения Берии, Маленкову и реже Булганину. В годы войны Сталин страшно устал. Все лежало на нем. Никто лучше него не знал положение дел с резервами, с вооружением. Ему все надоело, надоело постоянное дергание по каждому, даже малейшему поводу.

Перед мысленным взором Берии возникла недавняя сцена: 15 февраля – последний разговор со Сталиным. Он намертво запечатлел в памяти тот день, когда Хозяин собрал их с Маленковым в тот последний раз и долго-долго говорил: «Вот увидите – моя мысль о росте сопротивления буржуазии по мере строительства коммунизма еще аукнется нашей стране. Эксплуататорские классы постоянно воспроизводятся. Я всегда стоял за трудовой народ, поэтому меня будут ненавидеть те, для кого самое главное – престиж, жрачка, прибыль, нажива, капитал, барыш, маржа, навар. А народ – лишь сброд, которому и жить-то незачем, если от него нет прибыли. Я не любил бездельников, заставлял всех присных работать от души. Поэтому меня ненавидят тунеядцы и лентяи. Они не хотят трудиться, хотят только жрать, гадить и наслаждаться жизнью за чужой счет. В общем, любой халявщик всегда будет ярким антисталинистом. Как честный человек, я всегда держал слово, даже данное врагу. Я добивался выполнения всех наших планов и наказов трудящихся. Требовал честности и от

подчиненных. Я всегда уважал права трудового человека не на бумаге, а на деле: заставлял строить для всех бесплатное жилье, больницы, школы, детские сады. Я старался сделать так, чтобы хороший труд влек неизбежное повышение зарплаты и продвижение по службе – хоть до должности министра. При мне нельзя воровать в широких масштабах, невозможны ростовщичество, финансовые пирамиды, крупное, в государственном масштабе, воровство. При мне торговые кооперативы, частные артели и рестораны работали и работают всюду и богатеют честно. Я не приемлю пещерный антисемитизм, но от души любил, люблю и буду любить русский народ. Поэтому меня ненавидят националисты, сионисты, фашисты, расисты – кто пытается решать свои кланово-племенные и местечковые вопросы за счет других народов. Меня ненавидят также рабовладельцы, феодалы, ханы, эмиры, бароны, их прихлебатели и лизоблюды. А основные претензии ко мне будут как раз от детей и внуков тех самых бояр, которых я наказывал за пренебрежение к народу. Пуще всего меня будут ругать наследники всех этих бояр, среди которых оказалось много трусов, воров, патологических предателей и паразитов...» «Как будто завещание готовит», – подумал тогда про себя Берия. Лаврентия Павловича всегда поражала начитанность Сталина и его умение говорить просто о самых сложных вещах. Не знал Лаврентий, что Хозяин чувствовал, что скоро будет что-то...

В конце концов Сталин сказал, что обид у Берии на него, Сталина, быть не должно: «Мы уже наказаны решением трибунала по этому Катынскому эпизоду; будем умнее». Он предложил Берии стать министром объединенного МВД. «Мы со Шкирятовым начали расследование трофейного дела в самой верхушке. Я призвал вас, товарищ Берия, убедившись, что вы не замещаны», – от волнения акцент в речи вождя стал особенно заметен. Берия согласился, но детали они договорились обсудить 3 марта. В последние дни Сталин приезжал в Кремль только два раза, 15 и 22 февраля, и на очень короткое время. 15 февраля он беседовал с членами «семерки» всего десять минут.

22 февраля во время их встречи вождь не стал разговаривать внутри помещений дачи. Сделав характерное движение рукой, жест, четко указывающий на возможную прослушку, Сталин предложил Берии прогуляться. Стоял холодный зимний вечер. Ярко горели фонари во дворе дачи. Они ходили по расчищенным от снега дорожкам и обсуждали положение в стране. Сталин сетовал на то, что верхушка прогнила и не хочет уходить от кормушки. Для того чтобы лишить ее власти, он придумал ход с резким увеличением числа членов Президиума ЦК. Верхушка, по его словам, уже поражена баракхольством и потребительством, и даже железный Молотов привык жить хорошо и принимать почести и знаки уважения. Здесь вождь тонко намекал на согласие Молотова стать почетным членом АН СССР. «Лизоблюдство процветает», – говорил Сталин.

В конце разговора Хозяин предложил Берии возглавить МГБ и сказал, что сейчас правильнее было бы МГБ и МВД объединить в одно министерство, а то очень странно, когда милиция находится в руках МГБ. Круглов непонятен, и ему полностью доверять нельзя. Он играет в пользу команды Булганина, видимо, просчитал, что Булганин будет преемником. «Пока нельзя Булганина удалять, он слишком много на себя завязал ресурсов, включая Игнатьева и Круглова. Я пока не буду всем говорить, что преемником я вижу только вас», – заявил Хозяин. На что Берия возмутился и сказал, что не нужно об этом говорить, что Сталину еще жить да жить десятки лет. Ну а на это Сталин ответил, что он старый уже, здоровье не беспокоит, курить бросил, хотя и стал от этого полнеть, но ему надоело управлять страной вручную. Он хочет заняться теорией, а то одни компиляторы Маркса везде собрались. Он видит, как здорово организовал Берия атомный проект, и уверен, что Лаврентий так же успешно реорганизуем СССР. Затем Сталин сообщил, что уже встречался со Шкирятовым, которому он безусловно доверяет, как и Берии. А вот недавно умерший Мехлис постоянно подлизывался к Булганину. Поэтому Сталин и не пошел на похороны Мехлиса. Хитрый, как лиса, и чует, кто будет лидером в будущем. Берия и Сталин договорились встретиться и обсудить детали предложения

вождя для Берии – возглавить объединенное Министерство внутренних дел – 3 марта, после возвращения Берии из инспекционной поездки в Челябинск и Казань.

Берия боялся утечек. Когда его подчиненные подготовили проект решения правительства по испытанию литиевой бомбы, Берия взял его с собой почитать. Недели через две он пригласил разработчиков записки и начал вслух анализировать документ. Прочитал его, внес ряд поправок. Дошел до конца. Подпись «Председатель Совета Министров Г. Маленков». Берия зачеркнул Маленкова, сказал: «Этого не требуется!» – и поставил свою подпись.

И тут Лаврентия вдруг прошиб пот: когда он сопоставил все свои воспоминания, оказалось, что в каждом случае – что в Корее, что в утечке по бомбе, что в антисемитизме, что в ГДР – так или иначе задействован Булганин.

1 марта, 9 часов 46 минут (местное время). Канзас-Сити (США)

В своем кабинете на даче около Канзас-Сити так и сидел бывший президент США Гарри Трумэн, предаваясь воспоминаниям. Собственная жизнь кадр за кадром проходила перед его взором. В 33 года Трумэн собирался жениться на Бесс Уоллес, но его призвали в армию. Он служил в Европе во времена Первой мировой войны. Трумэны открыли небольшой магазинчик, но в это время США вляпались в Великую депрессию. Долги росли как снежный ком. Для покрытия долгов Трумэн принял предложение занять должность окружного судьи в Канзас-Сити. На компромиссы он не шел, в «темных делишках» уличен не был. Его заметили – он был избран в Сенат. В 1944 году Рузвельт привлек его в свою кампанию в качестве вице-президента. Трумэн мысленно перенесся в 1945 год. В том году, через 82 дня после инаугурации, переизбранный президент Рузвельт неожиданно умер, и в должность президента вступил он, Гарри Трумэн, избранный вице-президентом. В сложнейшие годы мирового экономического кризиса Трумэн 10 лет был сенатором, а во время Второй мировой войны возглавлял сенатский комитет по эффективному обеспечению вооруженных сил. Ко всему прочему Трумэн был масоном (в 1959 году он будет удостоен почетной награды в честь 50-летнего служения масонскому ордену). Трумэн имел специфический комплекс неполноценности и болезненно осознавал свой недостаток – он считал себя медленным: был робок и будто бы медленно мыслил. В то время (да и сейчас) в США людей делили на быстрых и медленных. Если перевести на язык, принятый в России, это были синонимы умных и глупых. Поэтому Трумэн старался компенсировать свою ахиллесову пяту тем, что делал все сверхтщательно, а все внешние атрибуты: одежду, прическу, кожу – содержал в идеальном порядке. Он также не терпел беспорядка на рабочем столе и никогда не оставлял за собой даже крупинку мусора.

На столе у него все было разложено абсолютно симметрично. Стремление к абсолютной тщательности и совершенству у Трумэна доходило до того, что он, даже став президентом, отглаживал свои брюки сам, не доверяя ни жене, ни техничкам. Гарри часами стоял перед зеркалом, завязывая галстуки и выправляя прическу. Вместо галстука Трумэн предпочитал бабочку. Очень часто он носил цветастую бабочку. Из нагрудного кармана пиджака всегда выступал платок того же цвета, что и бабочка. Он любил, чтобы его волосы были уложены идеально, волосок к волоску. Из всех времен года Трумэн предпочитал лето и любил в это время ходить в ярких белых, тщательно отглаженных, без единого пятнышка брюках, белых лаковых полуботинках, белой футболке с надписью «Америка превыше всего» и в белой фуражке с далеко выступающим вперед козырьком. Трумэн с абсолютной точностью исполнял все инструкции и не терпел воровства. Особенно он не любил коррупционеров. В свое время Трумэн раскрыл нелегальные махинации менеджеров железной дороги. В трудных, неудобных ситуациях Трумэн не подставлял партнеров и подчиненных, самостоятельно принимал решения, даже если они не были популярны, возлагал на себя ответственность. Перекаладывать свою собственную ответственность на другого он считал неправильным. Трумэн отменил расовое распределение в армии, считая это неправильным. Он все время мучился вопросом – пра-

вильно ли он сделал, не остановив атомную бомбардировку Японии. Иногда это доходило до неврастения.

Нацизм и социализм Трумэн считал нарушением инструкции к нормальной жизни и искренне их ненавидел, но до 1935 года он обожал Муссолини, считая, что тот действует по инструкции. Когда Гитлер напал на СССР, Трумэн заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях». Кроме всего прочего, Трумэн очень боялся заговоров.

В свое время еще в школе молодой Гарри с первого взгляда влюбился в голубоглазую золотоволосую Элизабет Уоллес по прозвищу Бесс. Отец Бесс страдал депрессией, имел большие долги и скоро застрелился. Трумэн и Бесс поженились в 1919 году, когда Трумэну было 35 лет, а ей – 34 года. Они с женой даже детей делали по научной инструкции и только через пять лет после свадьбы преуспели в этом вопросе. В 1924 году родился их единственный ребенок – дочь Мэри Маргарет. Гарри и его жена были в чем-то похожи друг на друга. У обоих были свои комплексы, с которыми они постоянно боролись. Бесс совершенно не переносила публичности. Ей были неинтересны все эти формальности и помпезность, неизменно окружавшие президентскую чету. На своей единственной пресс-конференции, которая состояла из заранее заготовленных вопросов и односложных ответов на них, на многие вопросы первая леди отвечала: «Без комментариев». За это ее прозвали «Бесс без комментариев».

На фоне успехов Сталина в расширении сферы своего влияния в мире в Соединенных Штатах нарастал антисоветизм, и это угрожало переизбранию Трумэна. Поэтому Трумэн решил переплюнуть республиканских «ястребов» и к 1948 году, году переизбрания, отнять голоса колеблющихся избирателей у республиканцев. Для этого он организовал в Фултоне речь отставного Черчилля. 5 марта 1946 года подданный Его Величества сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль прочел лекцию «О международных отношениях» в такой «глухомани», что дальше некуда. Он выступил в Вестминстерском колледже, расположенном рядом с заштатным американским городком Фултон в штате Миссури. Это была родина президента Гарри Трумэна. Выступление Черчилля было пиар-акцией, которую Трумэн разработал лично, чтобы окончательно утвердить свою власть. Американский «Тайм» написал в те дни (1946 год) о Черчилле: «Трумэн заполз обратно в свою раковину и даже заявил, что не знал заранее, о чем будет говорить Черчилль». Госсекретарь Джеймс Бёрнс был сторонником жесткой линии, настаивая на разговоре с СССР с позиции силы. У Трумэна в его первый срок не было вице-президента, так что Бёрнс был первым преемником президента в случае, если бы с последним что-то случилось. На этой почве у Трумэна развилась настоящая паранойя. Однако заменить госсекретаря-«ястреба» было пока некем. Трумэну нужен был харизматический, уважаемый и с лаврами победителя союзник. Ведь самого Трумэна считали малопричастным к победе союзников во Второй мировой войне. Он выбрал Черчилля. В октябре 1945 года экс-премьер Великобритании получил письмо от руководителя Вестминстерского колледжа Фрэнсиса Маклюэра с приглашением прочесть лекцию о международных отношениях для преподавателей и студентов. В конце письма стоял неожиданный постскрипtum: «Это прекрасная школа в моем родном штате. Надеюсь, Вы сможете приехать. Я представлю Вас лично. С наилучшими пожеланиями, Гарри Трумэн».

Однако Сталин практически сразу был проинформирован о речи бывшего союзника по антигитлеровской коалиции и о плане Трумэна. Шифровки агентов и их перевод легли на стол Сталину и Молотову уже на следующий день. Потом Трумэну доложили, что, когда дядюшка Джо Сталин узнал о речи Черчилля, он в тот же день дал ответ. «По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в

противном случае неизбежна война», – сказал Сталин, когда ему немедленно доложили о речи Черчилля. «Нужно обложить Сталина конфликтами со всех сторон: Греция, Корея, – подумал тогда еще действующий президент США Трумэн. – Дядюшка Джо до сих пор коптит воздух, хотя ему давно уже в аду прогулы ставят».

Уже в июле 1947 года 33-й президент США Гарри Трумэн подписал закон о национальной безопасности. 18 сентября того же года он вступил в силу – эта дата считается днем возникновения Центрального разведывательного управления США (ЦРУ). Предшественником ЦРУ было Управление стратегических служб (УСС) – эта структура выполняла схожие с будущим ЦРУ функции, однако работала с гораздо меньшим размахом. В 1948 году состоялись выборы, и все прогнозы показывали, что президент проиграет претенденту от Республиканской партии. Поэтому Трумэн еще более резко усилил антисоветскую направленность внешнеполитической программы. 2 февраля 1948 года Трумэн встретился с новым директором только что образованного ЦРУ и одобрил процесс выдвижения Казановы в лидеры СССР. После этой встречи ЦРУ начало операцию по вербовке агента из числа потенциальных лидеров СССР и его ускоренному подъему по карьерной лестнице. 18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России». Там говорилось следующее: «Наша конечная цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой советской власти... Наше дело – работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности и за внутренние условия в России... Нашей целью во время мира является свержение советского правительства». Поэтому Трумэн не колеблясь предоставил Греции помощь в борьбе с коммунистическими партизанами. В сентябре 1948 года был принят план «Флитвуд». Предполагалось сбросить на 70 городов СССР 133 атомные бомбы (восемь – на Москву, семь – на Ленинград), а в случае затягивания войны использовать до 200 бомб, которые привели бы к разрушению 40 % промышленности СССР и гибели 7 миллионов человек. Такое поведение и воинственная риторика Трумэна дали результат и помогли ему выиграть выборы 1948 года. Трумэн победил, преодолев раскол, произошедший в Демократической партии. Кандидат от Республиканской партии Томас Дью проиграл, несмотря на свою резко антисоветскую позицию. После перевыборов Трумэна консервативная часть Демократической партии требовала продолжения жесткой антикоммунистической линии. И Трумэн делал все, что требовалось, в этом направлении.

В 1949 году отмечалось 70-летие Сталина – широко и по всему миру. Единственным из руководителей крупных государств, кто не поздравил Сталина с юбилеем, был президент США Трумэн. Гарри вспомнил, как госсекретарь уговаривал его послать поздравительную телеграмму, но он настолько возненавидел Сталина за то, что тот сумел перетянуть гигантский Китай на свою сторону и стал хозяином половины мира, что гневно отверг подобное предложение госсекретаря и не послал телеграмму.

В декабре 1949 года Госдепартамент и Пентагон представили президенту Трумэну секретный доклад. Его одобрил и Национальный совет безопасности. В нем предусматривалась активизация военной политики США, замена тактики сдерживания «советской экспансии» на наступательную военную конфронтацию с Советским Союзом. В январе 1950 года Трумэн отдал приказ подготовить секретный доклад о военном потенциале США и обстановке в мире. В докладе говорилось: «Совершенно ясно, что Кремль стремится поставить под свое господство свободный мир... Он хочет навязать всему миру свою абсолютную власть».

А между тем дядюшка Джо становился все наглее. В 1946 году коммунисты взяли власть в Болгарии. Однако в 1947 году в Греции коммунистическое сопротивление потерпело поражение. Затем с января 1947 по февраль 1948 года коммунистические режимы были установлены в Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии. Кроме того, в сфере влияния СССР находились КНДР, Северный Вьетнам. 1 октября 1949 года народ победил в Китае. Открытое противостояние союзников началось уже в 1948 году. Берлинский кризис начался из-за введения в Запад-

ной Германии единой марки и распространения ее на Западный Берлин. Было перекрыто ж/д и автомобильное сообщение Берлина с Западной Германией. СССР не желал расчленения Германии из-за того, что хотел получить все полагающиеся ему репарации. Сталин понимал, что если Германию разъединить и отдать Восточную коммунистам, то возникнет социалистическая Германия, и негоже брать репарации с братьев по классу. Так, кстати, и случилось.

28 февраля 1950 года постановление Совета Министров СССР перевело рубль на постоянную золотую основу, отменив привязку к доллару. СССР, по словам Сталина, надежно защитил себя от спекулятивной валюты США. Комментируя данный шаг, Сталин в очередной раз в качестве примера недальновидной финансовой политики привел Югославию, где Иосип Броз Тито привязал валюту страны к бивалютной корзине доллара и фунта стерлингов. По мнению главы СССР, подобные действия должны сначала спровоцировать в Югославии коллапс, а затем ее политическое расчленение странами западного мира. Как показала дальнейшая история, данные слова Сталина оказались пророческими.

В октябре 1950 года, после отстранения Хилленкёттера, который профукал операцию в Корею, директором ЦРУ стал Уолтер Смит, который в 1946-1948 годах был послом США в Москве. В сентябре 1950 была поставлена прямая задача физического устранения дядюшки Джо. Как-то Трумэн спросил Дж. Даллеса:

– Можно ли избавиться от Сталина? Ах, если бы Провидение, – и он возвел руки кверху, – помогло нам.

– Оно в курсе. Дело движется к тому, сэр.

– Можно ли ускорить желание Провидения? Я знаю, что ЦРУ уже работает над этим вопросом, но я не хочу знать всего, хочу крепче спать.

– Мы будем стараться, сэр.

После анализа всех подходов к вождю мирового пролетариата было принято решение, опираясь на помощь Казановы, внедрить в службу Ближней дачи своего агента. Причина была в том, что Сталин вышел из долларовой зоны, вывел из нее почти полмира и постоянно расширяет число своих сателлитов. Совет по психологической стратегии США создал группу «Сталин» по «отходу или отстранению Сталина от власти». Сталин догадывался о существовании «крога» – этим и был вызван поиск «английского шпиона» среди сталинских соратников все последние пять месяцев жизни вождя.

Возглавленная Маккарти «охота на ведьм» вместе с международной напряженностью из-за ведущейся Корейской войны создала горячую атмосферу предвыборной кампании. В 1952 году Трумэну было уже 68 лет. Понимая, что он влез в авантюру и совершил непоправимую ошибку, втянув Америку в Корейскую войну, и что выхода нет, он решил не выдвигаться на следующий срок, поэтому Демократическая партия выдвинула губернатора Иллинойса Э. Стивенсона, имевшего репутацию интеллектуала и выдающегося оратора. В дни возвышения Маккарти в Конгрессе и в правительстве США предпочитали с ним не спорить. Даже будущий президент США Д. Эйзенхауэр, выступая в 1952 году, говорил о своей общности интересов с Маккарти.

«Дядюшка Джо уже слишком нам навредил. Сталин впервые сделал больно Америке. США никогда не прощают, когда им делают больно. США не любят, когда им залезают в карман. Он вывел доллар из половины мира. Такое Америка никому не прощала. Сталина следует убрать за то, что он залез в карман, исключив доллар из оборота на половине земного шара. Даже Китай боялся это делать, но Сталин настоял», – думал Трумэн.

1 марта, 10 часов 29 минут (местное время). Канзас-Сити

Гарри снова погрузился в воспоминания. В конце декабря 1952 года была тщательнейшим образом собрана вся информация, касающаяся Сталина. Подготовивший доклад об операции офицер сообщил, что, хотя вся страна думала, что Сталин живет в той трехкомнатной

квартире в здании бывшего Сената в Кремле, однако Сталин постоянно жил на Ближней даче («объекте 001»), которая была расположена близ деревни Давыдково. Дорога (9 км) от Кремля до Ближней дачи занимала около 12 минут. Но каждый раз это была специально разработанная операция. Сталин сообщал охране заранее, вернее, за несколько минут, что он едет на дачу. По Арбату невозможно было ехать быстрее сорока 40 в час, а на отдельных участках переулков – и вовсе не более 10. То есть таран автомобилем, начиненным взрывчаткой, должен быть исключен.

У Сталина имелось три кольца охраны. Первое, так называемая девятка, – выездная группа, которая везде и всюду его сопровождала. У каждого были три обоймы кольца, три обоймы вальтера и финский нож, которым с 15–20 метров офицеры легко поражали цель. Сопровождал его не один охранник, а 20 вооруженных до зубов бойцов. В дороге все контролировалось, и маршруты постоянно менялись. Использовалось несколько машин с затемненными стеклами. За несколько минут до выезда Сталин сообщал в охрану, что он едет на дачу. Охранники тут же звонили на дачу и сообщали дежурному, чтобы готовили обед или ужин, в зависимости от времени. Поэтому нападение на машину Сталина во время его переездов из Кремля на Ближнюю дачу тоже не годилось, так как маршруты часто менялись и ехали сразу несколько машин, и, в которой из них находился Сталин, определить было очень сложно. Точно так же, когда пропускали литерные поезда, везшие Сталина, в пределах видимости от железной дороги стояли красноармейцы с примкнутым штыком и все стрелки зашивались. И шло сразу несколько таких поездов – абсолютно одинаковых. И в каком ехал Сталин, и ехали ли он вообще, никто никогда не знал. Из-за этого часто останавливалось движение. Следовательно, организовать покушение при поездках Сталина на поезде было крайне маловероятно.

Нападение на дачу также ничего бы не дало. Дело в том, что дача в Кунцево очень тщательно охранялась. Это несколько гектаров территории, огороженной глухим двойным трехметровым забором. Между этими заборами была колючая проволока. По внутреннему кольцу между двумя заборами дежурили патрульные с собаками. На территории была построена казарма для роты охраны. Была и обслуга, были офицеры для особых поручений, были коменданты и т. д. Любое передвижение вождя так или иначе фиксировалось и наблюдалось. Сталинскую дачу окружал большой парк в два десятка гектаров. Сталина охраняли 128 офицеров на даче и в Кремле. До мая 1952 года комендантом Ближней был Н. Власик. Он фактически возглавлял личную охрану генсека. Охрана дачи была не менее надежной, чем охрана кремлевского кабинета. Порядок охраны и посещений Ближней дачи Сталина был довольно строгим. Сейчас замкоменданта по хозяйству служит некто Лозгачев. Комендант – Орлов.

По периметру весь участок окружал высокий щелевой двойной забор с массивными воротами. Легкость проникновения через обычный щелевой забор была только кажущейся, того, кто попытался бы это сделать, ждали очень неприятные сюрпризы. Внутри забора – охрана: невидимая и неслышная. Между двумя высокими глухими деревянными заборами вокруг всей территории дежурили патрули с собаками. Там были специальные мостки, а у сотрудников – обувь на резиновой подошве. Недавно появилась новинка – луч, который «светил» параллельно забору. Заяц пробежит – и тут же сигнал тревоги! В систему охраны дачи входила скрытая кустами колючая проволока под электрическим током.

В хозяйственной части дома располагались также охрана, повара, подавальщицы и даже постоянно живший при даче доктор. Здесь же размещался комендант, в комнате которого фиксировались сигналы со специальных устройств, вмонтированных в дверные коробки каждого помещения, – так отслеживались перемещения Сталина по дому. При этом Сталин не любил, когда охранники находились близко от него. Возле ворот для въезда на территорию дачи была «дежурная» – помещение для старших офицеров охраны. Проверка приезжавших была очень тщательной. С Можайского шоссе недалеко от Поклонной горы был поворот к даче Сталина. Дорога здесь была перекрыта шлагбаумом, который дежурные офицеры охраны открывали

только для правительственных машин. Вторая проверка производилась у ворот, третья – при входе на дачу. Здесь дежурил работник охраны в военной форме полковника государственной безопасности.

При въезде на дачу багажник обычно не открывали, оружие сдавать не требовали, патроны не забирали, никаких железных дверей, кроме военного бомбоубежища, на даче не имелось. Документы тщательно проверяли и затем сообщали Сталину, кто приехал. Посетителей регистрировали (и даже сейчас регистрируют) в журнале регистрации посетителей Ближней дачи. Попав на территорию дачи, автомашина совершала крутую петлю вокруг деревьев, скрывавших фасад здания.

Все комнаты дачи были связаны внутренней телефонной системой-домофоном. Аппараты домофона имелись во всех комнатах Сталина, даже в ванной и туалете. По домофону Сталин заказывал себе чай или еду, просил принести почту и т. д. Кроме домофона все комнаты Сталина были оборудованы системами правительственной телефонной связи и телефонами обычной московской коммутаторной сети. В СССР более 100 человек (члены Бюро Президиума ЦК КПСС, министр МГБ, начальник Генерального штаба, командующие военными округами, секретари некоторых обкомов, заведующие основными отделами ЦК КПСС и секретари ЦК) имели прямой выход на Сталина и могли звонить ему лично при необходимости.

В комнатах Сталина в дополнение к телефонам была особая система сигнализации, позволявшая охране следить за тем, в какой из нескольких комнат он находился в тот или иной момент. Особые датчики сигнализировали на контрольное табло, если Сталин открывал или закрывал дверь той или иной комнаты. Поэтому охрана и прикрепленные должны были знать, в какой именно комнате Сталин находился в данный момент.

В каждой комнате имелись датчики, показывающие, где находится Сталин. В мягкую мебель были вделаны особые датчики, сигнализировавшие охране, куда переместился Сталин. Все, даже диваны или стулья, кресла были оборудованы специальными датчиками. Если он сиделся куда-то, то на пульте у охраны высвечивалось, что он находится там-то.

Собственно охрана дачи, составлявшая особое подразделение МГБ, осуществляла охрану территории, подходы и подъезды к даче. В охране было более 100 офицеров МГБ во главе с комендантом дачи. К территории дачи примыкало двухэтажное здание, жилое помещение или казарма для рядовых охранников, рассчитанное примерно на 100 солдат и офицеров. Персонал для «бытового обслуживания» Сталина, прислуга, уборщицы и другие также оформлялись как сотрудники МГБ. Помещение, в котором находилась охрана, располагалось в особом служебном доме, соединенном с дачей Сталина коридором длиной около 25 метров. Двери, ведущие в жилую часть дачи, никогда не запирались. У Сталина с прикрепленными дежурными и с другими служащими дачи были простые и неофициальные отношения.

Скрытое слежение обеспечивалось особой системой сигнализации. Вделанные в мягкую мебель миниатюрные датчики (пружинки от них после посмертного шмона в хозяйстве вождя еще долго сиротливо торчали из обивки) передавали на специальный пульт сигналы, позволявшие точно отслеживать все передвижения объекта. Все окна в комнатах Сталина держались наглухо зашторенными. Сталин всегда жил на первом этаже, причем практически в одной комнате, при его жизни называвшейся малой столовой. Сталин вызывал подавальщиц звонком.

Анализ возможностей для отравления через пищу обнаружил, что и здесь довольно мало возможностей. Сталин был непривередливым в еде человеком, питался очень просто. Грузинских блюд себе почти не заказывал. Предпочитал сибирские пельмени. Любил простые щи, но особенно обожал Сталин печеную картошку в мундире! В духовке печеную. На его столе была всегда свежая рыба. Из грузинских яств особое предпочтение Сталин отдавал домашней ветчине. Для ее приготовления в Рождество зарезают свинью, делят ее на большие куски, вымачивают их в сильно соленой воде шесть дней. Потом куски подвешивают к потолку специаль-

ного сарая на стальных крюках и разводят под ними огромный костер. В его дыму свинина коптится полтора месяца и превращается в редкую по вкусовым качествам ветчину.

Сталина сильно раздражали кухонные запахи, поэтому хозяйственная часть дома была отделена от основной длинным извилистым коридором, устроенным под уклоном. Последний заканчивался дверью, отделявшей хозяйственную часть дома от основной, – входить туда без вызова и разрешения Хозяина обслуге не разрешалось. Сталин предпочитал напитки своей Грузии. Он страдал от повышенной кислотности и потому питал симпатию к полусладким грузинским винам, таким как красные вина: «Оджалеси», «Киндзмараули», «Хванчкара», белые вина: «Телиани», «Цинандали», «Кахети», «Цоликаури», «Цигистави». В последние годы жизни дядюшка Джо пил очень слабое, крепостью не более четырех градусов, молодое вино «Маджари», которое называл соком. Ему не нравилось сухое шампанское, а сладкое и полусладкое он пил с удовольствием. Случалось, Сталин себе позволял лишь две маленькие коньячные рюмочки. Пил он коньяк грузинский. Коньяки – «ОС», «КС» и «Енисели», а водкой просто не интересовался.

Обычно ужин у Сталина проходил следующим образом. Приезжающие собирались в столовой. Никаких официанток никогда не было, обслуживали себя сами. Для этого вдоль стен стояли столы с различными блюдами. Каждый подходил, брал то, что ему хотелось, и уже с полной тарелкой садился за стол. Из спиртного всегда были водка, французские и армянские коньяки, американский виски и грузинское вино. Наливал себе каждый тоже сам. Когда у Сталина были посетители, никто никуда бесконтрольно не отлучался. Сложившийся порядок теоретически давал возможность кому-то из приглашенных на ужин незаметно принести яд и добавить его в пищу или питье Сталину. В реальности это было очень рискованно.

Проверкой продуктов питания и напитков, поступавших на стол вождя, занималась специальная лаборатория, существовавшая в системе личной охраны Сталина. Пища проверялась тщательнейшим образом. 501-я спецбаза обеспечивала питанием руководителей партии и правительства и высоких зарубежных гостей, которые приезжали и проживали в госособняках и в кремлевской резиденции. При 501-й базе была спецлаборатория. Все продукты проверялись, и по результатам проверки она ставила свое клеймо (ярлык) на продукты питания и напитки.

Все продукты на кухню, а также фрукты, хлеб и вино доставлялись на Ближнюю дачу генералиссимуса в особых пакетах с приложением актов, подписанных токсикологами и скрепленных гербовыми печатями. А чтобы злоумышленники не отравили воздух в жилых помещениях, там периодически брали пробы состава атмосферы, пока не изобрели специальную аппаратуру, которая при малейшей опасности подавала на пульт сигналы тревоги. Как мы видим, охрана Сталина достаточно профессиональна – никакие яды попасть на стол вождя не могли. Во-первых, охрана предана Сталину. Во-вторых, это был бы международный резонанс.

Самым верным представлялось внедрение агента в охрану и затем отравление вождя. Следовало внедрить своего преданного нам человека из числа детей, пострадавших от репрессий, в охрану дядюшки Джо. Трумэн знал, что перед Второй мировой войной за Сталиным охотились иностранные разведки всего мира: агенты нацистской Германии и бывшие белогвардейцы, диверсанты из Японии и белобандиты – все хотели видеть его мертвым. Однако просто так убить Сталина было очень сложно и глупо. Его охрана хорошо организована. Явное убийство Сталина может спровоцировать гнев народов всего мира, поскольку к тому времени Сталин приобрел огромный международный авторитет. Само по себе убийство могло бы вызвать взрыв негодования во всем мире. Могла быть война. Кроме того, к власти мог прийти другой хороший руководитель. Представьте себе, что начнется, если какой-нибудь киллер в открытую убьет Сталина. Начнется расследование, и закипят политические интриги. Станут выяснять, кто же извлек наибольшую выгоду из этого преступления, и могут додуматься ненароком и до правильной версии. Дойдут до Казановы, а потом и до нас. Более того, если даже и не распутают само преступление, то дискредитируют нашего «крота» политически на вечные

времена. Однако после 1950 года, когда Сталин вышел активно из долларовой зоны и увел оттуда страны-сателлиты, устранение его встало на повестке дня. ЦРУ попыталось это сделать 26 августа 1950 года, но Сталин выжил.

Предположим, что кто-то получил задание убить Сталина. Это достаточно легко сделать на юге, в Сочи. Но неминуем международный скандал. Убийство Сталина должно было быть организовано таким образом, чтобы оно выглядело как смерть от естественной причины. Если обычные яды, то сразу возникают вопросы, связанные с физическим воздействием. Значит, должно быть необычное отравление, необычный яд. Необходимо предъявить народу больного Сталина. Самое важное – Сталин не должен умереть сразу. Состояние болезни следует некоторое время поддерживать, но не давать ему умереть сразу. Больной Сталин должен быть показан миру, но не очень долго. Нужно не только устранить Сталина, но и опорочить его имя, замазать его светлую память антисемитизмом. Необходимо было провести устранение Сталина, замаскировав его под естественное заболевание. Планировалось имитировать инсульт, а затем подбросить идею, что Сталин страдал гипертонией, чтобы все было натурально. Необходимо сделать так, чтобы народ видел тяжелое заболевание Сталина, чтобы никто не подумал, что его убили. Нужно показать народу умирающего, тяжело больного Сталина, иначе они бы никогда не поверили, что он умер сам.

Отдельной сверхзадачей является требование того, чтобы имя Сталина было потом дискредитировано самими советскими лидерами. Поэтому надо поставить на место лидера прогрессивного человечества пустое место, чтобы им было удобно манипулировать. Следовательно, устранение Сталина должно было сопровождаться подготовкой «крота», который сразу после убийства занял бы его место. Мы такого «крота» подготовили. Он ждет своего часа. Важно также не допустить к власти по-настоящему эффективного руководителя.

Мы сообщили Казанове, что, пока дядюшка Джо будет жить, он должен войти в роль, и все привыкнут его слушаться. Джо должен умереть, пока Казанова – первый зам. Потом Джо умрет, и уже Казанова будет иметь все рычаги в своих руках, станет привычным преемником. Если Джо умрет сразу, то не факт, что Казанову изберут. Сталин уже отодвинул Казанову с Корейской войны и из главы комитета при Совмине. Следует обязательно объявить о болезни Джо, а то трудящиеся не поверят. Всем будет командовать некто Иванов-Незнамов.

Появился новый препарат, блокирующий свертывание крови. Мы его проверяли на пленных корейцах. Дикумарол (дикумарин) еще практически неизвестен в СССР. Препарат дает иногда странные реакции. Могут появиться кровоподтеки на коже (хотя могут и не появиться). Кровоизлияния под кожей иногда есть, иногда нет. Дикумарол может иметь не тот эффект, но для маскировки ненужных проявлений отравления должны быть готовы врачи, патанатомы и бальзаматоры. Петехии (точечные кровоизлияния на коже) на коже можно скрыть врачебными манипуляциями.

Если сначала дать дикумарол, а потом нанести удар под затылок, то будет кровоизлияние в мозг и симптомокомплекс инсульта. Мы проверяли на корейских пленниках: если ввести дикумарол, а затем особым ударом низом ладони ударить под затылок, то у них возникает гематома в среднем мозге и различные неврологические симптомы, сходные с параплегией (обширным параличом). Чтобы неврологические симптомы не исчезали, требуется постоянно создавать болевые ощущения. Мы это тоже проверяли на корейцах. Дикумарол дает много неожиданных эффектов, – повторил еще раз Балч, – все может пойти не так. Иногда дикумарол дает неожиданные эффекты. Могут быть кровоподтеки на коже и кровотечение во внутренних органах. Он по-разному действует на разных людей, и болезнь у такого здорового человека, как Сталин, может отступить. Поэтому лечить Сталина должны наши люди, которые обязаны будут поддерживать состояние болезни, не давая дядюшке ни выздороветь, ни умереть, пока не будет осуществлена передача власти Казанове. Мы должны подстраховаться так, чтобы лечащие врачи ничего не заметили, а человек, который будет вскрывать тело, должен быть из наших.

Да, – повторил он, – дикумарол дает нежелательные эффекты, и хотя это вещество в СССР неизвестно, но лучше подстраховаться. Сам по себе эффект дикумарола очень нестабилен. Требуется наблюдение за пациентом и поддержание болезни, чтобы не умер и не выздоровел до нужного момента. Кровотечение в желудке, кровоподтеки на коже будут замазаны терапевтическими мероприятиями. Чтобы скрыть кровоподтеки на коже, связанные с действием дикумарола, необходимо вводить глюкозу подкожно, чтобы потом списать кровоподтеки на эту процедуру. Нужны бутылки с газированной водой в заводской упаковке, где следует растворить дикумарол.

Мы проверяли действие дикумарола не только на пленных северокорейцах, но и на гватемальских заключенных, как в свое время мы проверяли действие пенициллина. Помните, как в рамках исследования пенициллина в период между 1946 и 1948 годами были умышленно заражены венерическими болезнями 1,3 тысячи гватемальских заключенных, пациентов психиатрических клиник и проституток? При этом только 700 человек получили лечение, и к 1953 году 83 участника эксперимента умерли. Оказалось, что после повторной дачи дикумарина свертываемость снова понизилась, и это может привести к коллапсу и желудочному кровотечению.

Важно найти врача, который бы поддерживал давление, чтобы была клиническая картина инсульта. Необходимо обеспечить повышение артериального давления, чтобы все выглядело как геморрагический инсульт. Мы посоветовали Казанове подобрать докторов и академиков, великих и знаменитых, но мало понимающих в лечении неврологических заболеваний. Такие люди обычно мало что понимают в лечении больных, но у них много апломба, и нам будет легче отчитаться в том, что пригласили лучших врачей. Казанова намекнул академиком, чтобы они держали язык за зубами. Главного бальзаматора СССР мы засунули в тюрьму. Поэтому никто тело вскрывать как следует не будет, особенно если заменить команду бальзаматоров. Быстрое вскрытие и бальзамирование позволят предупредить обнаружение яда. Настой наперстянки усилит экстрасистолию (необычные сокращения сердца) и приведет к остановке сердца в систоле.

Последняя страница доклада Балча содержала другие варианты устранения. Балч предлагал три варианта, рассуждая о достоинствах и недостатках каждого из них. Первый предусматривал использование агентов абвера для убийства Сталина по дороге на Ближнюю дачу или обратно с помощью бомбы или выстрела из засады или устроить автомобильную аварию со смертельным исходом. Достоинство этого плана Балч видел в том, что нам легко было бы открититься от причастности к нему, а недостаток в том, что такую операцию невозможно проконтролировать. Согласно его второму предложению, «спящие» агенты абвера должны были осуществить подобный замысел во время отдыха Сталина на юге. Возможно было бы использование специального стробоскопического (импульсного) ружья, яркая вспышка которого ослепит и дезориентирует водителя машины Сталина, когда его кортеж будет находиться в туннеле. Преимущества катастрофы именно в туннеле, писал Балч, заключались бы в малом количестве случайных свидетелей происшествия. Кроме того, повышалась вероятность гибели участников аварии.

В ЦРУ работали большие специалисты по использованию газов и других отравляющих веществ. Там действовал отдел, который разрабатывал специальное оружие для покушений на иностранных политиков, которых считали враждебными Соединенным Штатам. Агентов спецслужб снабжали фантастическими приспособлениями, которые стреляли отравляющими веществами. Занимался этим Сидни Готлиб, один из главных специалистов ЦРУ по отравляющим веществам. Одним из самых удивительных проектов комитета был пистолет, который бесшумно стрелял отравленными дротиками на расстояние до 75 метров. Из-за крохотных размеров – 6 миллиметров в длину и толщиной с человеческий волос – дротики было почти невозможно заметить, а яд не оставлял следов в организме. Казалось, что человек погиб по есте-

ственным причинам. «Однако, сэр, – сказал Балч, увидев, что Джон Фостер Даллес задержался взглядом на этой информации, – мы решили не использовать все эти современные штучки».

Когда Джон Фостер Даллес дослушал и дочитал до конца, он сразу стал критиковать второй план, поскольку в СССР было очень мало туннелей и все они тщательно проверялись при передвижении Сталина. Было решено начать подготовку операции.

1 марта, 11 часов 28 минут (местное время). Канзас-Сити

Трумэн в воспоминаниях перенесся в 1949 год. Тогда по лестнице, ведущей в Голубую комнату Белого дома, поднимался директор ЦРУ Роскоу Хилленкэттер. Это случилось после того, как после своей инаугурации в конце января 1949 года Трумэн первым делом вызвал директора ЦРУ. Хилленкэттер был третьим директором Центральной разведки и первым руководителем Центрального разведывательного управления, созданного в соответствии с Законом о национальной безопасности 1947 года. Это был высокий человек с узким продолговатым, скорее даже длинным лицом. Черты его лица отличались массивностью. Узкие, небольшие прорезы для глаз, обрамленные сверху не очень густыми дугообразными бровями, смотрели на собеседника вызывающе твердо. У него был слегка приплюснутый широкий нос, широкий рот с узкими губами, почти незаметные скулы. Человек был одет в классический костюм, который на самом деле представлял собой форму контр-адмирала без погон. На мундире были прикреплены планки с лентами наград. Черный строгий галстук довершал картину. На голове директор постоянно носил форменную фуражку контр-адмирала с белым верхом и кокардой. Когда он снял фуражку перед дверью в кабинет, то на голове показалась начинающаяся лысина.

Хилленкэттер вошел в Голубой кабинет президента в Белом доме и увидел длинный Т-образный стол. За столом сидел безупречно одетый человек. Это был президент Трумэн. Человек встал, и оказалось, что он довольно высокого роста и имел очень интеллигентное лицо. Волосы были выкрашены, хотя по их участкам рядом с корнями волос можно было определить, что он совсем седой. По всему чувствовалось, что его волосы давно не столь густые, как в молодости. Президент Трумэн предпочитал их красить. Он зачесывал волосы направо, оставляя пробор слева. У него были тонкие плотно сжатые губы; очень прямой нос с острым свешивающимся вниз кончиком. Модные очки с очень тонкой оправой, идеально сшитый подогнанный и отглаженный классический двубортный костюм довершали картину. Президент Трумэн был большим франтом. Обычно он носил классические, отлично по фигуре сшитые серые двубортные костюмы, идеально отглаженные брюки, коричневые новомодные туфли и надевал бабочку в клетку. Именно так и был в этот день одет президент. Обращало на себя внимание то, что рукава рубашки не выглядывали из рукавов пиджака. Трумэн встал, поздоровался, предложил посетителю сесть, а потом долго говорил о росте влияния СССР в мире, о намерении Сталина вытеснить доллар из сферы международных финансов. Сталин сумел в 1948 году повернуть на социализм ЧССР, Румынию, Польшу, Болгарию. На столе Трумэна стояла табличка с надписью «Фишка дальше не идет». «Быть президентом – значит быть очень одиноким», – сказал Трумэн директору ЦРУ.

Обычно Трумэн стоял выпрямившись, как натянутая струна, как будто только что проглотил кол. При этом носки его башмаков были разведены. Собеседники начали разговор с вежливых вопросов о семье и тому подобной шелухи. После взаимных приветствий и приветов супругам они перешли к деловой части беседы. Трумэн ставил перед ЦРУ задачи на свой новый срок, уверенно жестикулируя правой рукой. «Необходимо остановить СССР, для этого следует спровоцировать СССР и объявить его врагом человечества, – вещал Трумэн. Вдруг он осекся и понял, что ничего не добьется своей экзальтированностью. – У вас есть мысли, как это сделать? Что вы можете предложить?» – уже гораздо спокойнее спросил Трумэн. Несмотря на оживленную жестикуляцию президента, директор ЦРУ ни на каплю не изменил свою манеру говорить и продолжал размеренно докладывать.

Тут его прервал Трумэн: «Следует активнее перевербовывать “спящих” агентов абвера. Сделать их нашими агентами, – Трумэн хотел показать профессионалу из ЦРУ, что и он не лыком шит, что он разбирается в теории разведки. – Многие советские вожди наворовали, нахапали бесконтрольно барахла в Германии. Жадность их погубит. Ненасытный аппетит, роскошь их убьет. Эту ситуацию следует использовать в наших целях – стравить друг с другом, и пусть погрязнут в коррупции. На этом их можно будет поймать и завербовать. Пусть конфискуют имущество у нацистов и тех, кто воевал, или членов партии. Мы воспользуемся жадностью, психологией того, кто вылез из грязи да в князи (Трумэн дословно сказал следующее: *Went from rags to riches, from orphan to country president*). Нужно дать им возможность хапать, хапать и хапать, а самим отслеживать и фиксировать. Среди лидеров СССР нам нужен свой агент влияния, самый алчный и непутевый. Его следует выдвинуть на самый верх, так как Сталин уже стар, да и не вечен, вдруг на него упадет кирпич. В этом случае мы, конечно, будем очень благодарны Провидению. Но дело не в благодарности, а в том, чтобы в этот момент наш “крот” оказался в нужном месте и на нужной позиции и занял место лидера СССР».

Потом они перешли к обсуждению операции в Корее. Директор ЦРУ начал обстоятельно рассказывать о плане провокации в Корее: «В 1948 году наши спецсы, по вашему заданию, разработали план атомной бомбардировки СССР, но взрыв советской атомной бомбы в 1949 году поостудил нас. Мы думали, что они будут клепать бомбы одну за другой, но, видно, не все у них гладко с бомбой. Блефуют или начали новую разработку водородной бомбы.

Так или иначе, но после событий 1948–1949 годов следует уронить авторитет Сталина, сделать его поджигателем войны. Мы должны разбомбить Советскую империю, империю зла. Но для реализации такого плана необходимо было проверить, сможет ли советская противовоздушная оборона отразить налет наших бомбардировщиков, В-29 под прикрытием реактивных истребителей “Сейбров” (“Сабля”) F-16 поддерживаемых истребителями», – тут директор ЦРУ остановился и отхлебнул из стакана воды. Трумэн его внимательно слушал и не перебивал.

«Как только СССР ввяжется в войну, а он обязательно ввяжется, – повторил Хилленкэттер, – мы сможем провести через Совет Безопасности (пока СССР не посещает заседания СБ, он не сможет воспользоваться правом вето) решение, клеймящее коммунистов, а потом осудить его в ООН. Тем самым мы бы запускали в свою орбиту Японию, Южную Корею, очерняли СССР, не давали Китаю захватить Тайвань и прикрывались Северной Кореей и Сталиным как виновником этого. Мы бы сохранили Тайвань, проверили возможности преодолеть воздушную оборону СССР и создали себе вечного союзника в виде Южной Кореи. Главная цель Корейской войны – опытным путем проверялась возможность США сбросить на СССР 300 атомных бомб. Мы выставим СССР агрессором, и затем уже последует наша атомная бомбардировка СССР. Необходима бомбардировка, пока Советы имеют не более пяти атомных бомб, а мы – более 200. Корейский полуостров должен был стать трамплином для нашего последующего прыжка в Маньчжурию, Монголию и Сибирь».

Вначале же планировалось сбросить по шесть бомб на Москву и Ленинград и по одной – на другие областные центры и центры промышленности. Противоракетная оборона, и то неполноценная, была развернута только вокруг Москвы, – Берия об этом знал из разговоров с сыном Серго, под руководством которого создавалась эта система. А информация шла из Англии, где директор британской морской разведки – вице-адмирал Лонбликук сообщил своему правительству, что американцы готовят сбросить на СССР более 300 атомных бомб, причем по шесть бомб предназначались Ленинграду и Москве.

В конце 1949 года военные США доработали, а администрация Трумэна утвердила более широкий план по уничтожению Советского Союза. Этот план получил название Dropshot («Укороченный удар»). Он был представлен ограниченному кругу людей на конференции в Белом доме в 1949 году. План заключался в том, что на крупные города СССР будут сброшены

атомные бомбы. На Москву планировалось сбросить около 25 атомных бомб, на Ленинград – 22, пять – на Киев и т. д. Всего же планировалось сбросить на территорию СССР около 300 атомных и более 200 тысяч обычных бомб, и это был только первый этап, а за все время проведения операции планировалось сбросить более 6 миллионов бомб. По подсчетам американских военных экспертов, потери Советского Союза составили бы более 100 миллионов мирных жителей. Тогда появился бы хороший предлог для нападения на СССР, предлог, который бы объяснил американскому народу, зачем президент это сделал. Жесткий ответ Севера должен был обеспечить Казанова. Было решено отрететировать детали нанесения превентивного ядерного удара в Корею.

Трумэн вспомнил, что из Вашингтона все виделось так: в верхах СССР имелось три группировки. Молотов, Маленков и Берия – честные. Ленинградцы Кузнецов и Жданов. К ним примкнул Вознесенский. Хрущев, Ворошилов, Каганович – украинско-московская мафия. Микоян боялся и осторожничал. Берия был занят по горло атомной бомбой. Молотов честен до безумия. Маленков тоже. Сталин стоит над битвой.

Во время очередной встречи с директором ЦРУ Трумэн снова яростно подрубал воздух правой рукой и почти кричал: «В 1949 году с помощью дядюшки Джо коммунисты победили в Китае. В 1949 году обрел независимость Лаос; в 1950-м наступил перелом в пользу коммунистов-террористов в течении войны во Вьетнаме, где французы пытались не допустить победы марксистов. Кроме того, он залез в наш карман, а это не прощается. Необходимо срочно обновить этого безумца, и сделать это нужно, тщательно проработав детали операции.

«Вы понимаете, – нервно цедил, выдавливая из себя слова, Трумэн, – ровно половина мира стоит на стороне Сталина. Еще немного – и баланс сил окончательно сместится в сторону дядюшки Джо. Если Сталин проживет еще немного, то коммунисты опрокинут мировую демократию. Тогда советский социалистический проект станет действительно глобальным, доминирующим. Мир станет жить по лекалам русского понимания справедливости. Этого нельзя допустить. Нам надо сделать советскую интеллигенцию похожей на нашу. Мы должны их сделать такими, как мы, чтобы у них во главе угла стоял личный успех и личное материальное благополучие».

В июне 1951 года президентом США Гарри Трумэном был образован Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB) и создана рабочая группа «Сталин» (кодовое обозначение – PSB D-40), которая ставила своей целью изучение возможности отхода (или отстранения) Сталина от власти. Эта инициатива называлась «Планом устранения Сталина» (Plan for Stalin's passing from power). План готовился под руководством Аллена Даллеса Советом по международным отношениям с использованием оперативных возможностей ЦРУ и английской МИ-6.

Затем Трумэн мысленно перенесся в 1951 год. 12 марта 1951 года в Лэнгли случился такой разговор: Джон Фостер Даллес взглянул на Смита поверх очков и жестко спросил: «А как насчет секретного доклада, который подготовил военный советник президента Гарри Трумэна Пол Нитце, доклад, в котором анализировалось, стоит ли разглашать прямое участие советских летчиков в воздушных схватках?» «Я думаю, что не стоит педализировать данный вопрос», – ответил Смит. «Хорошо, я передам вашу рекомендацию господину президенту», – заключил Даллес и потом сообщил о разговоре Трумэну. В итоге правительство США пришло к выводу о том, что делать этого нельзя. Ведь большие потери американских ВВС тяжело переживались всем обществом, и возмущение от факта, что «виноваты в этом русские», могло привести к непредсказуемым последствиям. В том числе к ядерной войне. Вопрос о советских летчиках американцами не поднимался.

27 октября 1951 года в кабинете штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли сидели двое. Это был советник государственного секретаря Джон Фостер Даллес и работавший над американской версией водородной бомбы Тэйлор. Даллес невозмутимо курил трубку, а Тэйлор размахивал

руками и пытался доказать директору, что следует немедленно послать разведчиков в СССР и украсть у них секрет их мощной бомбы. «Они перестали производить и покупать тяжелую воду! Хотя, судя по всему, работы по созданию водородной бомбы там ведутся!» – кричал он. «Я в курсе, – холодно ответил Даллес. Он встал, вышел из-за стола и в сталинской манере стал ходить по кабинету: – Мы уже навели подходы. Скоро вы получите эту информацию». Вечером того же дня Даллес подробно пересказал Трумэну этот разговор.

1 марта, 19 часов 44 минуты. Казань

Вернемся к Лаврентию Павловичу. Убаюканный шумом мотора, он стал засыпать, но в этот момент пилот объявил, что скоро самолет будет снижаться. Начиная смеркаться, и из окон самолета были видны розовые, а местами лиловые облака, освещенные из-за горизонта невидимым солнцем. Верхний слой облаков образовывал четкий резкий край. За ним сверху виднелось безоблачное небо. Снизу располагались кучковатые облака. А внизу, около самой земли, стоял густой туман. Перед закатом все заиграло багряными тонами. Вдруг у горизонта небо озарилось ярко-красными полосами, которые перемежались оранжевыми и которые быстро становились багряными. В последний момент весь горизонт стал вдруг лиловым, и все неожиданно погасло.

Лаврентий долго глядел на перламутровое небо с этими редкими облаками и восхищался красотой природы. Уже совсем стемнело, когда самолет коснулся колесами взлетно-посадочной полосы. Быстро подъехавший черный лимузин забрал Берия и отвез его в обкомовский дом, где он должен был отдохнуть пару часов перед ранним вылетом в Москву. В машине находились лидер коммунистов Татарстана Зиннат Ибятвич Муратов, председатель Президиума Верховного Совета ТАССР Саях Низамович Низамов и председатель Совета Министров ТАССР Миргарифан Замлеевич Азизов. Именно поручением Сталина решить вопрос с добычей нефти была вызвана необходимость разговора с руководителями Татарии.

На предложение попариться в баньке Берия ответил отказом и сразу предложил перейти к делу. Весь вечер они подробно, в деталях обсуждали перспективы нефтедобычи в Татарстане. Берия принимал активное участие в разработке нефтяных месторождений в Татарии, и уже в 1950 году республика располагала самыми крупными в СССР промышленными запасами нефти, а в 1952-м было введено в промышленную эксплуатацию крупнейшее Ромашкинское месторождение. Когда все технические вопросы были решены, руководители Татарии попросили Берия убрать области из административного деления республики, иначе было трудно управлять нефтедобычей.

После отъезда лидеров Татарии Берия погрузился в чтение газет. Самой первой он стал читать газету «Правда». После переезда в Москву в 1938 году Лаврентий Павлович выработал привычку обязательно просматривать газету «Правда» сразу после ее выхода. Ему ее ежедневно предоставлял секретарь. Поздно вечером 28 февраля был подписан к печати номер «Правды» на 1 марта. В газете, как обычно, давалась информация о положении в Корее. Без сомнения, Берия же имел гораздо более подробную информацию о положении там, но, несмотря на это, все равно просматривал эту информацию в газете. Газета в общем-то щадила своих читателей и не сообщала о том ужасном, нечеловеческом геноциде, который устроили американцы в Северной Корее своими бомбардировками.

В докладной записке, подготовленной для Берии его сотрудниками, когда он начал работу над антирадаром, сообщалось о зверствах американцев. Армия США бомбила все, что двигалось или было когда-либо построено. Они бомбили крупные и малые города, поселки, деревни, плотины, видимо, считая, что электричество, вырабатываемое гидроэлектростанциями, помогает северным корейцам производить оружие. Система орошения была жизненно необходима для питания мирного населения Северной Кореи, без плотин американцы обрекали корейцев Севера на голодную смерть. Миллионы мирных людей на Севере Кореи погибли

в результате американских бомбардировок. Как похоже на американцев, разбомбивших без всякой военной необходимости Дрезден, Милан, сбросивших атомные бомбы на японские города, не имевшие военного значения. «Ну что за сволочи, – Берия поймал себя на мысли, что все больше и больше ненавидит американских хамелеонов-двурушников. – Талдычат о демократии и убивают ни в чем не повинных мирных жителей».

Кроме всего прочего, в газете было напечатано постановление ЦК КПСС о женском празднике – «О Международном женском дне 8 Марта». Гораздо меньше говорилось о «шпионах», «убийцах», «скрытых врагах советского народа»... «Видимо, Хозяин решил спустить вопрос о врачах-убийцах на тормозах, – подумал Берия. – Не зря же он предложил мне возглавить объединенное министерство внутренних дел и госбезопасности», – решил Лаврентий Павлович.

Берия знал, что «Правда» и некоторые другие центральные газеты выходили дважды, вечером и утром. Вечерний выпуск поступал в киоски только в Москве, утренний на следующий день разносился подписчикам и в Москве, и по всей стране. Типографские матрицы с вечера самолетами доставлялись в крупные города и столицы республик и печатались уже в местных типографиях. Тиражи «Правды» и «Известий» доходили до 10–12 миллионов. У себя в кабинете Берия, читая «Правду», всегда особое внимание обращал на идущие в театрах спектакли. Он очень любил театр – не зря он в 1948 году после смерти выдающегося советского актера МХАТа Василия Качалова пробил через Политбюро решение назвать Малую Никитскую улицу улицей Качалова. Лаврентий наконец отложил газеты: «И все-таки до чего же скучно пишут журналисты» – и прилег вздремнуть. Времени до взлета оставалось совсем мало. Наконец самолет был готов к вылету. В 6 часов утра Берия вылетел в Москву. Нужно было успеть к вечернему внеочередному заседанию Бюро Президиума ЦК КПСС, которое Сталин неожиданно назначил на 1 марта, на воскресенье, что было нонсенсом.

При взлете было видно, что огромные снежные просторы искрились в ярком свете восходящего солнца. В Москву самолет летел на высоте около 3000 метров, чуть выше кучевых облаков. Сверху нависали перистые облака. Лучи солнца пробивались сквозь них и отражались от слоя низких облаков, создавая причудливые оттенки света, а также искры рассыпавшихся бликов, которые переливались, меняя цвет, как в детском калейдоскопе. Лежащие почти на земле кучевые облака формировали фантастические туманные горы и долины.

1 марта, 19 часов 12 минут. Москва, посольство США

Военный атташе посольства США в СССР и одновременно резидент ЦРУ в Москве Мартин Манхофф сидел в своем кабинете в посольстве США, которое находилось в доме 13 на Моховой улице, напротив Кремля, в здании с колоннами, и сообщал по телефону на особом птичьем языке задачу агенту, который звонил из телефонной будки. Так же, как и раньше, чтобы заглушить прослушку, играла радиолка, и низкий голос Шаляпина напевал: «Жил-был король когда-то, при нем блоха жила. Блоха, блоха. Милей родного брата она ему была. Ха-ха-ха-ха-ха, блоха. Ха-ха-ха-ха-ха, блоха. Ха-ха-ха-ха-ха, блоха». Чуть ранее, получив и расшифровав запрос, резидент ЦРУ подошел к выключателю и два раза выключил свет. Тем самым он сообщал наблюдавшему (откуда-то – Мартин не знал откуда) за окнами посольства американскому радисту, что операция «Рапсодия» началась и успешно развивается.

«Ускорить операцию? Да уже почти все сделано», – злобно подумал Мартин. Его бесила эта манера начальства всех подгонять. Он считал себя человеком, который знает, что делает, и не нуждается в напоминании о своих обязанностях. Еще 26 февраля он сделал так, что к врачу, академику Лукомскому явились двое и пригрозили, что его семья подвергнется насилию, если он будет мешать работать врачам. Тот ничего не понял, но те двое быстро удалились.

1 марта, 12 часов 55 минут (местное время). Канзас-Сити

А мы с вами снова перенесемся к Трумэну, который вспомнил тот день в Белом доме в 1949 году, когда он с сотрудниками решал, как спровоцировать СССР на войну в Корее. Выслушав доклад директора ЦРУ, Трумэн подвел итог: «Согласен. Время для провокации подходящее. СССР бойкотирует заседания СБ. Следует торопиться, пока СССР не участвует в работе СБ. Очень подходящий момент. Будем действовать на основе многоходовой комбинации. Нам необходимо проверить в деле “Сейбры” (F-86). У Советов есть МиГ-15. И те и другие поступили на вооружение в 1949 году. Конечная цель – проверить, смогут ли В-29, сопровождаемые “Сейбрами”, прорвать воздушную оборону СССР, защиту воздушного пространства, обеспечиваемую МиГ-15. Если смогут, то потом сбросим на СССР атомные бомбы, – Трумэн почувствовал себя вершителем судеб планеты. – План такой! Необходимо заманить Кима на Юг, и тогда Сталин вступит в войну или по крайней мере отнесется к ней нейтрально, а если нет, то двинем на Север 120 тысяч. И какие-то 200 танков Кима ничего не решают. Сталин не даст оружие Мао бесплатно. Мао обидится. Ли Сын Ман должен будет спровоцировать Северную Корею. Казанова должен будет подначивать Кима, чтобы втянуть СССР в войну и обосновать ядерный удар по СССР. А Ким? Он обязательно контратакует. Он азартен и хочет свершений и славы. Объединение Кореи – неплохая цель для его амбиций. Мы уже связались с Казановой и дали задание обеспечить вовлечение Северной Кореи в войну – поставлена задача спровоцировать Северную Корею, чтобы они ввязались в войну. Идея была в том, чтобы остановить СССР. Одновременно уьем двух зайцев – Китаю некогда будет заниматься Тайванем и СССР остановим».

Хилленкёттер подчеркнул, что план строится на том, что северные корейцы не смогут прорвать оборону, а если смогут, то не пойдут вглубь Южной Кореи, учитывая, что у той есть соглашение «О взаимной помощи и обороне» с Америкой. Трумэн знал, что Сталин завязан в конфликте с Югославией. Он думал, что южные корейцы остановят Кима, удастся быстро провести голосование, пока СССР не участвует в работе Совбеза, и под это дело ударить, но не было понятно, смогут ли истребители СССР остановить армаду бомбардировщиков В-29, сопровождаемых реактивными истребителями «Сейбрами». Однако Трумэн не предполагал, что военные действия примут столь катастрофический оборот.

«Сталин не занимается и не будет заниматься конкретными делами государства, – сообщил директор ЦРУ. – Он сейчас пишет книгу по языкознанию, и формально все решает Казанова. Ким ответит на провокацию, введет войска, его остановят и начнут наступление на Север. СССР должен ввязаться. Пожертвуем Кореей, заманим Кима на Юг. Пока СССР бойкотирует СБ, необходимо быстро принять постановление, разрешающее ввод войск ООН, и затем представить СССР империей зла. Ким с его 120 тысячами бойцов не сможет далеко и долго наступать. Горы и коммуникации не дадут. Для наступления требуется не менее полумиллиона солдат».

Трумэна постоянно подталкивали к войне с СССР. Тому было несколько причин. И главная состояла в том, что Сталин продолжил свое наступление на Запад. Победа социалистической революции в Китае в конце 1949 года произвела на американцев особенно гнетущее впечатление. В январе 1950 года в ответ на сообщение об успешном испытании атомной бомбы в СССР Трумэн, выступая перед Конгрессом, призвал ученых США к форсированию работ по водородной бомбе. Однако ситуация особенно накалилась, когда 9 февраля 1950 года малоизвестный сенатор-республиканец Джозеф Маккарти выступил в городе Уилинг в Западной Вирджинии с речью, в которой заявил, что в Государственном департаменте Соединенных Штатов число коммунистов достигло 205 человек. Имя сенатора сразу же появилось на первых полосах крупнейших газет, на радио и только получившем распространение телевидении. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности занималась этим задолго до него, но он сформулировал беспокойство американцев в наиболее острой форме, используя более цивилизованные методы. Маккарти выдвинул обвинения в адрес государственного секретаря Ачесона,

под сомнение была поставлена честность и преданность стране бывшего госсекретаря Маршала. Взгляды маккартистов не совпадали со взглядами президента-демократа Гарри Трумэна и его либерального окружения, которое не одобряло действий Маккарти. Однако маккартисты все равно придерживались своего курса. Поэтому Трумэн ускорил свою операцию «Восход» в Корее.

26 января 1950 года в глубокой тайне между США и Южной Кореей было подписано корейско-американское соглашение о помощи во взаимной обороне. Соглашение нужно было для того, чтобы Ли Сын Ман не боялся развязать военный конфликт. 12 апреля 1950 года после встречи Трумэна и директора ЦРУ Вашингтон принял секретную доктрину NSC 68. На встрече было продолжено обсуждение деталей будущей провокации в Корее. Следовало торопиться, пользуясь моментом, пока СССР не посетил заседания Совета Безопасности ООН. «А вдруг Малик снова начнет посещать заседания Совбеза?» – вдруг спросил Трумэн. «Нет, не начнет, – ответил директор. – Сталин лезет на рожон как танк. Пока он не добьется места постоянного члена Совбеза для народного Китая, он не уступит». В директиве были сформулированы основные направления ведения холодной войны с СССР: 1) считать главной целью США уничтожение стран социалистического содружества любой ценой; само существование СССР является агрессией против США и всего «свободного мира»; 2) вести долговременную антикоммунистическую кампанию; продолжать милитаризацию американской экономики, наращивать военно-промышленный комплекс; 3) воздерживаться от любых переговоров с СССР; переговоры целесообразно вести с новым правительством, которое образуется после разгрома СССР на его территории.

Американцы были уверены, что СССР поддержит Северную Корею. Однако им следовало торопиться, пользуясь моментом, пока представитель СССР не посетил заседания СБ, так как этот бойкот мог быть прекращен в любую минуту. Поначалу провокация пошла как по маслу. Ким клюнул на наживку и двинул войска вглубь Южной Кореи, но все пошло не так, как планировали в ЦРУ. Под натиском северян оборона Юга рухнула, войска Кима волной покатили по стране и почти ее уже захватили. И только героизм и вступление в войну американцев спасло положение. Поэтому в августе 1950 года Трумэн устроил разнос директору ЦРУ за провал операции в Корее. Наконец 13 января 1951 года Трумэн заявил о нежелательности дальнейшего расширения боевых действий в Корее. Командующий американскими частями генерал Макартур настаивал на продолжении и расширении военных действий. Через 14 месяцев после повторного предложения генерала Макарура бомбить Китай его отправили в отставку.

1 марта, 24 часа 30 минут. Ближняя дача Сталина

Это было зеленое двухэтажное здание безвкусной архитектуры. Человек в форме офицера МГБ вошел в большой кабинет на первом этаже. За столом сидел, что-то читая, довольно старый человек с усами, в кителе и брюках галифе.

– Что случилось? – спросил усатый.

– Я... я хочу поговорить, – забубнил офицер, продвигаясь к столу, за которым сидел усатый человек.

– Что-что? – произнес усатый, посасывая незажженную, но набитую табаком трубку.

Офицер продолжал что-то бубнить, неуклонно продвигаясь к столу. Подойдя к столу, офицер стал проситься в отгул. Старик на некоторое время потерял интерес к происходящему и отвернулся. В этот момент офицер коротким, резким, отточенным ударом двинул ребром правой ладони усатому под затылок. Тот потерял сознание и повалился на пол. Офицер вынул шприц и что-то ввел в мышцы шеи упавшего. После чего повернул человека на спину и прибрал на столе. Затем он вышел из комнаты и двинулся к выходу, где мирно дремали охранники. Он медленно, опасаясь скрипа, который мог бы разбудить дремавших, открыл дверь и вышел на открытый воздух. Потом по асфальтовой дорожке он направился к воротам. Там тоже дре-

мали. Он подлез под шлагбаум, приоткрыл створки ворот и оказался в искусственной леске, на дороге, по которой он быстрым шагом двинулся через лесок к шоссе.

Берия не знал, что операция уже началась. В начале февраля на даче Сталина появился новый охранник. Высокорослый и подтянутый. Его брови, почти сросшиеся на переносице, образовали угол, открытый снизу. Это делало его выражение лица очень печальным, как у Пьеро в сказке о Буратино. 28 февраля Сталин встал не так поздно, как обычно. Мимходом он взглянул на часы. Они показывали 10 часов 11 минут. Это было его привычкой – запоминать, когда он встал. В зависимости от того, который был час, он перестраивал свой график работы на день. Выбирал самые важные дела, чтобы их сразу решить, а потом – как пойдет. Здоровье его особо не беспокоило, но по совету врачей осенью прошлого года пришлось отказаться от курения. Поэтому сразу начал толстеть. Появился румянец на лице. В такие годы трудно всю ночь напролет заниматься ручным управлением гигантской страной.

На ужин Сталин заказал себе паровые картофельные котлетки, фрукты, сок и простоквашу. Весь день он провел на даче один. Надоели эти постоянные разговоры и решения, решения, решения... В последние годы он отошел от рутинной работы по руководству страной. Дело это было тяжелое. Нервов требовалось много. Дела по государству вел Берия, за партией следил Маленков, а военных и силовиков курировал Булганин. Сталин же окунулся в научную работу. Надо было создать новую теорию, способную правильно объяснить те явления, которые происходили в СССР.

Последняя крупная и решающая доза дикумарола была дана Сталину вечером 1 марта, когда вождю позвонил главный финансист страны – министр финансов Зверев и сообщил, что в 1952 году национальный доход в СССР вырос на 11 %. Вечером 1 марта охранник Сидоров дал всем снотворное, затем он вошел в комнату Сталина под предлогом проверки освещения. Охранник сказал, что введены повышенные меры безопасности и требуется проверить освещение. Сталин сидел за столом и работал над рукописью второй части книги про политэкономии социализма.

Охранник ударил Сталина под основание черепа, потом он положил вождя на пол так, чтобы замаскировать место удара, чтобы все выглядело, будто бы синяк получен Сталиным в результате падения с высоты человеческого роста. Для повышения артериального давления, что привело бы к петехиальному кровотечению, Сидоров ввел адреналин с кофеином. Затем Сидоров влил воду, содержащую снотворное, в рот Сталина, чтобы тот спал. До этого охранникам было подсыпано снотворное.

Наступила ночь. Поздней ночью с 1 на 2 марта они обнаружили себя спящими, что категорически воспрещалось и чего ранее с ними никогда не случалось. Утром охрана на воротах вошла в дом и увидела всех проспавших. Охранник Петров забеспокоился и стал делать Сталину искусственное дыхание. (Вот почему на губе Сталина при вскрытии обнаружили маленькую гематому, но, скорее всего, ее специально не заметили и в акт вскрытия не внесли. Кровоподтек в акте вскрытия не описан, но небольшая гематома на задней поверхности шеи могла быть. Отличить удар при падении от удара мягким предметом по голове или по шее очень трудно. На сильную кровоточивость десен жаловались несколько сотрудников дачи.)

У коменданта дачи полковника МГБ И. Орлова был выходной. В отсутствие коменданта дачи его замещал подполковник П. Лозгачев. Вместе с ним дежурили подполковник Старостин, майор Сухарев и пара охранников вне дома. Помещение, в котором располагались подполковники Старостин и Лозгачев, находилось в особом служебном доме, соединенном с дачей Сталина коридором длиной около 25 метров. Двери, ведущие из служебки в жилую часть дачи, никогда не запирались. Были здесь и другие сотрудники – повара, садовник, дежурный библиотекарь, все, к кому Сталин мог обратиться с той или иной просьбой.

1 марта, 24 часа 14 минут (местное время). Восточный Берлин, Дом правительства

В большом кабинете в большом здании, что расположилось на Лейпцигерштрассе, сидели двое: генеральный секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт и вызванный на ковер министр госбезопасности Вильгельм Цайссер. На голове у развалившегося в кресле Ульбрихта сверкала большая лысина, волосы остались только на затылке и по бокам черепа. Глубоко посаженные глаза, редкие, как будто выщипанные, брови. Прямой нос, глубокие носогубные складки, аккуратные усы и короткая козлиная борода довершали портрет. На нем были квадратные очки почти без оправы. Классический серый монотонный, тщательно отглаженный костюм и темный, очень аккуратно завязанный галстук в широкую полосу сидели на нем как влитые. У него был какой-то хитрый взгляд и уклончивая манера говорить, которая сразу не нравилась собеседнику и пробуждала противоречивые чувства. Он тщательно ощупывал собеседника своими глазками и был похож на хитрую лису. Ульбрихт не отличался особой красотой, да и умом тоже. Он происходил из Саксонии. В народе Ульбрихта называли «Шпицбарт» (остробородый) и «Ну-ну» (характерно-саксонское выражение согласия). Восточными немцами часто передразнивалась его манера говорить, включая специфический лейпцигский диалект и паразитную частицу «ја» (да/ведь), которую он постоянно вставлял между словами. Ульбрихт не пил и не курил, не боялся спорить с советскими властями. В декабре 1952 года шефом базы ЦРУ в Западном Берлине стал Уильям Кинг Харвр. Он поставил перед Ульбрихтом задачу – сделать все возможное, чтобы вызвать восстание рабочих. Об отношениях с советскими оккупантами он думал так: «Вы захватили нашу страну, вы лишили нас промышленности, поэтому теперь вы должны предоставлять нам крупные кредиты и продовольствие в таком количестве, чтобы Демократическая Германия насытилась и достигла уровня Германской Федеративной Республики». Он грубо запрашивал кредиты и получал их.

Во время Гражданской войны в Испании Ульбрихт находился в этой войной расколотовой стране на стороне республиканцев. После поражения республиканцев выехал во Францию, где был завербован американцами. Ульбрихт согласился сотрудничать с ЦРУ, но без подписки. После оккупации Франции в 1940 году бежал в Москву. Ульбрихт избран первым секретарем 25 июля 1950 года. Знал русский. Среди партийцев его называли «бетонной головой». Жена Ульбрихта Лотте работала в ЦК СЕПГ.

Его собеседник Цайссер внешне был похож на медведя. Коренастый, с крупной головой и с грубыми, как будто вырубленными топором чертами лица. Он постоянно хмурил брови. Напряженный взгляд уставившихся в собеседника небольших острых глаз создавал впечатление, что Цайссер видит человека насквозь. У него были глубокие залысины, которые особенно подчеркивались его манерой зачесывать волосы назад. Губы его были всегда плотно сжаты, двойной подбородок выдавал дородность его фигуры. Он носил классический однобортный черный костюм с серой вертикальной полоской и невзрачный серо-буро-малиновый галстук. Цайссер тоже прошел Испанию. С 1936 года под псевдонимом Гомес воевал в рядах республиканцев в Испании, был организатором и командиром 13-й Интербригады. Заместитель Цайссера Мильке тоже еще до окончания войны был завербован американской разведкой.

Ульбрихт поднялся с кресла, и оказалось, что он невысокого роста. Постояв с минуту, он стал ходить из угла в угол. Наконец он остановился и спросил: «Ну, что там у братьев (при этих словах Ульбрихт скривился) в Союзе?» Цайссер сообщил, что сегодня перебежчик через границу в сторону ГДР попал в лапы госбезопасности Восточной Германии. Перебежчик с Запада сообщил, что на Сталина готовится покушение. Об этом Цайссеру сообщил свой информатор в Москве. Нет, это не было донесением агента из Москвы. Это были просто неформальные друзья, с которыми поговорили по телефону и которые сообщили сведения о настроении в верхах СССР. Взамен эти друзья требовали от Ульбрихта делиться добром, которое конфисковывалось у бывших функционеров нацистской партии и осведомителей гестапо. В Восточной Германии Сталина звали дядюшка Джо, как и американцы. Лидеры ГДР его не любили, так как Сталин хотел объединить Германию, а в объединенной Германии у руководства ГДР

остаться лидерами не было шансов. Лидеры ГДР уже знали, что Сталин, предупрежденный о готовящемся на него покушении, заперся у себя на даче и в Кремль не выезжает. Поэтому они не дали ходу информации об этом перебежчике.

– Друзья ГДР сообщили, – задумчиво произнес Ульбрихт, – что Сталин взял все опять в свои руки и хочет поставить Берию на силовые структуры, объединив их.

– Что будем делать?

– Ждать.

– Ждать у моря погоды? Хотя, наверное, ты прав.

1 марта, 16 часов 12 минут (местное время). Вашингтон, район Лэнгли

В штаб-квартиру ЦРУ поступило сообщение от Устуша-Казановы, который докладывал, что 27 февраля Сталин вызвал на дачу председателя Комитета партийного контроля, многолетнего специалиста по проверке и чистке М.Ф. Шкирятова, который считался главным инквизитором Советского Союза, и долго обсуждал с ним ситуацию в стране. Для организаторов убийства Сталина это был тревожный знак. Действовать следовало немедленно.

Сейчас же в этом современном здании, расположенном в Лэнгли, спальном районе Вашингтона, который находился в 13 км от центра столицы, царило радостное оживление. Штаб-квартира ЦРУ переехала сюда совсем недавно, и обитатели здания еще не совсем освоились здесь. Заведующий отделом СССР мистер Боуэл радостно потирал руки, докладывая результаты новому директору ЦРУ Аллену Даллесу. В кабинете, расположенном в штаб-квартире ЦРУ, рядом со столом, уставленным телефонами, сидел, слегка опершись на стол, чуть сутуловатый человек, курящий трубку, одетый в классический костюм и носящий тщательно завязанный галстук. У человека было узкое, вытянутое, но очень красивое интеллигентное лицо с высоким лбом и маленьким и аккуратным прямым носом с острым красноватым кончиком и узкими ноздрями. Его волосы были коротко острижены под ежик, но уже имелись признаки облысения, судя по пушковым волоскам спереди; его залысина начиналась с центра лба. У него были некрупные блеклые глаза. Его тщательно ухоженные неширокие рыжеватые усики, почти в стиле Гитлера, не выходили за пределы верхней губы. Глаза обрамляли бесцветные дугообразные короткие брови. Более крупная, чем обычно, нижняя челюсть делала его типичным гринго. Человек носил модные очки со стеклами без оправы и курил довольно длинную прямую трубку. Спрятанные за блестящими стеклами глаза его смотрели на этот мир снисходительно, добро и в то же время сурово. Одет он был очень опрятно, в классическом пиджаке с хорошо отглаженными бортами. Темный галстук со светлыми пятнышками и отлично отглаженная ослепительно-белая классическая рубашка дополняли его гардероб.

Когда он поднялся из-за стола, стало видно, что человек был высок ростом. Сухопарый, долговязый мужчина казался внешне суровым, однако не был лишен утонченного чувства юмора. Его лицо оживлялось очень редко, только тогда, когда он мог показать свое превосходство. Человек неизменно держал во рту трубку, был немногословен, часто улыбался и покорял своих собеседников доброжелательной манерой внимательно выслушать, остро пошутить и, если он был неправ, признать свою неправоту сразу же и открыто.

В 1945 году Аллен Даллес возглавлял разведывательный центр стратегических служб в Берне. В 1950 году он стал первым директором Управления стратегических служб в Берлине. Одновременно Даллес был назначен заместителем директора ЦРУ по планированию, становясь ответственным за тайные операции ЦРУ. В 1951 году он был вторым по значимости человеком в ЦРУ. 20 января 1953 года в должность президента вступил Эйзенхауэр. Он назначил Дж. Даллеса госсекретарем, который фактически сам определял внешнюю политику США, действуя от имени главы государства и пользуясь его безграничным доверием. Его брат Аллен стал директором ЦРУ. Эйзенхауэр предложил А. Даллесу возглавить ЦРУ 22 января 1953 года. Однако еще до того, как его сделали директором ЦРУ, МГБ смогло внедрить в дом Дал-

леса своего агента (милая, исполнительная кухарка, поступившая на работу в семью Аллена Даллеса, была сотрудником МГБ). Этот агент сообщал, что сейчас настольной книгой Аллена Даллеса является книга китайца Сун Цзы «Искусство войны», в которой древний китайский теоретик излагал основы шпионажа. Как много важного и интересного, выпуклого и объемного можно узнать из, казалось бы, незначительных мелочей.

Эйзенхауэр вызвал А. Даллеса и спросил, что планируется относительно дядюшки Джо, ведь он нам в карман постоянно залезает. Дядюшка Джо не унимался в своих атаках на Америку. Только что, в феврале 1953 года, по инициативе Сталина в столице Филиппин Маниле прошло совещание по созданию зоны бездолларовой рублевой торговли для стран Азии и Океании. На 1953 год были запланированы подобные региональные совещания в Буэнос-Айресе и Аддис-Абебе. 7 февраля 1953 года на встрече с послом Аргентины Сталин расспрашивал, что желала бы покупать в СССР Аргентина. Посол назвал оборудование для нефтяной промышленности, сельскохозяйственные машины...

После разговора с Эйзенхауэром А. Даллес дал команду форсировать операцию «Рапсодия». Но вдруг в конце февраля Эйзенхауэр поинтересовался, можно ли отменить операцию. «Сталин – мой боевой товарищ», – сказал он. Ему ответили, что отменить «Рапсодию» почти невозможно, иначе «мы попадем в крупный международный скандал, так как Берия информирован о ней».

Эйзенхауэр сказал: «Я мысленно призвал на помощь Провидение, которое могло бы помочь США убрать такого мощного противника, как дядюшка Джо. Пусть история нас рассудит».

Вернувшись в Лэнгли, А. Даллес, набивая трубку крепким табаком, спросил: «Ну так что там в России?» Затем он взял в рот трубку, в очередной раз затянулся и наконец выпустил дым. Его наслаждение от курения было непритворным. Сотрудник ЦРУ Джордж Кизевальтер радостно сообщил, что операция «Рапсодия», столь удачно начатая, близка к завершению – киллер вышел на жертву, которую сегодня же уберут или уже убрали.

– Прекрасно, прекрасно! – в его произношении проскакивали наметки немецкого «р». Он снова помолчал. Даллес вытянул правую руку с поднятым большим пальцем. – Отлично, ребята! Теперь дело за лекарями. – Он глубоко затянулся, втянув дым из своей трубки. – Сейчас важно не допустить возврата ситуации, – наставительно добавил Даллес. – Взятся за гуж – не говори, что не дюж. Главное – не перейти улицу на тот свет. Хорошо стреляет тот, кто стреляет последним, – Даллес любил козырять подобными словесными конструкциями. Некоторое время стояла радостная тишина, которую никто не решился нарушить. Даллес почесал затылок и продолжил: – Да, правильная организация оперативно-разведывательной работы – залог успеха.

Аллен Даллес любил разглагольствовать по делу и не очень. Поэтому он продолжил свои нравоучения:

– Об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя. – Он немного помолчал, а затем продолжил: – Разведка не только опасная, но еще и неблагодарная работа. Знаменитыми на весь мир становятся только те агенты, деятельность которых была раскрыта. Разведчики-нелегалы, сумевшие безукоризненно выполнить свою работу, канули в Лету. Их имена мы, скорее всего, не узнаем никогда. Такие разведчики если и делятся воспоминаниями, то исключительно с разрешения начальства – все в рамках жесткой конспирации, – разглагольствовал А. Даллес, покуривая трубку. Это была его типичная манера говорить собеседникам общеизвестные вещи. – Легенда агента не должна быть похожей на китайскую корзинку: дернешь за один прут – развалится вся конструкция. Если, к примеру, в доме человека, за которого выдает себя нелегал, была кошка, то он не только должен знать ее кличку, масть, но и повадки.

Слушатели начали ворочаться в своих креслах, но Даллес невозмутимо продолжал:

– Агент постоянно должен помнить, что вся тяжесть провала всегда ложится на его плечи. В лучшем случае его ждало выдворение из страны, в худшем – смертная казнь. Избежать провала. Разоблачение – самый страшный итог работы любого разведчика. Чтобы его избежать, существовал целый ряд инструкций, правил, предосторожностей. Основное правило – избегать всего, что могло бы привлечь внимание контрразведки. Это могли быть слишком высокие доходы агента, особенно из непонятных источников, и большая расточительность. Жизнь на широкую ногу для разведчика – табу! Когда разведчика-предателя даже не арестовывают еще, но выявляют, все его связи немедленно обрубаются. Никакая новая информация к нему не поступает. Тех агентов, которых он предал, если это возможно, пытаются спасти, если нет, ну что, разводят руками: потери неизбежны в многосложном труде разведчиков.

Наконец он понял, что все сказанное им давно известно его слушателям и что им стало скучно. Тогда он поднял вверх указательный палец левой руки, призывая собравшихся к тишине, взял телефонную трубку правительственной связи и прижал трубку к своему правому уху. Через некоторое время директор ЦРУ доложил президенту Эйзенхауэру:

– Я приветствую вас, сэр! Шеф, только что пришло сообщение из Москвы. Наш агент информирует, что первая часть операции «Рапсодия» выполнена.

– Прекрасно! – прозвучало в ответ.

После этого Даллес продолжил свою речь:

– В будущем после Сталина мы должны будем разложить СССР изнутри. Из советской литературы и искусства мы должны вытравить их социальную сущность, чтобы они прославляли самые низменные человеческие чувства. Необходимо всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать, вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства. В управлении государством следует создать хаос и неразбериху, активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность должны осмеиваться; нужно сделать так, чтобы они превратились в пережиток прошлого. Необходимо культивировать хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм, вражду народов и прежде всего – ненависть к русскому народу. Нужно опошлять и уничтожать основы народной нравственности, расшатывать поколение за поколением, главную ставку делать на молодежь, разлагая, развращая, растлевать ее. Нам необходимо сделать из советских людей циников, пошляков, космополитов.

Выговорившись и заметив, что присутствующие уже кивают головами и почти заснули, Даллес наконец закончил совещание и увидел, что ему делает знаки один из офицеров, показывая на бумагу, которую этот офицер держал в своей руке: “Ну, что там?”

– Сэр, нужно ускорить операцию. Вот депеша Казановы. Устуш – Центру: «Сегодня Джо вызвал Бе, Бу и Ма и решил объединить МГБ и МВД в одно министерство с Берией во главе. Жду указаний».

Даллес помнил, что за любовь к женщинам агента называли Казановой, но для официальных посланий использовали более короткий позывной «Устуш». Что значило это слово, никто не догадывался.

2 марта, 5 часов 49 минут. Ближняя дача Сталина

Утром 2 марта, в 5 часов 49 минут, майор Сухарев, один из охранников, дежуривших в эту ночь на Ближней даче, обнаружил, что сам он крепко спит, а не бодрствует, как полагалось по уставу. Майор с трудом оторвал голову от руки и почувствовал резкое онемение пальцев этой руки, она болела и чувствовала покалывание. Видимо, в таком положении он проспал всю ночь. Рядом храпел, подвывая, другой дежурный, подполковник Лозгачев. В доме не было слышно ни одного другого звука. Сухарев с трудом поднялся из-за стола. Его качало. На руке виднелся свежий кровоподтек. Лозгачев и другой майор охраны по фамилии Синицын про-

должали сопеть, один – уронив голову на пальцы своей правой руки, а другой – уткнувшись лбом в столешницу. В центре стола стояли два недопитых стакана газированной воды.

Сухарев попытался растолкать коллег, но те спали как убитые. Тогда он сам стал обследовать дачу. Он зашел на кухню. Там в таких же неудобных позах спали подавальщица и повар. Тогда он вернулся в дежурку и стал еще упорнее трясти Сеницына, и тот наконец проснулся. Вместе они поняли, что на даче что-то стряслось. Первым делом их ошарашила мысль: а что с вождем? Они рванули к комнате, где обычно спал товарищ Сталин, и нашли ее запертой, но там горел свет. Они притащили стул, залезли, посмотрели в верхние окна над дверью и увидели, что Сталин лежит на полу. Разбежавшись, они ударили одновременно в дверь кабинета Сталина, и она с громким хлопком открылась. Они знали, что за такое самоуправство могут не погладить по головке, но на кону стояла жизнь великого человека.

Сталин лежал на спине, и под ним была видна лужа мочи. Голова была запрокинута. Сталин хрипло дышал. Он был в домашнем кителе и брюках. Скорее всего, он не ложился спать, а упал из-за стола или с высоты своего роста. Они быстро прощупали пульс и поняли, что сердце вождя работает нормально. Охранники попытались его растолкать, но безуспешно, видимо, что-то стряслось с головой вождя. Но судя по пульсу с хорошим наполнением и дыханию, жизни товарища Сталина пока угрозы не было, хотя он не двигался. Они повернули голову вождя набок и приоткрыли ему рот, чтобы облегчить прохождение воздуха. Так им вдалбливали в училище.

Как и полагалось по инструкции, они немедленно сообщили о происшествии своему начальству – министру госбезопасности Игнатьеву, который по совместительству выполнял обязанности также и начальника охраны лидеров страны. Сообщили, что Сталин находится без сознания. Пока Игнатьев ехал, они попытались найти врача, который в последнее время лечил Сталина, а потом вспомнили, что доктор Кулинич, кандидат медицинских наук, заболел и почему-то оказался в больнице. Игнатьев немедленно дал знать Булганину. Через 20 минут во двор Ближней дачи въехал лимузин и из него вышли министр Игнатьев и член Бюро Президиума ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета Министров Булганин.

Было решено сообщить всем членам Бюро Президиума, а также Молотову и Микояну. Вызвали врачей, но в основном из числа академиков и директоров. В суматохе охранник Сидоров покинул дачу, для того чтобы скрыть следы, журнал посещений Ближней дачи был им уничтожен.

2 марта, 6 часов 26 минут. Подмосковье, Смоленское шоссе

Перед рассветом по Смоленскому шоссе шел человек в гимнастерке, но без знаков различия. На гимнастерку была наброшена шинель. Его шикарные сапоги были запачканы грязью. Редко проходящим машинам, большей частью эмкам или грузовикам, он махал рукой, призывая их остановиться. Однако водители быстро проезжали, помня запрет госбезопасности – не возить незнакомых людей, да еще недалеко от Москвы. В конце концов человек устал и присел на корточки. В это время по направлению от Москвы показался шикарный «Опель». Когда «Опель» подъехал, человек встал, думая, что его подбросят, но из машины раздались выстрелы. Затем двое молодых вышли из машины, аккуратно, чтобы не испачкаться, подняли труп и отнесли в ближайший лесочек, кое-как запылив его слежавшимся снегом. Деньги и документы они вытащили из бумажника и обезобразили лицо ударами молотка. Они были в перчатках и имели знаки различия офицеров госбезопасности. Было раннее утро, но молодые знали свою безнаказанность и не особенно беспокоились. Потом они набросали слежавшийся снег на место падения странника, чтобы не была видна пролившаяся там кровь. Труп обнаружили через четыре часа. Погода на момент обнаружения трупа была самая что ни на есть мерзопакостная.

2 марта, 8 часов 15 минут. Внуково

Пока самолет летел из Казани в Москву, пришла радиограмма, где сообщалось, что маршалу Берии необходимо срочно прибыть на Ближнюю дачу. Пилотам по секрету сообщили, что что-то случилось со Сталиным. В 9 часов 1 минуту утра в аэропорту Внуково, который в 1945 году стал главным аэропортом столицы, приземлился самолет из Челябинска с летевшим на нем Берией. После того как самолет вырулил со взлетно-посадочной полосы и подкатывал к зданию аэровокзала, от последнего к подкатывающемуся самолету отъехал черный ЗИМ. Лаврентий Павлович быстро спустился с трапа и направился к машине ЗИМ. Двери легковой машины открылись, и оттуда стремительно выскочил полковник госбезопасности. Оказываясь, в аэропорт пришла телеграмма, в которой содержалось сообщение о болезни Сталина и просьба срочно приехать на Ближнюю дачу.

Подбежал старший офицер из МГБ. Берия помнил его еще по своей работе в госбезопасности до войны.

- Товарищ маршал, беда! Товарищ Сталин заболел.
- Что случилось?
- Похоже на инсульт.
- Где лежит?
- На Ближней.
- Поехали.

Берия сел в машину и устроился на заднем сиденье. «На Ближнюю!» – скомандовал Лаврентий Павлович шоферу. ЗИМ стремительно рванул с места, быстро набрал скорость и покатил в сторону Москвы. От аэропорта Внуково к Москве вело Калужское шоссе. Машина Берии катила быстро. Дорога тянулась меж полей, вдалеке блестела загадочная гладь снега. Строящееся здание МГУ создавало иллюзию врывающейся в пролом яхты. Машина проехала мимо достраивающегося высотного здания МГУ. Главный корпус Московского университета был почти достроен, леса оставались только вокруг шпиля. Берия курировал строительство МГУ, и ему было приятно видеть, что работа движется. Чтобы собраться с мыслями, Берия решил прогуляться. Он попросил шофера остановиться на высоком берегу Москвы-реки. Берия подошел к Троицкой церкви и посмотрел на левый берег Москвы-реки. На другом берегу были видны двухэтажные деревянные бараки, деревянные частные домишки и пустыри. Асфальтового покрытия на дорогах между домами не было. «Тут хорошо бы построить стадион», – подумал Берия. Затем он вернулся в машину, и они снова поехали. Наконец машина доехала до площади, с которой начинался строящийся Университетский проспект. Часть проспекта была перекопана.

От площади повернули на начинающийся Университетский проспект. По прямому Университетскому проспекту проехали до Рублевского шоссе и выехали на него. Справа оказались два заснеженных холма, а впереди – лесок. Буквально через несколько минут машина достигла небольшого леса. Здесь свернули направо. С Можайского шоссе недалеко от Поклонной горы был поворот к даче Сталина. Наконец машина уперлась в блокпост. Он перекрывал въезд в лесок, где находилась Ближняя дача Сталина. Дорога здесь была перекрыта шлагбаумом, который дежурные офицеры охраны открывали только для правительственных машин. Еще раз проверив номера машины Берии, офицеры немедленно подняли шлагбаум. Увидев машину Берии, который часто приезжал на Ближнюю, они отдали честь и жестом показали: «Проезжай!»

Далее машина Берии поехала по дороге, окруженной посадками, которые стали настоящим лесом. Асфальтовая дорога к даче шла через густой массив деревьев, Воздух был студеным, голубоватым. Сопутствующего весне сильного запаха прошлогодней прели еще не ощущалось. Снег лежал плотный и без той внутренней, робкой синевы, которая всегда предшествует обильному таянию. Из снега вверх тянулись могучие черные стволы старых деревьев.

Каждое дерево испускало восхитительный прозрачный свет. Вокруг были глубокие сугробы, огромные белые шапки на пнях, запущенные хлопьями снега темно-зеленые ели. Зимняя тишина нарушалась лишь писканием королек и синиц да редким криком дятла. От ярких солнечных лучей светлее стало в лесу. Темнее и сочнее выглядит кора деревьев. Вокруг стволов в снегу появились воронки – след отражающихся от коры теплых солнечных лучей. Под соснами и елями много шишек и чешуек – свидетельство зимней деятельности белок, клестов и дятлов.

Для подъезда к даче нужно было сделать еще один резкий поворот. Наконец машина уткнулась в ворота высокого забора, где стоял блокпост. В отличие от обычных дней на блокпосту было больше, чем обычно, число военнослужащих. Все держали автоматы наизготове.

Вторая проверка у ворот была более строгой. Машину остановили и тщательно осмотрели и пропустили – видимо, здесь знали, что это правительственная машина Берии. Но за воротами чувствовалось нервическое оживление. Здесь офицер охраны, как обычно, тщательно проверил документы и особо внимательно обследовал багажник. Берия обратил внимание на то, что число охранников было увеличено. Третья проверка была за воротами при въезде на дачу. Здесь дежурил работник охраны в военной форме полковника государственной безопасности. Обычно если прибывала машина не из правительственного гаража, проверка приезжавших была очень тщательной, однако сейчас все обошлось проверкой документов и занесением прибывшего в журнал посетителей дачи. Возле ворот для въезда на территорию дачи была видна «дежурная» – помещение для старших офицеров охраны.

После досмотра шлагбаум поднялся, и машина въехала в огороженное пространство. Попадая на территорию дачи, автомашинка совершила крутую петлю вокруг деревьев, скрывавших фасад здания. Показался двухэтажный зеленый дом. Все нижние ветви деревьев вокруг него были тщательно обрезаны. Если смотреть на центральный вход, то справа был виден засыпанный снегом фонтан, вокруг которого виднелись остовы засохших на зиму цветов. Зимой, конечно, он не функционировал. Дом был почти симметричен. Слева крыло заканчивалось полукруглым выступом первого этажа, над которым не было окон второго этажа. Приделок слева имел огромные высокие окна. Это, скорее всего, был какой-то зал заседаний.

Приделок справа имел два этажа, второй этаж над соответствующим выступом первого был, но какого-то несерьезного вида. Крыша его располагалась чуть ниже основной крыши здания. Входная дверь располагалась в глубине ниши, убранной вглубь дома. Дверь обрамлял портик с парой простецких колонн с каждой стороны. Над портиком и по бокам от двери имелись узкие окна. Приступка перед входом не было. Крышу обрамлял ряд кубических столбиков, между которыми натянута решетка. В центре ряд столбиков прерывало возвышение, под которым на стене лепниной была изображена выпуклая кверху дуга. Все окна дома светились. Чувствовалось какое-то странное возбуждение.

Берия хорошо помнил Ближнюю дачу, где в последнее время жил Сталин. Она была расположена близ деревни Давыдково. Опасаясь злоумышленников, вождь решил приписать ее к другой деревне, Кунцево. Эту дачу называли еще Ближней, в отличие от Зубалова. До мая 1952 года комендантом Ближней был Николай Власик. Фактически же он возглавлял личную охрану вождя. В настоящее время цербер Сталина находился под следствием. «Странно, – подумал Берия, – в самый ответственный момент рядом с Хозяином вдруг не оказалось преданного ему человека». Вторым этажом, куда был проведен лифт, пользовались редко. Там останавливался приезжавший в Москву председатель китайской компартии Мао Цзэдун.

2 марта, 9 часов 31 минута. Ближняя дача

Но вернемся к герою нашего рассказа. Когда машина Берии приехала, Лаврентий Павлович, как всегда, быстро окинул двор взглядом и проанализировал детали. Около зеленого цвета двухэтажного дома стояло несколько правительственных ЗИМов и «Чаек». Недалеко была видна группа офицеров, которые курили и о чем-то переговаривались между собой. Видимо,

это были водители правительственных лимузинов. Когда, подъехав к парадному входу дачи, машина остановилась, Берия стремительно вышел из машины, не дожидаясь, когда водитель осмотрится и откроет ему дверь. Машина же направилась к асфальтированной площадке в тупике. Быстрыми, насколько это позволяло погрузившее за последнее время (после облучения) тело, шагами Берия двинулся к входу дачи, вошел в дом через главный вход, который был обрамлен навесом, и оказался в прихожей. Справа и слева от входа в просторной 50-метровой прихожей установлены деревянные вешалки. Справа вешалка, на которую всегда вешал свою одежду Сталин, – там висела зимняя шинель Сталина с воротником из барашка, внизу стояли валенки, тогда как расположенная слева вешалка была до отказа забита шинелями, различными пальто и другими видами одежды. Он прошел дальше, повернул направо и вошел в большую комнату, столовую.

В прихожей находились два подполковника МГБ. Один из них, комендант дачи «Кунцево» полковник Иван Михайлович Орлов, стоял чуть поодаль. Другой подполковник указал рукой, чтобы Лаврентий Павлович проходил в кабинет. Войдя в кабинет, Берия обнаружил группу стоящих членов Президиума ЦК КПСС. Там были Молотов, Маленков, Ворошилов. Среди собравшихся очень странно вел себя Булганин, который отдавал команды всем и вся. Позже Берия узнал, что Сабуров и Первухин были в командировке в Сибири.

Оказалось, что охранники первым делом сообщили о происшествии Игнатьеву, который совмещал должности министра госбезопасности и начальника охраны Сталина. Игнатьев немедленно дал знать об этом первому заместителю председателя Совета Министров и совминовскому куратору силовых структур Булганину. Булганин привез с собой Хрущева. Маленков приехал потом. Берии доложили, что охранник Старостин, звонивший Берии после телефонного звонка Игнатьеву, не нашел его по тем номерам правительственной связи, которые были записаны на даче. Не нашел Берию и Маленков. Через 30 минут (!) он позвонил Старостину и сказал: «Ищите Берию сами, я его не нашел». Маленкову потребовалось полчаса, чтобы приехать на дачу. Но «вскоре» Берия все же нашелся и вышел на связь.

2 марта, 9 часов 46 минут. Ближняя дача

Сталин лежал грузный и неподвижный. Берии он показался коротким и толстоватым. Седые волосы его с начесами на висках к углам глаза слегка курчавились. Красивое удлиненное лицо хранило кое-где следы оспы. Чуть оттопыренные уши. Орлиный нос с широким нижним основанием; расщепленный кончик носа. Этот нос отличает наличие характерного (слегка нависающего) кончика, направленного вниз, к губам. Как констатировали врачи, Сталин был без сознания.

Лицо больного было перекошено, правые конечности лежали как плети. Обездвиженный Сталин лежал на диване прикрытый одеялом с пододеяльником. Он был без сознания. Было душно. Волосы на затылке у него поредели так, что уже проглядывала лысина. И шея была уже морщинистая, старческая. Речь была потеряна. Правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза – взгляд был затуманен. Затылок Сталина был весь в красных прожилках, волос было мало, они отдавали рыжеватым цветом. У него был низкий лоб. В какой-то момент Лаврентию Павловичу показалось, что к Хозяину вернулось сознание. Он наклонился, сиюсь понять, нет ли признаков того, что Сталин начал адекватно воспринимать мир. Но тщетно, признаков разума в лежащем на спине человеке не было.

Тут Берия увидел дочь Сталина Светлану, красивую женщину с короткой стрижкой и с полными губами, у нее были заплаканные глаза. Охранник рассказал потом Берии, что, когда машина, на которой добиралась Светлана, въехала в ворота, на дорожке возле дома автомобиль остановили Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин. Она вышла, они взяли ее под руки. «Идем в дом, – сказал Хрущев, – там Берия и Маленков тебе все расскажут». Светлана, окаменев, слушала как в тумане: удар случился ночью, его нашли лежащим в этой комнате, вот здесь, на ковре,

возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Светлана села возле дивана и поцеловала правую руку вождя, а потом долго держала отца за руку.

Василия вызвали утром 2 марта. Приехав, Василий стал шуметь, разносил врачей, кричал: «Вы убили отца! Отца убили! Его убивают!» Он был пьян, бегал по дому, плакал и кричал. Потом он несколько часов молча просидел в полном народе зале. Василия почти силой увели в помещение охраны, где ему дали еще спиртного, и он уснул. В конце концов Василий увезли домой. «А может, не зря Василий кричит об убийстве?» – спросил себя Лаврентий Павлович, но быстро отогнал эту мысль. Слишком очевидны были у Сталина симптомы естественного заблуждения.

Василий быстро сделал карьеру в авиации и стал генералом. В бытность Василия командующим авиацией столичного округа летный состав начал переучиваться летать на реактивной технике. В.И. Сталин был представлен к награждению орденом Ленина; однако вышестоящее начальство утвердило ему орден Красного Знамени. Василий Сталин 18 февраля был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Ему была присвоена квалификация «военный летчик 1-го класса».

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Но... Вечером после парада 1952 года Василий Сталин серьезно напился из-за аварии Ил-28, произошедшей тогда, но вождь приказал привезти его в Кунцево, на дачу, где он собрался с членами Политбюро. Василий вошел в зал, качаясь. Сталин, увидев сына, сказал: «Это что такое?» Василий ответил, что устал. Сталин спросил, часто ли сын так «устаёт». Вася ответил, что нет, нечасто. Тогда командующий ВВС Жигарев доложил: «Часто». Василий нагрубил Жигареву. Сталин громко сказал: «Садись!» Наступила мертвая тишина, потом Сталин прогнал сына вон. Уже на следующее утро Василий был снят с должности и по указанию отца выведен в распоряжение главкома ВВС, сдал свою должность генерал-полковнику авиации С. Красовскому, а в августе 1952 года был зачислен слушателем Военной академии Генерального штаба; обиженный Василий запил и на занятия не ходил. После того как Сталин прогнал пьяного Василия из своего кабинета, было сделано так, что сын не мог позвонить отцу напрямую, только через коммутатор охраны.

2 марта, 9 часов 58 минут. Ближняя дача

Смертельно бледные профессора, врачи, медсестры что-то неслышно лепетали, суетились. Министр здравоохранения Третьяков рассказал Бери (проделывая это, видимо, уже в который раз), что в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Диагноз им представлялся ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате. В кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном.

В одной из комнат находились врачи, вызванные для лечения Сталина. Министр здравоохранения А.Ф. Третьяков, довел до сведения собравшихся, что в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Начавшийся консилиум был прерван появлением Л.П. Бери и Г.М. Маленкова. Л.П. Берия обратился к профессорам со словами о постигшем партию и советский народ несчастье и выразил уверенность, что они сделают все, что в силах медицины, и т. д. При этом он подчеркнул, что партия и правительство абсолютно доверяют консилиуму и все, что профессора сочтут нужным предпринять, со стороны руководства страны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи.

Врачи сообщили, что у больного определялась мерцательная аритмия. Артериальное давление находилось на уровне 210/110 мм рт. ст. Температура тела была выше 38 °С. При перкуссии и аускультации (прослушивании – пояснил Лукомский) сердца особых отклонений не отмечалось. Наблюдалось патологическое периодическое дыхание Чейна – Стокса. При обследовании органов и систем других патологических признаков не было выявлено. Количество лейкоцитов в крови достигало 17 000 в 1 микролитре. В анализах мочи определялось небольшое количество белка и эритроцитов. Консилиум врачей должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. По общему мнению, смерть или тяжелая инвалидность Сталина были неизбежны. Г.М. Маленков дал понять профессуре, что он ожидал такого заключения, но тут же заявил, что надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь вождя, то хотя бы продлить ее на определенный срок. Все поняли, что речь идет о необходимом сроке для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения.

Берия с интересом наблюдал, как лечат Сталина. Вокруг него суетились врачи, но не было видно ни одной медсестры. Внешне казалось, что доктора очень активны. Они постоянно шебуршились около Сталина, постоянно что-то вводили в обездвиженное тело Хозяина. При этом даже не все вызванные доктора-теоретики удосужились осмотреть больного! Они сидели в соседних комнатах и «заседали», как лечить Сталина. Но что-то настораживало Лаврентия Павловича в организации лечения. Он обратил внимание на странный подбор врачей. Подозрения о неправильном лечении Сталина стали появляться уже во время его болезни.

В поведении врачей прослеживались определенные странности. Берия обратил внимание на необычное поведение Иванова-Незнамова, который практически в одиночку определял, что назначать товарищу Сталину. Почему-то все решалось Ивановым-Незнамовым, которому помогал Лукомский. Все манипуляции также проделывал доцент Иванов-Незнамов. Берия услышал ругань о том, следует ли приглашать медсестру, как вводить глюкозу, внутривенно или под кожу, и т. д. Было решено не привлекать медсестер, но сами врачи, особенно академики, плохо попадали в вену, поэтому раствор глюкозы вводился под кожу. «Странно, – подумал Берия, – почему Хозяину растворы подкожно гонят? Ведь это довольно болезненно. А если Сталин долго пролежит, его кормить надо». «Почему они вводят лекарства подкожно? – спросил Берия у Микояна, который только недавно отлежал в больнице и знал, как ставят капельницы. – Это же очень болезненно». Тот в ответ промычал что-то невразумительное.

С другой стороны, Лаврентию Павловичу было понятно, что введение масляного раствора камфары очень болезненно даже для человека в коме. Берия заметил, что больной Сталин дергался от уколов. Далее Берии показалось странным, что Сталину не поставили капельницу внутривенно, а ведь внутривенные инъекции проводились начиная с середины XVII века. Берия это хорошо знал. В больницах капельницы появились в начале 30-х, в операционных – в середине 20-х годов. «В тридцатых годах, – вспомнил Лаврентий, – использовались стеклянные бутылки и резиновые шланги. Внутривенно тогда капали физраствор, глюкозу и даже гемодез». Судя по внешней картине заболевания и заключению врачей, было ясно, что Сталин не оправится и уж по крайней мере не будет способен принимать взвешенные решения в течение нескольких месяцев, и то в лучшем случае.

2 марта, 12 часов 3 минуты. Ближняя дача

На заседании Бюро Президиума ЦК КПСС, состоявшемся 2 марта 1953 года в 12 часов дня, присутствовали члены Бюро: Г. Маленков, Л. Берия, Н. Булганин, К. Ворошилов, Л. Каганович, Н. Хрущев и члены Президиума ЦК: А. Микоян, В. Молотов, Н. Шверник, М. Шкирятов. М. Первухин и М. Сабуров отсутствовали – они были в командировке на Урале. Было принято решение «установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов Бюро Президиума ЦК».

Весь состав консилиума решил остаться около больного на все время. Профессора, врачи заночевали в соседнем доме и на втором этаже дачи, часть уехала домой. Каждый из них нес свои часы дежурства у постели больного. Постоянно находился при больном и кто-нибудь из Политбюро ЦК. Врачи предупредили своих близких по телефону о том, что они пока домой не вернуться. Дочь Сталина Светлана приглашала профессоров к обеду и ужину и старалась своей простотой и сдержанной любезностью не вносить ни излишней натянутости, ни мрачного молчания. Обедал с ними также К.Е. Ворошилов. Appetit у врачей был отменный. Повара на даче работали не покладая рук.

Игнатьев постоянно болтался на даче как ответственный за охрану. Игнатьев ходил, как кум королю, брат министру. В 11:40 состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Добавочно присутствовали Молотов и Микоян, Шверник, председатель комиссии партконтроля Шкирятов, Куперин и Ткачев. В Кремле Булганин, ни слова не говоря, сел за стол Сталина и стал командовать, входя в роль лидера. Булганин был уверен, что его назначат и не будут отстранять Сталина. Если премьер болен, то кто руководит? Его первый зам.

2 марта, 20 часов 24 минуты. Ближняя дача

На втором этаже дачи Сталина собрались те из лидеров, кто был на даче у больного Сталина. К концу дня стало ясно, что Булганин считает себя новым хозяином СССР. Он начал отдавать распоряжения, как будто уже стал новым лидером СССР.

Перед тем как направиться домой, Лаврентий Павлович получил сообщение из Ленинграда. Берии доложили, что из Ленинградского оптического института, который активно участвовал в создании бомбы, выгнали всех евреев. Берия был встревожен. «Так весь научно-технический потенциал можно растерять, – сказал про себя Берия. – Как бы к ним ни относиться, а евреи сейчас составляют цвет науки СССР. Не зря Николай так яростно и неистово добивался преследования евреев на том, 13 января, заседании Президиума», – подумал Лаврентий Павлович. Только сейчас Берия вдруг осознал, что после заболевания Сталина Булганин и Игнатьев сосредоточили в своих руках абсолютную власть. Булганин курировал органы по линии Совмина. Охрана на даче подчинялась Игнатьеву и Булганину. Берия понимал, что только он может помешать Николаю стать новым вождем страны. Точно так же он давал себе отчет в том, что Булганин это знает и должен был бы под благовидным предлогом Берию арестовать. Однако Булганин не решился отдать приказ арестовать мешавшего ему Берию. Духу не хватило. Маленков бы точно поддержал Берию, так как прекрасно понимал, что без него атомная промышленность встанет. Берия подошел к еще не ушедшему Булганину и угрюмо спросил:

– Николай, ты зачем дал команду увольнять евреев из НИИ? Пачему ты мне мэшаешь дэлать бомбу?

– Ты что? Это не я. Это в Совмине.

Лаврентию сразу стало ясно, что это именно он. Берия хмуро посмотрел на Булганина и произнес:

– Ныколай, брось прыдуриваться. Маленькая ложь рождает большое недоверие.

Берия понял, что нужно готовить переворот. Мысли быстро крутились у него в голове: «Поскольку Булганин стал играть роль главного, следовало его заменить. Для этого до смерти Хозяина следует поставить предсовмином Маленкова. Сталин, скорее всего, не сможет больше руководить». На XIX съезде в Бюро Президиума вошли Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, Первухин, Сабуров. Не вошли Молотов и Микоян. Именно с ними требовался доверительный разговор. Берия понимал, что поддержка Маленкова и возврат Молотова и Микояна в верхи – основа успеха предприятия. Лаврентий решил привлечь Маленкова, Молотова Ворошилова, Микояна и Кагановича для переворота. Сабурова и Первухина он знал не очень хорошо, да и не выдвинулись они еще в стан вождей. Хрущеву он давно не доверял, считая того флюгером, ну а Николай Булганин и был мишенью мероприятия. Он

начал обработку вождей, обговаривая смещение Булганина с поста никем не назначенного врио председателя СМ СССР.

Когда Берия вошел в состав членов Политбюро, он разделил для себя вождей на три группы: заслуженные старики, куда Берия относил 72-летних Сталина с Ворошиловым и 63-летнего Молотова. Группа среднего возраста менее заслуженных включала 59-летних Кагановича и Хрущева, а также 57-летних Микояна и Булганина. Группа молодых разной степени заслуженности состояла из 53-летних Сабурова и самого Бери, 51-летнего Маленкова и 48-летнего Первухина. Потом он понял, что Каганович и Хрущев – украинская мафия. Кузнецов, Жданов и Вознесенский – ленинградцы, Вознесенский из Москвы, но прибил к ленинградцам. Маленков, Микоян – в стороне. Берия тоже ни к кому не примкнул. Потом в группе «непримкнувших» появились Первухин и Сабуров.

Члены Политбюро редко встречались во внеслужебной обстановке. Разве что иногда Хозяин приглашал пообедать на Ближнюю дачу, да и то эти обеды были скорее продолжением работы. Семьями они не дружили. Каждый жил своей собственной личной жизнью. Симпатии и антипатии членов ПБ мешали работе. Берия отлично помнил, как начиная с 1950 года Сталин стал очень негативно относиться к тому, что члены высшего руководства увлекались охотой. Все дело в том, что, бывая на охоте, члены Политбюро сдруживались. Сталин, однако, не приветствовал дружбу между членами Политбюро, особенно после того случая летом 1948 года, когда он не смог провести через ПБ решение, осуждающее доклад ждановского сына, когда тот пытался осудить взгляды русского самородка – академика Лысенко.

Советские вожди давно выработали для себя правило – называть друг друга полными именами, но без отчеств. Только двое членов высшего руководства партии обращались к нему на «ты» – Молотов и Ворошилов. При этом Ворошилов часто называл Сталина Коба. Молотов тоже иногда позволял себе называть Сталина Кобой. К Бери Сталин всегда обращался, говоря «товарыш Бэрья», а Маленкова звал «товарыш Малэнков», точно так же и они звали его – «товарищ Сталин». По-грузински Сталин говорил очень редко, да и тогда непременно извинялся перед остальными. И на «ты» они никогда не были. Между собой лидеры называли Сталина Хозяином. Уголовники же пытались называть Сталина между собой Гуталином из-за того, что Сталин считался сыном сапожника, но прозвище не прижилось.

Берию Сталин называл Прокурором. Булганин – Дон Жуан, Каганович – сионист; Молотов – «каменная жопа» из-за его поразительной работоспособности. Маленкова Сталин называл писарем. Ворошилова – стрелком, намекая на движение «Ворошиловский стрелок». Микоян – «пластином», реже «гуттаперчей» или «пищевик» (с намеком на «Книгу о вкусной и здоровой пище»), он был всегда в стане победителей. Калинина Сталин называл за глаза не иначе как «всесоюзным похотливым козлом». Калинин был неравнодушен к женщинам творческих профессий, и в его постели с завидной регулярностью оказывались балерины, актрисы, певицы, художницы и поэтессы. На недостойное поведение Калинина жаловались и генералы, и ученые, и деятели искусства. Всесоюзный староста сумел отправить в лагерь собственную жену, которая в какой-то момент пригрозила обнародовать информацию о любовных похождениях мужа. В итоге Екатерина Лорберг, с которой Калинин состоял в браке с 1906 года, получила 15 лет заключения за шпионаж. Алексей Косыгин в 35 лет – нарком текстильной промышленности, удостоенный снисходительной клички от Сталина – Косыга. Николай Байбаков, он же, по-сталински, Байбак. Тут Берия вспомнил, что последнего царя России Николая Второго звали «ананас». Он, обращаясь к народу после объявления войны немцам в 1914 году писал: «А НА НАС лежит ответственность, А НА НАС взвалилась тяжесть...» Но вождь никогда не позволял себе оскорбить человека, а делал это за глаза в шуточной форме.

Когда Берия вспоминал замечательных героев «Мертвых душ» Гоголя, то Хрущев ему виделся в виде Ноздрева, а Маленков – в виде Манилова. Хотя Молотов и не походил на Плюшкина, но если внимательно приглядеться, то возникала гибридная фигура, составленная

из Коробочки и Плюшкина. Молотов был зажат изнутри, говорил без утайки прямо, но был догматичен в понимании того, что написали Маркс и Ленин. Он, как Плюшкин, хранил все свои бумаги, включая черновики. Долгие годы дипломатической работы наложили на него свой отпечаток: его язык стал извилист, как река Дон, но часто был наполнен сдержанным политесом и вычурностью. Никита? К нему прицепились кликухи «хряк» или «колхозник» после агрогородков, так как он решал проблему ликвидации мелких деревень, за его тупой юмор и необразованность. Было непонятно, что нашел Сталин в этом человеке. Но Хрущев очень быстро схватывал суть дела и был по-своему талантлив. При улыбке («А он часто лыбится», – подумал Берия) у Хрущева просвечивал золотой зуб слева. Характер Хрущева был противоречивый до самодурства и очень самолюбивый. Он любил властвовать и подтрунивать над другими, но по отношению к себе ничего такого не терпел; что на уме, то и на языке. Новые члены Президиума Сабуров и Первухин были более образованны, чем старая гвардия, во время дискуссий они часто вносили деловые предложения. Он не любил членов ПБ, за исключением, пожалуй, Маленкова и Молотова, ну и, конечно, Хозяина, к которому испытывал не столько страх, сколько уважение, смешанное с настороженностью. Как-то Берия поймал себя на мысли, что Сталин жил как анахорет (он недавно прочитал в книге, что анахорет – это отшельник; тот, кто живет в уединении, избегая людей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.